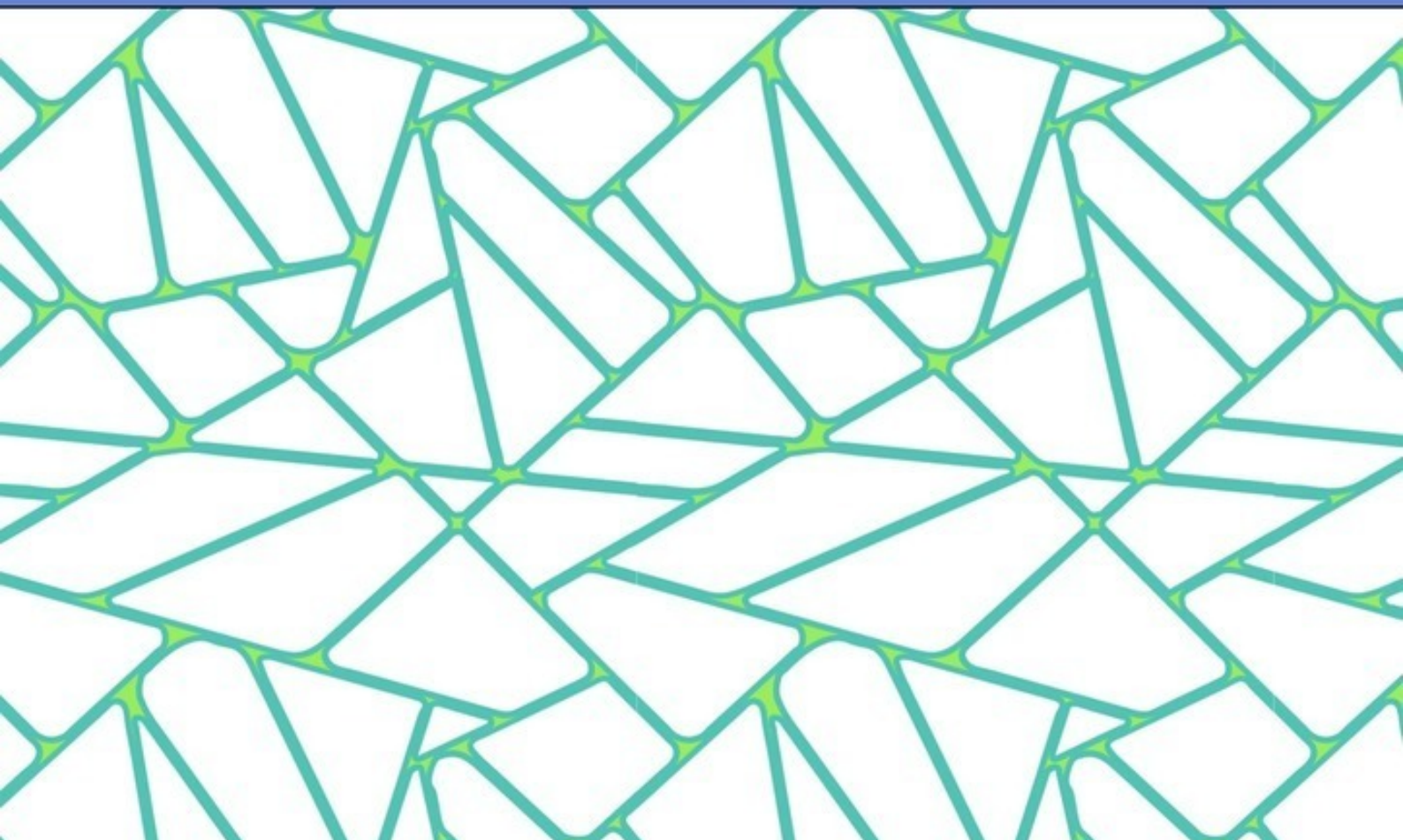

Александр Беляев

Астральный медальон

Хроники затомиса

Александр Бе́ляев

**Астральный медальон.
Хроники затомиса**

«Издательские решения»

Беляев А.

Астральный медальон. Хроники затомиса / А. Беляев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834969-0

Главный герой знакомится с необычным актером-йогом и становится его учеником. Вскоре жизнь его круто меняется, и он начинает выходить в астрал.

ISBN 978-5-44-834969-0

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Маркелов	6
ГЛАВА 2. Первые плоды	28
ГЛАВА 3. Шрастры	39
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Астральный медальон
Хроники затомиса
Александр Бе́ляев

© Александр Бе́ляев, 2016

ISBN 978-5-4483-4969-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Маркелов

Прошло пять лет. В памяти Андрея стерлись недавние события потусторонней реальности, потускнел образ девочки из сна, забылась внешность таинственной соседки и острота детских переживаний. Жизнь шла своим чередом, и повседневные заботы отодвинули все, что он пережил в Трускавце, куда-то на задворки памяти.

Семья Даниловых недавно переехала на новую квартиру в центр города, неподалеку от храма Николая Чудотворца на улице Большая Подьяческая – в тот самый район, который был известен как Петербург Достоевского, поскольку многие герои великого русского писателя жили и страдали где-то поблизости от дома Андрея.

Как знать, не переберись сюда семья мальчика, возможно, и повествование наше складывалось бы совершенно по-другому. Район этот, особенно в пасмурную и туманную погоду, веял мрачной мистикой. Былое великолепие фасадов зданий органично сочеталось здесь с чудовищным обветшанием подворотен и мрачностью подъездов, где самым характерным запахом было сложное сочетание запахов мочи, котельной и дохлой кошки.

А эта свинцовая, вспученная вода каналов, плывущий по ней мусор – в обрамлении удивительного чугунного литья набережных и сказочно изящных маленьких мостиков!

Но все это было чисто внешним, тем, за что цепляется разум, постоянно нуждающийся в форме. Главное – это неповторимая энергетика, создающая настроение то Гриновского Несбывшегося, то Гофмановской потусторонности, то сырости и мрачности Достоевского.

Если бы Андрей был мало-мальски сведущ в вопросах мистики, он сказал бы, что это место идеально подходит для занятий черной магией, а близость великолепной церкви ни в малой степени этому не мешает, поскольку она скорее создает атмосферу светской праздности, далекой от монашеского смирения и благолепия.

Школа, в которую перешел Андрей, располагалась в давно не отремонтированном особняке 19 века и примерной дисциплиной не отличалась. Первые месяцы ему, как и положено новенькому, не знавшему никого из местной шпаны и не отличавшемуся особой силой и решительностью, приходилось тяжело. До тех пор, пока у него не появились школьные друзья, и он случайно не принял участия в групповой уличной драке, несколько поднявшей его рейтинг, жизнь Андрея складывалась безрадостно и была заполнена ощущением униженности, собственной ничтожности и страха быть избитым. А так как всякий человек, оказавшийся в атмосфере тяжелого психологического климата, ищет выход из тупика, Андрей устремился в мир книг и фантазий.

Большую часть времени после школы он сидел дома, читая, либо устремив взгляд в одну точку, пребывая в стране воображаемой действительности.

Его положение еще больше усугублялось тем, что он недавно вступил в период отрочества, когда ломается голос и выступают прыщи на некогда чистом лице, а все более отчетливый зов пола окрашивает сознание в сладостные розово-голубоватые тона. К тому же и невозможность найти свой идеал в реальном мире превращало жизнь тонкого, чувствительного подростка в сущий ад.

Неоднократно у Андрея возникали мысли о самоубийстве, он думал о том, как было бы хорошо одним разом прекратить весь этот кошмар, всю эту бессмысленную жизнь, полную жестокости и унижений, и кто знает, может, это и не будет концом, может, смерть это только дверь, открыв которую, оказываешься на пороге удивительного мира, полного света, смысла, любви и мудрости.

Как знать, если бы не страх перед болью и неведомым, а также не пылкое воображение мальчика, с отвращением представлявшего свой искалеченный смердящий труп, может, он бы и наложил на себя руки или, по крайней мере, попытался это сделать. Но страх в нем

был настолько силен, что приходилось мучиться, но жить дальше, все же надеясь на перемены к лучшему.

Итак, Андрей проглатывал Грина, Эдгара По, Гофмана, Лема, Стругацких и все больше перемещал сознание в их фантастические миры, то пытаясь (к сожалению безрезультатно) порвать связь с видимой действительностью, то разыскивая отблеск этих миров в окружающей реальности. Шаг за шагом в своем воображении он проходил пути полюбившихся ему книжных героев, мысленно разыгрывал сцены из их приключений: битв, путешествий, любовных трагедий – да, именно трагедий, так как Андрей чувствовал, что только когда в любви есть Несбыточное, когда она недосказана, таинственна и прерывается на своем чувственном пике – только тогда это настоящая любовь, с которой непонятным образом содружествуют миры его полузабытых снов, от которых остается прикосновение к чему-то прекрасному, но забывшемуся или безвозвратно утраченному.

Именно поэтому знаменитые «Алые паруса», с их благополучным исходом, очень понравились но не оставили глубокого следа, но совершенно перевернул душу «Блестящий мир».

А героини болезненно грезящего наяву Эдгара Алана По! Лигейя, Леонора, Береника, эти эфемерные то ли женщины, то ли призраки, возлюбленные мистиков, погруженных в опиумные видения! Таинственные девы, окруженные ореолом потустороннего, владеющие какими-то неведомыми знаниями, утасаживающие в рассвете красоты и оставляющие после своей гибели какую-то страшную тайну, смерть которых приводит к череде мистических ужасных событий. Надо ли говорить, в какое трепетно-жутковатое томление погружалась ранимая и чуткая душа мальчика, когда он страницу за страницей открывал для себя этот новый мир болезненно прекрасной реальности, то ли выдуманный, то ли подсмотренный в узкую щелку.

Андрей начал тогда смутно осознавать, что завораживает его не столько повествование, со всеми писательскими приемами недосказанности, версификаций и аллитераций, сколько какая-то особая энергия, которая передается то ли от автора, то ли от его героев, даже если их никогда не было в реальной жизни.

(Позднее он познакомился с теорией, что секрет силы по-настоящему талантливого произведения заключается в том, что его даже вымышленные герои имеют прообраз-душу в тонком мире, и души эти как бы притягиваются автором к земному плану, одухотворяя и оживляя повествование).

Итак, мальчик мучился подростковыми настроениями, мечтал, грезил, но и здесь не находил спасительной отдушины, так как выдуманный мир никак не хотел подменять опостылевшую действительность. А сны? Увы, они заканчивались утром и по большей части забывались.

В этот трудный период бурного роста тела и трансформации сознания у Андрея появилось два новых увлечения, и если о первом – о стихах – он мог рассказать маме или близким друзьям (кому-то свои неумелые изыски он всегда показывал), то о втором он не говорил никому. Это было что-то вроде мысленного романа.

Он выдумал двух героев – юношу и девушку и каждый вечер, ложась спать, сочинял историю их любви: их встречи, разлуки, путешествия и битвы в каком-то фантастическом и прекрасном мире, где не было места тоске и обыденности.

Юноша походил на самого Андрея – правда, бесстрашного и благородного, а девушка была его вымышленной возлюбленной, которую он пока не встретил в жизни, но неосознанно воспроизвел почти забытый образ Единственной.

Это мысленное повествование не имело ни начала, ни конца, да и действия его были для Андрея чем-то второстепенным: он просто старался представить своих героев как можно ярче, и страдал оттого, что это всего лишь туманные образы, которые нельзя ясно увидеть.

С другой стороны, он испытывал светлое томление от их выдуманных встреч, бесед, объятий, которые хоть и носили порой эротический оттенок, главное, что в них было – это невы-

разимое словами Гриновское Несбывшееся, которое можно было ощущать первый, третий, десятый раз и не утрачивать остроту ощущений.

Иногда мальчику казалось, что какие-то туманные сгустки чувств начинают жить самостоятельной жизнью и что уже не он хозяин их судьбы, но они сами диктуют ему эту бесконечную историю, словно своими мыслями и мечтами Андрей помогает им стать чем-то более материальным в этом мире, чем просто два эфемерных облачка, которые любят, но которым не дано по-человечески обнять друг друга.

Чем-то более вещественным были стихи, которые можно было по крайней мере записать, запечатлев на бумаге энергию чувств, и прочитать их кому-то, вызвать хоть какое-то понимание у близких, хоть как-то поделиться и обсудить хотя бы маленькую толику чувств, переполняющих его истрадававшуюся неведомо чем душу. Естественно, полного понимания у друзей и родных он не находил – но был хотя бы малый отклик на то, что он писал, все же был хоть какой-то диалог, так как полного одиночества душа не выносит. Как сказал классик: «Одиночество хорошо тогда, когда есть человек, которому можно рассказать, как ты одинок».

Надо ли говорить, что с точки зрения поэтического мастерства стихи никуда не годились, и море чувств, бушевающих мальчика, не находило достойного выражения в этих неумелых виршах.

Немногочисленные слушатели, которым Андрей решался их прочесть, как правило, отделялись дежурными похвалами и не улавливали второго дна этих стихов, но для мальчика они были закодированными ощущениями, которые он испытывал в тот или иной день, дорогами, как родные дети.

Попутно он украшал блокнот маленькими рисунками и любил часами перечитывать стихи и рассматривать картинки своего драгоценного блокнота.

И снова ему начинало казаться, что эти исчерканные странички – маленькие оконца в какой-то родной и прекрасный мир, в котором он когда-то жил и любил, в котором нет места серым будням и мучительным мыслям о бессмысленности существования.

И все же, получая крупицу удовлетворения от этих прорывов в иной мир, большая часть его существа продолжала пребывать в тоске и меланхолии. Он понимал, что написанные им стихи – всего лишь жалкие крохи иных срезов бытия, ему хотелось писать что-то грандиозное, фантастическое, он смутно ощущал: надо только прорвать какую-то перемычку, чтобы войти в этот прекрасный мир или хотя бы увидеть его через щелку.

К сожалению, на бумаге все выходило куце, он не мог найти нужных слов, образов, аналогов своим чувствам. И выходило что-то наподобие стихотворения «Радуга».

Над землею висит радуга,
Так прекрасна на вид, радуга,
Кто дойдет до нее, до радуги,
Семь получит цветов от радуги.

Голубой – это счастье, радости,
В нем искрится любовь, плавает,
Остальные цвета – липа все,
Ничего не возьмешь от других цветов.

Словно счастье в скорлупке прячется,
Голубой меж других улыбается,
Так и сяк, приходи и бери меня,
И не будет тебя счастливее.

Предо мною давно – радуга,
Но дойти не дано до радуги,
Так и будет висеть впереди тебя,
Ложным счастьем в пути заигрывая.

Ты теперь для меня, как радуга,
Ты сначала мой взор так радовала,
Но нельзя счастья взять от любви к тебе,
Смысл радужный твой только в красоте.

Конечно, любой подростковый психолог наверняка сказал бы, что все описанное – обычные подростковые депрессии, которые испытывает в жизни каждый, что все это – результат возрастной перестройки эндокринных желез и появления в крови половых гормонов, которые в считанные месяцы совершенно изменяют психику подростка, то делая его замкнутым и необщительным, то превращая в сущую неуправляемую бестию, когда совсем еще недавно тихий и послушный ребенок становится головной болью учителей и родителей. Словно бы в нем появляется какая-то новая энергия, которая ищет выхода и либо трансформируется в темную, и тогда подросток связывается с дурной компанией, начинает выпивать, принимать наркотики и подчас проявляет садистскую жестокость, участвуя в групповых избиениях и мучительствах безо всякого видимого повода.

Либо же эта энергия преобразуется в светлую, и тогда бывший ребенок грезит наяву, пишет стихи, картины, влюбляется, несмотря на насмешки, в самую обычную Галочку или Верочку – причем самой чистой и романтической любовью, которая бывает только в ранней юности. В редких же случаях, когда на ребенке печать некоей избранности, он начинает увлекаться мистикой, религией и пытается познать мир потустороннего, безоглядно бросаясь в изучение оккультной литературы и самоэкспериментаторство.

Несомненно, Андрей, при всех его склонностях, избрал бы последнее – но нельзя забывать, в какую эпоху он жил, когда атеистическая пропаганда растлевала мозги с раннего детства, а неверующие родители, прошедшие ту же обработку, становились соучастниками государства. С другой стороны, подобная чистка мозгов порой приносила совершенно противоположный результат, и религия либо любая наука о потустороннем становились для юного бунтаря запретным плодом – который, естественно, сладок и который очень хочется попробовать хотя бы из чувства протеста и потому, что это «низзя».

К сожалению, главной трудностью этого пути являлось отсутствие литературы, которую новые советские инквизиторы тщательно уничтожали на протяжении многих лет своего владычества.

Не было подобных практических книг и в обширной семейной библиотеке Даниловых, а художественная литература в лице Эдгара По и Гофмана будила воображение, но не давала методов.

И все же древняя истина гласит: когда душа готова – однажды складываются обстоятельства, и приходит нужная книга или появляется духовно продвинутый человек, который может что-то рассказать, чему-то научить и дать необходимый толчок – а дальше наступает каскад мистических событий, вопреки привычному и окружающей действительности.

Трудно выбрать путь, когда не знаешь, что он существует. Андрей пробовал жить, как большинство его сверстников. Преодолевая врожденную нерешительность, за счет какого-то высвободившегося внутреннего резерва, он стал вести себя более нахально, принял участие в нескольких драках и, хоть и не попал в хулиганскую элиту школы, все же поднял свой рейтинг и перестал быть всеми угнетаемой овечкой. А, научившись сносно играть на гитаре и выучив

несколько десятков песен Высоцкого, Визбора, Кукина и Клячкина, добился всеобщего уважения, и даже не обращавшие на него ранее внимания девочки стали к Андрею приглядываться.

Чтобы не быть белой вороной, он начал курить, несколько раз пробовал травку – правда, никакого серьезного кайфа не словил, – ну и, конечно, в веселой компании пил в подворотне «Тридцать третий» портвейн, сознательно нарываясь на неприятности в школе и дома.

Так он пытался бежать от самого себя, рассчитывая на то, что если когда-нибудь станет крутым парнем, то все его проблемы сами собой разрешатся – но, увы, ничего похожего не происходило, и по мере роста к нему уважения со стороны сверстников тоска его стала усиливаться еще больше. И если раньше в шумной компании, взвинченной алкоголем, сигаретами и танцами, она на какое-то время отпускала мальчика, то постепенно привыкая к такому времяпровождению, Андрей порой впадал в депрессию в разгар самой веселой вечеринки.

Какое-то время мальчику казалось, что он ищет любви: нет, не легкомысленных поцелуев и даже не свободного секса, а серьезного чувства, о котором он столько книжек прочитал и столько фильмов просмотрел – но, увы, его роман с Аллочкой Кусивицкой из восьмого А, на которую он заглядывался целых полгода и внушил себе за это время, что влюблен в нее по уши, осчастливил его всего на несколько встреч. И тогда выяснилось, что нечто похожее на любовь он ощущал, лишь когда Аллочка (как ему казалось) была для него недоступна, но стоило ему осуществить свою мечту на одном из школьных вечеров, когда он явно очаровал девочку удачными шутками, названиями дисков и исполнением бардовских песен, то после нескольких свиданий, на которых Аллочка была мила и податлива, он полностью охладел к своей недавней возлюбленной. Когда же она попыталась выяснить отношения, для Андрея все было кончено: реальная девочка абсолютно не совпадала с выдуманным образом, а значит, и любил он не ее, а собственный вымысел, и в памяти осталась только божественная мелодия Леграна из «Шербурских зонтиков» и первый медленный танец, когда казалось, что мечта сбывается и реальная любовь заслоняет собой мечту.

Прожив около года на новой квартире, Андрей подружился с мальчиком из соседней квартиры, правда, учился он в другой школе, с углубленным изучением французского языка. Звали его Сережа Кубарев, это был высокий блондин с тонкими чертами лица и артистическими манерами. Сергей, помимо школы, посещал детскую театральную студию при театре Драмы и Комедии на Литейном и однажды он пригласил Андрея на репетицию спектакля «Сирано де Бержерак», где играл одну из главных ролей – Кристиана.

Обо всем этом можно было бы и не упоминать, если бы не произошедшая там встреча, которая круто изменила дальнейшую жизнь нашего героя.

Спектакль был еще достаточно сырым, он находился на той фазе становления, когда роли кое-как выучены, но пьеса еще не обрела целостность, отдельные сцены плохо стыкуются, и вообще, актеры еще не полностью усвоили, что им делать, поэтому спектакль постоянно останавливался и возникали то единичные, то групповые перебранки.

Все ребята находились во взвинченном состоянии, даже непонятно было, зачем Сергей провел своего друга смотреть его, возможно, был просто неудачный день. В этой обстановке сохранял полное спокойствие, как ни странно, только режиссер ТЮТа (театра юного творчества) Иван Александрович Маркелов.

Андрей, естественно, не знал его лично, знал только, что он – один из ведущих актеров театра на Литейном, в спектаклях тоже никогда раньше его не видел, поскольку не ходил в этот театр, но об этом человеке всегда с очень таинственным видом сообщал его новый приятель.

Андрей внимательно присмотрелся к режиссеру детской студии. Это был немолодой брюнет невысокого, пожалуй, даже маленького роста, удивительно ровный и подтянутый. По лицу его трудно было установить национальность и в нем, на первый взгляд, даже проскальзывало что-то обезьянье, правда, со временем это ощущение проходило. Андрей обратил внимание

на его поразительное спокойствие: он не повышал голос и не суетился, в то время как его ученики, отстаивая свою версию, часто срывались на крик, и начинали яростно жестикулировать. И еще, он как-то странно двигался по сцене и каждый его шаг словно бы притягивался к полу магнитом, отчего выглядел он удивительно устойчиво. Казалось, он с самого начала знал, что все, в конце концов, устаканится, и действительно, юные актеры вскоре словно бы заразились его спокойствием и ощущением ясности цели, отчего вторая половина спектакля прошла гораздо ровнее первой.

Когда мальчики шли домой, то Андрей, поделившись своими впечатлениями о спектакле и о роли Сережи, естественно, сильно приукрасив и то и другое, сообщил, что его почему-то заинтересовал их режиссер и что он, наверное, очень необычный человек. Сергей внимательно посмотрел на своего друга и сказал:

– Я специально про него раньше почти ничего не рассказывал, хотел, чтобы ты поглядел на него непредвзято. Он действительно удивительный человек – он йог.

Надо напомнить, что в те времена – в начале семидесятых – еще не наступил период массового увлечения йогой, и это слово еще не набило оскомину постоянным пережевыванием в светских салонах. К тому же информации и литературы по этому вопросу было очень мало, но на экраны только что вышел сильно урезанный цензурой фильм «Индийские йоги, кто они?», который Андрей посмотрел 2 раза и был буквально потрясен увиденным. Именно поэтому слово «йог» произвело на мальчика гипнотическое действие, и смутное предчувствие грядущих таинственных событий охватило все его существо.

– Слушай, Серега, – заговорил он взволнованно. – А он что, об этом сам сказал или показывал что-нибудь интересное – ну там, узлом завязывался, или его живьем в землю зарывали? (Информация Андрея о йогах ограничивалась, в основном, этими двумя трюками).

– Сам он об этом говорить не любит, – ответил юный актер. – Лично я с ним только о спектаклях и стихах разговаривал, а о том, что он йог, – все в театре знают. Моя мать в театральной библиотеке много лет работает и в курсе обо всех артистах театра: кто, где, когда и с кем. Так вот: про Маркелова совершенно точно известно, что в молодости у него в результате травмы неправильно нога срослась, и одна стала на несколько сантиметров короче другой – он от этого сильно хромал, но когда стал йогой заниматься, ухитрился без всяких операций вырастить короткую ногу и убрать хромоту. А другой случай – это уже когда он в этом театре работал, то после какого-то заболевания слепнуть стал – роговица у него рубцами покрылась и прозрачность потеряла – так и это он безо всяких врачей вылечил. Говорят, несколько лет ездил в Крым, на восходящее солнце над морем смотрел по особой системе «траака» – и все у него рассосалось. А потом, актер Исаев рассказывал маме (они тогда всей труппой в санатории на Черном море отдыхали), что своими глазами видел, как Маркелов на воде сидел.

– Что, значит, сидел? – восторженно воскликнул Андрей. – Это же невозможно!

– Не то что совсем на поверхности, Иван Саныч сначала лежал на воде – ну это многие умеют – раскинув руки, а затем ноги в такую специальную позу сложил – лотос называется – как-то перевернулся и сел, по пояс погружен – а глубина-то с головкой – и сидел, словно на дне.

Да и вообще, он себя странно в санатории вел. Все мужики водку пьют, за женщинами бегают, а Маркелов – ни-ни, питается разной травкой и уходит в горы один на несколько часов. Конечно, всем интересно, что он там делает, подружились – а он выбрал площадку над морем, сел, ноги в лотос сложил и сидел так, не двигаясь, часа четыре, а жара – жуткая, попробуй, высиди!

– Серега, а неужели он вам ничего не показывал и не рассказывал? – возбужденно заговорил Андрей. – Вы же с ним на каждой репетиции общаетесь!

– Ну, не то чтобы совсем ничего. Во-первых, он нам рекомендовал перед репетицией лечь в позу трупа – это когда лежишь на спине, стараешься, все мышцы расслабить, мысленно представляешь себе океан и пытаешься услышать шум прибоя – у меня это упражнение

не очень хорошо получается, но волнение классно снимает. Потом рекомендовал для тренировки внимания на свечу глядеть, не моргая, пока слезы не потекут. Иногда цитаты по памяти приводит из разных древних индийских книг, и вообще все знают, что он верующий, но в церковь не ходит, и верит не в Иисуса Христа, а в этот... как его... Абсолют.

– Послушай, Серега, – голос Андрея задрожал. – А не мог бы ты меня с ним познакомить? Скажи, что я тоже йогой начал заниматься и хочу проконсультироваться. Я, конечно, в этих вопросах не Копенгаген, но все же фильм смотрел, смогу пару слов на эту тему связать.

Конечно, никакой пылкой страсти тут же заняться йогой Андрей не испытывал, тем более вообще плохо понимал суть вопроса, и, кроме того, что йоги принимают какие-то немыслимые позы, выглядят в старости молодыми и очень гибкими и прочищают нос и желудок длинными кусками материи, он из фильма ничего не вынес. О том, что мистическая реальность, о которой он читал у Гофмана и Эдгара По, и йога очень близкие сферы бытия, он также не знал, но его страстно влекло все таинственное и необычное, а внутреннее томление и неудовлетворенность собственной жизнью готовы были толкнуть к любому человеку, который бы поманил его чем-то из этой области.

Кроме того, Андрея обуревало тщеславие, он давно уже, особенно при общении с девочками, надевал на себя маску этакого Чайлд Гарольда – в чем, кстати, была некоторая доля истины, но ничем особенным, кроме неплохой начитанности и бардовских песен, блеснуть не мог. И тут коварное подсознание стало ему нашептывать, что недурно было бы заняться чем-то совсем необычным, набраться незнакомых слов, может быть, даже научиться каким-то трюкам – и тогда он будет королем в своей компании, а девочки сами станут бросаться ему на шею (увы, своими амурными успехами, за исключением двух-трех удач, он похвастаться не мог).

– Ладно, – поддался уговорам Сергей. – Попробую тебя с ним свести, но ничего гарантировать не могу, он человек занятый, может, и не захочет с тобой общаться. В четверг у нас репетиция, в зал я тебя проведу, с Маркеловым познакомлю, а дальше уж от тебя зависит, насколько ты сможешь его заинтересовать.

На этом друзья расстались и разошлись по своим квартирам. Два дня Андрей пребывал в томительном ожидании, а в четверг вечером отправился вместе с Сергеем на репетицию.

Репетиция на этот раз прошла более ровно, хотя, естественно, не без шероховатостей, да, впрочем, Андрей особенно и не вникал в то, что происходило на сцене, так как с волнением ожидал конца спектакля и того события, которое должно произойти сегодня: знакомства с живым йогом.

Когда репетиция закончилась, и труппа начала расходиться, Сергей подвел своего друга к режиссеру и представил его: «Иван Саныч, вот тот самый Андрей, о котором я говорил, он интересуется йогой, и хотел бы с вами побеседовать».

Маркелов протянул мальчику узкую сухую ладонь и, улыбаясь, посмотрел на него снизу вверх (он был на полголовы ниже Андрея).

– Ну, молодой человек, и что же вас интересует в йоге? – произнес он мягким, хорошо поставленным голосом.

Андрей смутился, не зная, с чего начать знакомство, все слова, которые он заготовил дома, и те жалкие знания, которые почерпнул из фильма, как-то сразу выветрились из его головы, и он сбивчиво залопотал о том, что хочет поправить здоровье, что йога, как он слышал, очень полезна для организма, что он собирается приступить к каким-то упражнениям, но не знает, с чего начать, и хотел бы получить по этому вопросу консультацию.

– А Сережа мне сказал, что вы уже занимались раньше, – продолжил разговор Маркелов, после того как жалкий словесный ручеек Андрея иссяк. – Вы какие книги по йоге читали?

Выяснилось, что никаких книг Андрей не читал, но смотрел фильм «Индийские йоги, кто они?» и был совершенно потрясен увиденным, что он только хотел заняться, но Сергей, видимо, его неправильно понял.

– Ну, если ваше представление о йоге основано только на этом фильме, то знания ваши, по-видимому, не очень глубоки, – усмехнулся Маркелов. – Кстати, я неплохо знаю профессора Зубкова, который принимал участие в создании этого фильма – между прочим, они в Индии отсняли многочасовой материал, и если бы на экраны вышло все, что они собирались показать, то у вас создалось бы гораздо более основательное впечатление о предмете нашей беседы, но цензура почти все интересное из фильма вырезала. Доходило до курьезов. Зубков рассказывал мне, что когда на худсовете, на котором присутствовало много партийного начальства, шел просмотр полной версии фильма и пошли кадры об одном из индийских ашрамов, где со спины была показана стройная юная девушка, которой в результате оказалось всего-навсего шестьдесят пять лет, один из секретарей райкома – толстый, страдающий одышкой мужчина, возмущенно стал кричать, что эту сцену советскому человеку показывать нельзя, так как она подрывает веру в советское здравоохранение, наш самый прогрессивный образ жизни и будит нездоровый интерес ко всякому шаманству. Я уж не говорю о сценах, которые противоречат диалектическому материализму, – в голосе Маркелова послышалось презрение. – Не знаю, каким чудом удалось протащить кадры о цирковом выступлении индийских факиров, – продолжил он немного помолчав. – Где два человека острой пикой со всей силы упираются в горло такого йога, древко сгибается, а пика, словно в камень уперлась. А то место, где на него же грузовой автомобиль одним колесом наезжает? Трудно сказать, какие мысли этим блюстителям чистоты советского искусства в головы пришли, что они такую крамолу пропустили на экраны, наверное, тут Божий промысел.

– Иван Александрович, а какие кадры на экран не попали? – взволнованно заговорил Андрей. – Расскажите хоть чуть-чуть!

– Ну, это не для прихожей беседа, – ответил Маркелов. – Да я уж всего и не упомяну, правда, в гостях у Зубкова я видел на домашнем просмотре большую часть фильма, но на весь у меня времени не хватило, все никак не соберусь его дальше посмотреть. Если в двух словах – была там сцена левитации...

– Чего?

– Левитация – это когда человек в воздухе висит и иногда даже перемещается...

Челюсть Андрея отвисла:

– А разве это возможно?

Маркелов усмехнулся:

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – процитировал он фразу Гамлета. – В природе существуют явления, о которых вам вряд ли рассказывали в школе и которые бессильна объяснить материалистическая наука. Слышали ли вы что-нибудь об НЛО, полтергейсте, телекинезе, телепортации?

Андрей признался, что почти ничего об этом не знает – что-то слышал о летающих тарелках, но считает это выдумкой.

– Ну ладно, – закончил разговор Маркелов. На несколько мгновений он прикрыл глаза, и лицо его сделалось бесстрастным, словно он прислушивался к чему-то, затем, будто бы услышав нечто, снова улыбнулся и сказал, перейдя на «ты»:

– А знаешь, приходи ко мне завтра в гости, как раз вечером у меня не будет спектакля, тогда и поговорим более предметно и выясним, с чего тебе начать, если ты и впрямь решил заняться йогой. У меня создалось впечатление, что ты парень перспективный.

На этом разговор закончился, и Андрей, не ожидавший такой удачи, в приподнятом настроении отправился домой, переполненный впечатлениями о новом знакомом и их необычной беседе.

Ночью ему снился сон, словно он заблудился в бесчисленных проходах какого-то мрачного здания, и когда уже совсем отчаялся выбраться наружу – в одном из темных коридоров возникла фигура Маркелова, он взял мальчика за руку и быстро вывел наружу на берег прекрасного голубого моря, покрытого барашками волн, и когда он повернулся к своему неожиданному спасителю, чтобы его поблагодарить, то обнаружил, что за руку его держит не Маркелов, а удивительная девочка, которую он видел в Трускавце. Девочка ласково улыбнулась ему, выпустила руку и вдруг взвилась в небо, через мгновение, исчезнув вдали, а когда он в недоумении обернулся, чтобы понять, куда исчез Маркелов, то увидел сзади себя черную высокую фигуру, облаченную в длинный плащ с капюшоном, скрывающим лицо, и услышал зловеющий голос: «Ну что ж, если вам удалось пройти через коридор, то проходите, присоединяйтесь к нашему столу!»

В этот момент сон прервался и Андрей, разбуженный будильником сел на кровати, не понимая, где он находится и что означает этот странный сон.

Весь день он думал о предстоящем визите, с трудом дождался конца уроков и в шесть вечера с гордостью сообщил маме, что его пригласил к себе в гости известный актер, да к тому же еще и йог.

Мама, в последнее время беспокоившаяся по поводу не очень хорошей школьной компании Андрея и одобрявшая его новую дружбу с интеллигентным Сергеем, была довольна его сообщением, решив, что сын, наконец, одумался и вступил на правильный путь, поэтому, не задумываясь, его отпустила, попросив, чтобы он только не очень задерживался.

Найдя по бумажке нужный переулок недалеко от Невского проспекта, где в глубине темного двора находился дом Маркелова, Андрей зашел в столь типичный для старых домов Санкт-Петербурга замызганный подъезд с полу стертymi ступенями и сорванной деревянной частью перил, поднялся на четвертый этаж и позвонил в обитую черным дерматином дверь, на которой хозяин даже не удосужился как следует стереть меловую надпись: «Здесь живут козлы».

Маркелов встретил гостя, облаченный в китайский шелковый халат, расписанный золотыми драконами, со своей неизменной улыбкой на лице.

– Ну, проходи, Андрюша, – сказал он, протягивая руку. – Легко мой дом нашел?

Андрей зашел в просторную прихожую, на стене которой висели зубастые деревянные маски каких-то восточных демонов, и обратил внимание на яркую, удивительно красочную репродукцию, размером в газетный развернутый лист. На картине была изображена четверка белоснежных лошадей в золотых сбруях с драгоценными камнями, которые стремительно мчали потрясающей красоты колесницу. В ней находился смуглый усатый мужчина в боевом облачении и золотом шлеме, потянувшийся за стрелой в заплочном колчане. Впереди же стоял прекрасный юноша-возница с лицом странного синеватого оттенка, что не только не портило его внешность, но придавало какую-то особую экзотическую красоту, и держал в руках вожжи всех четырех лошадей. Кони мчались из глубины картины словно бы на зрителя, и Андрей отметил про себя, что более божественно прекрасного лица, чем это, которое он вначале принял за лицо юной девушки, никогда раньше не видел.

– Что, нравится? – услышал мальчик за спиной голос Маркелова. – Знаешь, кто это такой?

Андрей словно очнулся от гипноза и сказал, что более прекрасной репродукции он в своей жизни не видел и что ему, естественно, незнакомы эти персонажи.

– Это Кришна, – сказал Иван Александрович, любовно глядя на изображение. – А сзади ты видишь Арджуну – знаменитого воина, непревзойденного стрелка из лука. Кстати, вознице-Кришне в тот момент, когда он запечатлен на картине, перевалило далеко за сто лет, и у него было множество детей, внуков и правнуков, но всю свою долгую жизнь он сохранял облик прекрасного женоподобного юноши. Я имею в виду, – добавил он, немного помолчав, – чисто внешнюю женоподобность, так как силой он отличался невероятной и еще ребенком

мог подбросить груженую повозку высоко в небо... По крайней мере, так описано в Вишну-пуране... Ну ладно, неудобно гостей в коридоре держать. Проходи в комнату, располагайся, осматривайся, а я пока на кухню пойду, напиток из шиповника приготовлю. Тебе, если хочешь, чай заварю: сам я чай не пью, но для гостей всегда хорошую заварку держу.

Иван Александрович отправился на кухню, а Андрей начал рассматривать непривычное убранство единственной большой комнаты, в которой проживал актер.

Квартира Маркелова была обставлена действительно необычно, по крайней мере, с точки зрения Андрея, не видевшего в жизни ничего, кроме стандартных совковых жилищ.

Дореволюционная тяжеловесная мебель была заставлена множеством статуэток самых разных размеров, выполненных либо из слоновой кости, либо из различных экзотических пород дерева, среди которых Андрей узнал тис, черное эбеновое и благовонный сандал. (Из него был изготовлен бабушкин старинный китайский веер, и этот изумительный запах мальчик хорошо помнил). Статуэтки в основном изображали различных индийских божеств, имен которых Андрей, естественно, не знал. Некоторые из них имели по 4,6 и более рук, и располагались они, как правило, внутри огромного цветка. Не все из них были полностью человекоподобные, среди фигурок часто встречался один и тот же персонаж: с большим животом, толстыми ногами и с головой слона, один бивень которой был почему-то везде обломан. Попадались также существа с головой обезьяны и страшный демон с мордой быка. Все они носили печать иной культуры и будили в душе непривычное очарование и покой.

На полу около стен стояли большие резные вазы, и сразу бросалась в глаза массивная статуэтка, представлявшая собой бронзовый круг со звездами, внутри которого танцевал человек с четырьмя руками, тремя глазами, одна нога которого покоилась на маленьком пузатом существе.

Была там и масса каких-то предметов из камня, назначения которых Андрей не знал. Они во множестве располагались на книжных полках и представляли собой хрустальные шары, пирамидки, диски, столбики. На стенах висели красочные индийские панно, в стилизованной форме изображавшие сцены из охоты, быта и войны, на каждой из которых присутствовал темно-синий человек с огромными глазами. Были там и совсем непонятные изображения вроде красочной схемы, представлявшей собой человека, сидящего в странной позе со скрещенными ногами. Вдоль его позвоночника располагались разноцветные круги с лепестками, внутри которых находились различные геометрические фигуры, изображения животных, букв незнакомого алфавита и божества с разным количеством рук, каждый из которых сидел внутри цветка.

Вся эта экзотика подчеркивалась еще и тем, что на столе в специальных подставках дымились тоненькие палочки, создавая особый, будящий воображение аромат.

Андрей подошел к книжному шкафу. Помимо обычных подписных изданий и разрозненных книг, по меньшей мере, три полки занимали тома, переплетенные кустарным способом, на корешках которых были оттеснены экзотические фамилии авторов: Патанджали, Вишнудевананда, Шивананда, Раджнеш, Кришнамурти. Встречалось немало и иностранных книг. Среди них внимание Андрея сразу привлек красочный корешок, где на английском было написано: *Bhagavad-gita As It Is*.

Мальчик еще долго рассматривал бы необычное убранство комнаты, но тут пришел Маркелов с подносом и пригласил сесть за стол.

– Что, интересно? – усмехнулся актер. – Я из заграничных поездок всегда что-нибудь эдакое привожу, да и знакомые, зная мое пристрастие, всякие индийские безделицы дарят. Сложнее с книгами. На русском языке вообще много лет по восточной и оккультной литературе ничего не издается, изредка попадаются дореволюционные издания – но в Союзе давно уже почти все уничтожено, правда, за границей в букинистических магазинах эти издания встречаются, но опять же, через таможню не провезешь. Приходится довольствоваться самиздатом.

В Питере есть несколько подпольных центров, где на свой страх и риск горстка энтузиастов переводит эзотерическую литературу с английского, немецкого, французского. В общем, при желании кое-что достать можно – так я потихонечку библиотеку и собираю.

Маркелов замолчал, сосредоточенно прихлебывая свой напиток.

– Иван Саныч, – спросил Андрей. – А что это за иностранная книга в красном переплете? – Мальчик указал на корешок Бхагавадгиты. – Можно ее посмотреть?

– О, это замечательная книга, – сказал Маркелов, доставая ее с полки и любовно глядя на обложку. – Бхагавадгита – великий философский текст, написанный задолго до рождения Христа, который содержит в себе квинтэссенцию человеческой мудрости. Настоящий ее автор неизвестен, по традиции считается, что текст принадлежит самому Кришне, а пересказал его легендарный мудрец Вьяса, существование которого до сих пор подвергается сомнению.

Дело в том, что Бхагавадгита является одним из девятнадцати томов Махабхараты – древнего индийского эпоса о жизни и битвах пятерых божественных братьев Пандево. В этот эпический цикл включены четыре философские книги: Бхагавадгита, Анугита, Мокшодхарма и Нараяния. Объем всей Махабхараты настолько велик, что специалисты подвергают сомнению авторство одного человека.

По легенде же записал Махабхарату Бог Ганеша – сын самого Шивы, существо с телом человека и головой слона – а диктовал ее в состоянии просветления мудрец Вьяса, о котором я говорил тебе раньше, причем диктовал так быстро, что когда однажды у Ганеши сломались все палочки для письма, то ему, чтобы не потерять канву повествования, пришлось обломать свой бивень и воспользоваться им в качестве ручки. Вот, кстати, здесь и здесь статуэтки этого Ганеши, и, как видишь, у него везде не хватает бивня. – Маркелов протянул увесистый том Андрею.

– Это современное американское издание Бхагавадгиты с переводом и комментариями учителя Бхактиведанты Прабхупады – одного из основателей религиозного общества «Сознание Кришны», оно распространено сейчас по всему миру, особенно в Европе и Америке. Иллюстрации выполнены художником, который осознанно не указал своей фамилии, он считал, что все эти картины ниспосланы ему самим Кришной, а он их только воспроизвел, следовательно, автором является Кришна. К сожалению, эту книгу дать тебе домой не могу – она очень ценная. Кстати, как у тебя с английским? – Андрей признался, что с английским у него весьма посредственно.

– Ну не беда, – продолжил Маркелов. – Посмотри пока иллюстрации, они сами по себе богатая информация для ума и воображения, а я пока посижу, будущую роль почитаю. Кстати, потом могу дать тебе адаптированный перевод Гиты одного нашего поэта, он достаточно понятен даже для человека невежественного.

Андрей покраснел, но не нашелся что ответить, понимая правоту актера, и углубился в изучение диковинной книги.

Обложка представляла собой уменьшенную копию плаката, висящего в прихожей Маркелова. Андрей перевернул страницы предисловия, где шли цветные фотографии старых индусов, облаченных в странные оранжевые одеяния, и начал рассматривать первую страницу древнего произведения.

Текст был напечатан четырьмя полосами, вначале шел небольшой кусочек, набранный незнакомыми знаками (Маркелов сказал, что это санскрит), затем тот же текст в английской транскрипции – то есть передавалось звучание санскрита на английском языке (Андрею показалось, что звучит он словно заклинание), затем текст перевода и, наконец, комментарии – причем основной объем текста составляли именно комментарии.

Андрей попробовал читать начало, но вскоре оставил это безнадежное дело. Следующая страница заставила его забыть о тексте, потому что начались совершенно удивительные иллюстрации. Их было очень много – почти после каждой страницы, – и ничего более прекрасного

и величественного Андрей в своей жизни не встречал – он словно бы погрузился в фантастический мир индийских божеств. Вскоре обилие впечатлений настолько захватило его сознание, что он потерял счет дивным картинам, и все листал, листал, листал...

Вот огромное тело Бога Вишну с четырьмя руками, облаченное в царские одежды, усыпанные бесчисленными украшениями, парит в космическом пространстве, играя прозрачными шарами миров, создаваемых Вселенским Творцом.

Вот выстроилась уходящая в бесконечность череда образов одного и того же человека от младенчества до старости, кончающаяся после каждой цепочки истлевающим в земле скелетом, после чего начиналось звено его следующего воплощения.

Вот дивный божественный синекожий юноша играет на свирели среди стада украшенных венками коров.

А вот череда устрашающих великанов в свете космического пламени, которых Кришна показывает своему ужаснувшемуся спутнику.

Вся небывалая космическая мистерия выстроилась перед Андреем, и ничего почти не зная ни из индийской философии, ни из ее богатейшей культуры, он был уже безоглядно во все это влюблен и чувствовал: вот то, чему бы он хотел посвятить свою жизнь. Ему казалось, что и эти образы, и буквы незнакомого алфавита, и звучание санскритских слов близки и дороги ему, словно когда-то он уже прикасался ко всему этому, словно не отечественная культура с детства окружала и воспитывала его, но именно этот великий, воспламеняющий душу космизм древней Индии. (Андрей не задумался о том, что потрясли его, прежде всего иллюстрации, созданные современным художником, то есть не сама древняя индийская культура, а ее современный интерпретатор).

– Ну, как впечатление? – раздался голос Маркелова, когда мальчик, словно только что, проснувшись, в каком-то сомнамбулическом состоянии положил книгу на стол.

– Я... это такое... ничего подобного... – пробормотал Андрей, не находя слов, чтобы выразить нахлынувшие на него чувства. – Иван Саныч, – вдруг выпалил он решительно, – а можно эти иллюстрации на цветную пленку переснять и фотографии сделать, мне кажется, я не смогу дальше жить, не видя их постоянно перед собой.

– Нет, этого я позволить не могу. – В голосе Маркелова прозвучали металлические нотки. – Эта книга запрещена в Советском Союзе, за ее хранение и распространение можно получить срок. Если информация дойдет до компетентных органов, – а цветные пленку и фото ты сможешь проявить и напечатать только в фотомастерской, – основные неприятности будут не столько у тебя и твоих родителей, сколько у меня и Зубкова, который по своим каналам вывез несколько экземпляров этой книги из Индии и один из них подарил мне.

Маркелов замолчал, исподволь наблюдая за реакциями Андрея. Он, казалось, и не пытался завязать активный разговор и обратить мальчика в свою веру. Тело его было расслаблено, и такой же расслабленной была его постоянная улыбка. После несколько затянувшегося молчания Андрей спросил:

– Иван Саныч, недавно Сережа Кубарев мне рассказывал, что вы можете как бы на воде сидеть. Это правда?

– Подглядели, – усмехнулся Маркелов. – Да нет, в воду я был погружен примерно по пояс. Этот фокус не связан с нарушением известных законов физики, просто – особая система дыхания, а также специальные очистительные упражнения. Кислород в большей степени, чем у обычного человека, насыщает ткани организма, кроме того, воздух заполняет желудок и кишечник, когда они не заполнены переваренной пищей, отсюда – уменьшение удельного веса тела, и оно словно поплавок выступает из воды. Но это не чудо – просто результат дыхательно-очистительной техники хатха-йоги. Но, если хочешь знать, при длительной тренировке и врожденных способностях гораздо выше среднего возможно не только сидеть на поверхности

воды, но даже ходить по ней, а также летать по воздуху. Да и вообще, йоги высшего посвящения владеют такими способностями, которые обычный человек и вообразить себе не может.

– Иван Саныч, – взволнованно заговорил Андрей. – Если бы мне сказал об этом кто-то другой, я бы ни в жисть не поверил. Неужели это действительно возможно? Ну, я еще понимаю эксперимент, о котором в фильме говорили, когда йога помещали в склеп на месяц почти без воздуха. Это еще можно как-то анабиозом объяснить, лягушек, скажем, вмерзших в лед, через много лет размораживают и они оживают. Но как может тело в воздух подняться?

– Я не смогу тебе это объяснить детально, мне самому не все здесь ясно, – ответил Маркелов. – Возможно, это связано со способностью управлять гравитационным полем Земли. Как это сделать – другой вопрос. Но, кроме левитации, они могут двигать предметы на расстоянии, проходить сквозь стены, читать мысли, предвидеть будущее и знать прошлое, получать любую информацию непосредственно, оказываясь мгновенно в любой точке, материализовать предметы – да всего сейчас и не упомяну. Могу тебе сказать, что для полностью реализованного йога или дживанмукта не существует материальных оков, и он становится как бы воплощенным божеством. Я ведь на самом деле всегда был достаточно реалистичным человеком, даже когда начал йогой заниматься – к этому меня проблемы со здоровьем подтолкнули. Но стал литературу читать, что-то в голове прояснилось, затем и сам кое-какими феноменами овладел – но до конца поверить во все чудеса, о которых в книжках писали, никак не мог, какая-то часть во мне это отвергала, пока несколько лет назад своими глазами кое-что не удалось увидеть. Тогда Зубков устроил встречу с одним сваи в гостинице – мне и еще нескольким энтузиастам. Зачем он приезжал в Союз, я толком не понял, Зубков с ним тогда вел переговоры по поводу съемок будущего фильма, ну а об остальном он не распространялся. Так вот, этот йог продемонстрировал несколько феноменов: во-первых, мы ему мысленно передавали разные геометрические фигуры и цифры – и он их угадывал, не разу не ошибившись, затем он вытащил вилку телефона из розетки, и телефон, несмотря на это, продолжал работать – лично я своим знакомым звонил и с ними разговаривал, затем он на полметра от пола оторвался и висел так секунд двадцать. В конце он всех благословил и провел инициацию – приложил палец ко лбу каждого и передал частицу своей энергии. Я в этот момент видел вспышку света в межбровье и у меня как будто электрический ток по позвоночнику пробежал. Кстати, только после этого у меня некоторые мистические способности пробудились, и словно бы пелена с глаз спала, хотя ничего особенного он нам не сказал. Никогда я этого человека в дальнейшем не видел, но он у меня и сейчас как живой перед глазами стоит.

– Но ведь это же грандиозно! – вдохновенно заговорил Андрей. – Это же все законы физики переворачивает, это же революция в науке, а какие деньги можно заработать, все эти феномены демонстрируя!

– Ну, спокойней, спокойней, молодой человек, – осадил его Маркелов. – Никакой революции в ближайшее время не произойдет, поскольку подобные феномены единичны, а ученые консервативны, и любую такую демонстрацию постараются объявить ловким трюком: чудо выбивает у них почву из-под ног, и рушит весь базис их мировоззрения. Да и потом, настоящие йоги очень неохотно демонстрируют свои способности невеждам: трудно работать в окружении агрессивных скептиков, ибо все негативные вибрации их мыслей затрудняют демонстрацию чудес – мы-то этому йогу доверяли...

Кстати, яркий пример: до восемнадцатого века официальная наука не верила в существование метеоритов, полагая, что с неба ничего падать не может, потому что камней на небе нет. А гигантские секвойи! Их тоже долго не признавали, хотя видели и описывали тысячи путешественников: считалось, что такие деревья существовать не могут, потому что на такую высоту ствол не сможет поднять воду...

А насчет денег и славы... если ты начнешь демонстрировать полеты в Советском союзе, то тебя быстро упрячут куда надо, чтобы не смущал умы людей и не подрывал их веру

в единственно верное учение Маркса-Энгельса-Ленина. На востоке действительно есть немало людей, которые показывают подобные феномены за деньги, но это не йоги даже, а факиры – маги, остановившиеся в своем развитии, поскольку частые демонстрации сверхчеловеческих способностей и алчность к деньгам резко тормозят духовное раскрытие человека, и он со временем эти способности теряет и может серьезно заболеть. Поэтому настоящие йоги демонстрируют свои сидхи, или сверхспособности, очень редко и только в узком кругу единомышленников, а к факирам относятся отрицательно.

Да, кстати, сам великий Патанджали – автор книги «Йога сутрас», который впервые систематизировал йогу в самостоятельное философско-практическое учение, назвал сидхи помехами или ловушками высшего порядка и считал их несущественными и даже мешающими в продвижении к главной цели.

– А что же тогда главная цель, если такие удивительные способности несущественны? – растерянно спросил Андрей.

– А как ты думаешь, в чем смысл жизни и что есть Истина? – ответил Маркелов на вопрос вопросом.

Андрей смущенно замолчал. Эта проблема была его извечным камнем преткновения, поскольку ни один человек и ни одна книга, не говоря уже о собственных размышлениях, удовлетворительного ответа не давали. И действительно, сколько себя помнил, он всегда мучился ощущением бессмысленности, как собственной жизни, так и жизни окружающих людей. Он даже не мог сам сформулировать, в чем именно эта бессмысленность заключается, и скорее постоянно ее ощущал и терзался от этого ощущения. И, правда: родиться для того, чтобы всю жизнь к чему-то стремиться, чего-то достигать, чему-то учиться, развлекаться, копить деньги – и только для того, чтобы все это унести в могилу, а дети твои будут мучиться теми же проблемами и совершать те же ошибки!

Жить для того, чтобы чем-то осчастливить человечество, и в момент триумфа крикнуть, как Фауст: «Остановись, мгновение, ты прекрасно»? Но ведь мгновение скоро пройдет, а что дальше? И потом, человечество ведь состоит из отдельных людей, отдельных сознаний, и каждый ощущает только себя, только свой внутренний мир, где также фигурирует этот извечный вопрос. Кого же ты тогда осчастливишь, и можно ли счастье поднести на блюдечке с голубой каемочкой?

Несколько месяцев назад поздно вечером Серега привел к нему поэта, который никогда нигде не публиковался, поскольку стихи его были далеки от соцреализма, а сам поэт, который назвал себя Славой Славеновым, бродяжничал, пил и вообще вел совершенно асоциальный образ жизни. Стихи его и он сам произвели тогда на Андрея сильнейшее впечатление, и на вопрос, зачем человек живет, Слава ответил с пафосом, как, собственно, произносил почти каждую фразу: «Мы рождены для того, чтобы придать своим существованием смысл этому миру».

Фраза эта потрясла Андрея, но когда он задумался над ее значением, то кроме броскости и эффектности не нашел в ней ничего, что бы как-то разъяснило ему этот извечный вопрос.

– Я не знаю, – смущенно проговорил Андрей. – Когда я был совсем маленьким, мне казалось, что смысл жизни в том, чтобы дождаться 1980 года и зажечь при коммунизме, как обещал нам Никита Сергеевич Хрущев. Тогда отменят деньги и дадут каждому все, что он захочет. Приходи в магазин и бери, что тебе надо: машина? – пожалуйста! Вертолет? – будьте любезны! Сейчас я, конечно, понимаю, что все это – абсолютный бред.

– Молодец, хоть это ты понял, – усмехнулся Маркелов. – И дело даже не в том, что в обозримом будущем никакого коммунизма не будет, – воодушевился Андрей. – А в том, что если даже человеку дать все, что он захочет, счастливее он от этого не станет, скорее даже наоборот. Я заметил, что если ты страстно хочешь получить какую-то вещь, и тебе кажется, что от этой вещи зависит твое счастье, то, когда ее получишь, радость продолжается очень

недолго, и вскоре эта вещь даже начинает тебя мучить. Вначале ты боишься ее потерять, потом она начинает стареть и портиться – да к тому же, у кого-то всегда есть нечто лучшее, ты начинаешь хотеть то, что есть у другого – и так до бесконечности.

Я, например, когда-то мечтал о часах, а когда их мне подарили, то меня стала расстраивать каждая царапина на стекле, а затем выяснилось, что у многих в классе часы гораздо лучше, а у Вовки Климова – у него отец все время по заграницам мотался – была даже настоящая японская «Seico», да и вообще много такого, о чем каждый из нас даже мечтать не мог: стереомагнитофон, джинсы. Но мне все время казалось, что хоть он жутко гордился всем этим, почему-то счастливее других не был.

Сейчас я совсем запутался, может быть, смысл в творчестве, в настоящей любви? Ну а если говорить об истине – мне кажется, на этот вопрос вообще невозможно ответить.

– Хорошо, попробуем подойти к вопросу по-другому, – чуть прикрыв глаза, снова заговорил Маркелов. – Для чего ты родился и куда идешь по своему жизненному пути? Я имею в виду не твою будущую профессию, а гораздо масштабнее, если учесть, что в конце тебя, как и любого из нас, ожидает могила.

Андрей смутился еще больше:

– Ну, наверное, туда, куда и все – в будущее...

– Прекрасно, – усмехнулся Маркелов. – Дело в том, что будущего нет... Когда оно наступает, то превращается в настоящее, а настоящее, как ты сам изволил заметить, удовлетворения никогда не приносит. Мы можем сколько угодно мечтать об этом будущем, но когда оно становится настоящим, то, как правило, нас разочаровывает, и мы уже видим на горизонте новое будущее – и так всю жизнь.

Заметь, прошлого тоже нет, в реальности есть только настоящее, но поскольку прошлое прошло, будущее не наступило, то и реальность настоящего совершенно неуловима и неизмерима никаким отрезком времени. Вот и выходит, что, с точки зрения человеческой логики, наше восприятие жизни – это вообще сплошная иллюзия, или, как индусы говорят, Майя, поскольку на самом деле ничего нет.

Теперь по поводу того, что ты идешь туда, куда и все. Наверное, под понятием «все» ты подразумеваешь человечество в целом, либо, на худой конец, свою страну, руководство которой пытается внушить нам, что оно знает, куда мы все идем, и знает, что для этого надо иметь и делать.

– Да, наверное, так, – ободрился Андрей.

Маркелов снова усмехнулся:

– Ты видел картину Питера Брейгеля «Слепцы»? Там изображена компания слепых людей, и каждый держится за плечо последующего, а первый вот-вот скатится в овраг. По-видимому, у каждого из них есть уверенность, что идущий впереди знает, куда идет, а у всех вместе создается иллюзия, что они идут по правильной дороге. Наверное, это было бы справедливо, если бы всех их вел зрячий. Прекрасная аллегория пути человечества в целом: в действительности наши руководители – такие же слепцы, как и каждый из нас.

В одной из записных книжек литовского художника Константина Чюрлениса есть такая запись. В точности я ее не помню, но смысл заключается в следующем: я шел в веренице людей, и шествие было длинным, как вечность. И в то время, когда первые в шествии выходили к реке, другие шли по полю, а хвост терялся в лесу. «Река, река!» – кричали первые. «Поле, поле!» – кричала середина. «Лес! – говорили последние, – мы идем по лесу и не видим ни поля, ни реки». – Они не знали, что идут в конце шествия.

Я привел эту запись потому, что она касается вопроса, который задал Понтий Пилат Иисусу Христу, когда осуждал его на казнь: «Что есть Истина?» Как видишь, Истина для тех, кто вышел к реке, – это река, кто идет по полю – поле, кто идет по лесу – лес, но никто из них

не видит путь в целом. Видит его лишь парящий в вышине орел, перед которым раскинулась вся панорама.

Люди падают, набивают шишки, обретают опыт пути, но не знают, куда идут. Это, кстати, хорошо понимали идеологи большевизма, которые сменили идеологов церкви и запретили Бога. У людей должна быть цель, иначе остановка, смерть, хаос – и чтобы заставить их работать на себя и быть покорными, большевики выдумали такую цель: построить рай на земле, поскольку рая на небе нет. Они также понимали, что рай на земле гораздо более притягателен, поскольку понятнее и ближе, а, следовательно, стремиться туда люди будут гораздо охотнее. Они не учли только одного: вера в земной рай разрушается реальной жизнью и здравым смыслом – а, значит, пропадает вера и в идеологов, поэтому рано или поздно они будут сметены. Конечно: ослик, на котором сидит клоун и держит перед его носом морковку на удочке, какое-то время бежит за этой морковкой, но когда-то даже осел понимает, что все это обман, и постарается скинуть клоуна, чтобы съесть морковку, хотя, естественно, вскоре он проголодается снова.

– Ну, хорошо, – сказал Андрей, почувствовав, будто что-то улавливает. – А вы можете сказать, в чем смысл жизни и что есть Истина?

– Я могу, – сказал Маркелов. – И для меня это выражается буквально в двух словах, но тебе эти слова ничего не скажут. Я постараюсь объяснить их, как смогу, но для того чтобы осознать это по-настоящему, тебе придется прожить долгую жизнь, прочитать кучу специальной литературы – но и этого мало. Дело в том, что недостаточно понять эти две концепции умом, хотя, по сути дела, это одна категория. Нечто большее в тебе, чем просто абстрактное понимание, должно этим проникнуться. Это – как некое непосредственное знание: ты просто знаешь и все, без каких-то логических построений – и это знание-ощущение пронизывает все твое существо, а жизнь постоянно подтверждает твою правоту.

Так вот: ИСТИНА – ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ, А СМЫСЛ ЖИЗНИ – БЛАЖЕНСТВО.

– Ну, – разочарованно протянул Андрей. – Это мне ничего не говорит. Получается, смысл жизни только в том, чтобы получать удовольствия, а Истина – это то, что мы видим, что нас окружает?

– Ничего ты не понял, как, собственно, я и ожидал, – улыбнулся Маркелов. – Блаженство – это не удовольствия, а реальность – это не то, что мы видим... Постараюсь объяснить, хотя, возможно, объяснение не полностью тебя удовлетворит.

Есть такая история, записанная в Палийском каноне – это что-то вроде Библии у буддистов. Однажды Будда со своими учениками пришел к богатому радже для проповеди. Любимая жена раджи – одна из самых красивых женщин Индии, бывшая в расцвете своей молодости и красоты, вышла к бедным, одетым в рубища монахам, не имевшим никакой собственности, для того якобы, чтобы послушать проповедь знаменитого учителя. В действительности же она скорее хотела показать монахам и Будде себя, чтобы восхитить и унижить их. Поэтому она явилась в самых лучших одеждах и самых дорогих украшениях, всячески подчеркивая, как она прекрасна и счастлива. Ее вид смутил души еще недостаточно укрепившихся в учении монахов и вызвал в них восхищение прекрасной царицей, желание обладать ею и, естественно, сомнение в учении Будды, который учил, что у монаха не должно быть никакой собственности, и он обязан избегать желаний. Тогда Будда вдруг превратился в двойника прекрасной царицы во всем ее блеске, а затем в течение пяти минут прошел все фазы ее будущей жизни: на глазах у изумленных придворных, он, в облике красавицы, состарился, превратился в уродливую старуху, а затем – в смердящий труп. Этим он продемонстрировал все тайные страхи прекрасной жены раджи, которая, несмотря на то, что находилась в зените славы, красоты и обожания, которая купалась в роскоши и удовольствиях, вызывая зависть и ненависть своих не столь удачливых подруг, которая могла иметь все, что бы ни пожелала – тем не менее счастья

не знала, поскольку все время думала об увядающей красоте, старости, потере любви своего царственного супруга-покровителя, потере всего, что она имела и, наконец, о смерти.

И с этой женщиной произошло полное преображение: она тайно бежала от раджи, раздала все свои драгоценности, одежды и благовония бедным и присоединилась к ученикам Будды, став первой монахиней-буддисткой, а позже организовала первую женскую общину монахинь.

Что же мог предложить ей бедный учитель-проповедник, отказавшийся от мирского, взамен всего того, что она имела, будучи любимой женой Раджи? Он предложил ей путь к Нирване, погружаясь в которую, душа вырывается из оков материального и обретает Абсолютное Блаженство и подлинное Бессмертие. В этом она обрела истинный смысл жизни.

Поэтому БЛАЖЕНСТВО – это не мирские удовольствия, которые мимолетны и заканчиваются тяжелым похмельем и разочарованием, это не деньги, не власть, не половое наслаждение, это нечто неизмеримо большее и не знает тления и смерти. Буддисты называют его Нирваной, индуисты – Самадхи, и это не ощущение наших органов чувств, но слияние нашего сознания и нашего «я» с безначальным сознанием Бога, Космоса, Абсолюта, частицей чего мы в действительности являемся, но пока этого не осознаем.

По индийской философии Абсолют, или Брахман, проявляет себя в трех глобальных категориях, которые на самом деле неотъемлемы от него и составляют Единство. Эти три категории Сат-Чит-Ананда, где Сат – бытие, или существование, Чит – абсолютная реальность и абсолютное сознание этой реальности, и Ананда – Абсолютное Блаженство-Любовь – и все это в действительности неразделимо.

Поэтому, когда я говорил тебе о том, что смысл жизни в блаженстве, то имел в виду стремление соединиться с Творцом, с Богом, с Его Сознанием, и когда это происходит, утрачивается всякий смысл вопроса о смысле жизни и наступает Истинное Бессмертие.

– Но как это возможно? – спросил Андрей, словно зачарованный, слушавший актера-философа. – За счет чего? И что означает «Божественное Сознание»? Я об этом ничего раньше не слышал.

– Понимаешь, Андрюша, – задумчиво ответил Маркелов. – Доказать существование или отсутствие Бога-Творца-Хранителя вселенной неверующему на уровне человеческой логики – невозможно, какие-то первичные постулаты приходится всегда брать на веру. Хотя, говорят, современные физики – я, правда, в этом ничего не смыслю, – пришли к выводу, что на основе всеобщего закона энтропии вселенная без какого-то притока энергии извне должна остывать, то есть должна произойти тепловая смерть вселенной. На самом же деле этого не происходит, следовательно, какая-то Высшая Сила постоянно ее подпитывает. Есть и другие, необъяснимые с точки зрения науки загадки. Например, появление жизни. До сих пор никто не привел более-менее вразумительной материалистической теории об этом, и никому никогда не удавалось зафиксировать процесс перехода неживой материи в живую. Современные ученые подсчитали, что всего времени существования Земли не хватит, чтобы при всех возможных вариантах сочетаний аминокислот сложился именно тот вариант, при котором бы появилась ДНК – основа всякой живой материи. Вероятность подобного появления сравнивают с вероятностью того, как если бы обезьяна, сев за пишущую машину и, стуча бессистемно по клавишам, случайно бы отстукала полный текст «Войны и мира». Здесь мы тоже никак не можем уйти от Некого Разумного Создателя живой материи.

Поэтому можно утверждать: существует некая Сверхразумная сила или Сознание – не поворачивается язык сказать «существо», – которая создала и эту вселенную, и звезды, и планеты, и жизнь на Земле. Более того, сейчас уже доказано, что даже пространство и время – не абсолютные категории, и наша вселенная не всегда была такой, какой мы ее сегодня наблюдаем, что когда-то вся материя космоса была сосредоточена в одной точке, и однажды произошел первичный взрыв, после которого вселенная начала разворачиваться в ту, которую мы

наблюдаем. Но до взрыва не было ни пространства, ни времени, а значит, кто-то или что-то их создало! И здесь мы снова приходим к необходимости существования Разумного Творца.

Самое интересное, что современная теория первичного взрыва и коллапсирующей вселенной была знакома древнеиндийским мудрецам тысячелетия назад. Они даже приводили количества лет, составляющих большие и малые циклы развития вселенной – так называемые манавантары и юги – и цифры эти, в общем, совпадают с современными вычислениями, а возможно, они и точнее.

Можно привести и другие доказательства, но я уже говорил: убежденному материалисту все равно ничего не докажешь, верующему же ничего доказывать и не надо.

Попробую теперь дать определение Бога или Абсолюта так, как это понимают последователи индийской философской школы Адвайта. Существует некая изначальная творящая Реальность-Сознание, и наша вселенная, частью которой являемся и мы с тобой, представляет собой мыслеобраз этого сознания, поэтому, когда Творец представляет себе вселенную – она существует в его сознании, когда же он перестает ее представлять – она исчезает. Из этого вытекает следующий вывод: Истина – это реальность, а реальность – это Абсолют или Брахман, или Верховный Бог. Причем абсолютна только реальность Брахмана (мне больше нравится этот термин), любая же другая – относительна, производна и зависима от него. Поэтому, когда я говорил, что Истина – это Реальность, я имел в виду Реальность, как Абсолют, Бог или Брахман.

– Иван Саньч, – снова вступил в разговор Андрей. – Меня потрясает то, что вы говорите, хотя я и не все понимаю, но если действительно Истина такова, то, что нам до нее, как все это может изменить мою жизнь и как я могу постигнуть Сознание Бога? Ведь это все равно, что события на планете какой-нибудь отдаленной звезды: что мне до них, и как я могу узнать, что там происходит?

– Вот тут ты не прав, – спокойно возразил Маркелов, – действительно, до всего, что происходит на планете какой-нибудь Альфа Центавра, нам нет никакого дела, пока мы к ним не прилетим или они к нам. Но весь фокус в том, что к Богу лететь не надо, он – везде, и в тебе тоже. Ты – малая его частица, но не осознаешь этого.

Допустим, ты представляешь какого-то человека. В этом случае мыслеобраз, который ты создаешь в своей голове, является частью твоего сознания и состоит из той же материи. Так же и здесь: ты являешься мыслеобразом Брахмана, но в отличие от мыслеобраза в человеческом уме, в силу невообразимого величия Божественного Сознания, ты имеешь некоторую независимость, и тебе кажется, что ты – сам по себе. Проходя этапы эволюции, вселенная как бы отходит от природы первоначального творца, его сверхтонкие энергии постепенно огрубевает, вселенная становится видимой, дискретной и возникает иллюзия ее самостоятельности, но всегда, в самом грубом материальном объекте – допустим, в камне, присутствует изначальная частица Божественного Сознания. Эта частица, как я уже говорил, есть и в тебе, а йога дает метод, как эту частицу в себе ощутить и через нее подключить свой ограниченный разум к сознанию Бога и как бы осознать единство с ним.

Патанджали характеризует практику йоги, как «читта вритти ниродхах» – преодоление умственных блужданий. Искра Божественного Сознания, о которой я говорил, – это наше истинное «Я», но, поскольку мозг находится в постоянном беспокойстве, мы по ошибке принимаем наше «Я» за наши мысли, желания, ощущения, наконец, за наше тело. Когда же невежество спадает с наших глаз и озеро нашего сознания успокаивается, то становится видно дно – наше истинное «Я», или частица Божественного Сознания. Иной пример: наш разум уподобляется зеркалу, покрытому копотью. По мере размывания начинает сиять наша истинная природа. В этом заключается метод йоги.

– Так получается, что и я могу теоретически открыть в себе Божественное Сознание, – взволнованно спросил Андрей. – Я думал, это только для избранных.

– Не только можешь, но это неизбежно когда-то с тобой произойдет, – улыбнулся Маркелов. – Как говорили древние индусы: «Весь мир от былинки до Браммы перейдет. О, „Я“, слава „Мне“, „Я“ – один – оплот». По непреложным законам вся вселенная, в конечном счете, вернется к своему творцу и вновь сольется с ним в Единое, но все дело в том, когда это произойдет – может быть, через миллиарды лет.

Если я говорю, что это для тебя – неизбежно, то я имею в виду не обязательно тебя, Андрея Данилова – нынешнее твоё существование или воплощение. Процесс Богореализации происходит непрерывно, но для полной Богореализации необходимо колоссальное время: одной или даже нескольких жизней для этого не хватит. Йога дает метод, который во много раз ускоряет процесс эволюции и Богопознания, но не гарантирует, что полное соединение произойдет в настоящей жизни – это, за всю человеческую историю, удавалось буквально единицам. Причем, когда мы говорим, что, допустим, Будда реализовал в себе Бога, имея в виду конкретное историческое лицо, мы забываем о том, что душа его прошла через множество воплощений, в каждом из которых он осознанно занимался духовной практикой. И только в последнем образе, образе принца Гаутамы из рода Шакьев, он достиг конечной цели.

– Вот это мне совершенно не понятно, – сказал Андрей. – Я что-то слышал о теории перевоплощений, но понял только, что душа человека после смерти переходит в другое тело. Если я, допустим, в этой жизни чего-то добьюсь и накоплю какие-то знания, или, положим, приобрету какую-то собственность – то все это будет моим только в этой жизни, и если даже допустить, что моя душа после смерти вселится в другое тело – то какое отношение все предыдущие приобретения будут иметь к новому воплощению?

– Очень похвально, – сказал Маркелов, – что ты слышал о теории перевоплощений или реинкарнаций, хотя я даже не могу назвать ее теорией, поскольку это сама жизнь. Тут все зависит от того, где ставить акценты. Если «Я» человека, стержень его индивидуальности – это его тело, его чувства, тогда – действительно, все, что ты говоришь, – верно, и вся предшествующая жизнь (даже если верить в то, что душа переходит из тела в тело) не имеет никакого отношения к жизни настоящей. В этом случае все заслуги или ошибки принадлежат только той жизни, в которой они совершались. Но на самом деле все не так – и это доказывается наличием эволюции. Именно душа, воплощаясь из тела в тело, является твоим «Я» и стержнем твоей личности. Все, что ты сделал в прошлом, сейчас и сделаешь в будущем – все твои мысли и чувства, испытанные в этом существовании, в момент смерти, как информационный код, запечатлеются в твоей душе, или той части многослойной сущности, которую индусы называют Каруна шарира, а оккультисты причинным телом. Затем, после какого-то периода существования в тонком мире (в зависимости от твоих заслуг), этот код перейдет вместе со своей матрицей в новое тело. И хотя твой новый разум и не будет ничего помнить из прошлой жизни, все ошибки или заслуги прежнего воплощения определяют условия твоего нового существования. Но память пережитого в других жизнях способны проявить в себе либо люди с серьезным мистическим даром, либо это может возникнуть в процессе духовной практики – и человек вспоминает то, чего в этой жизни с ним никогда не происходило. Поэтому, если быть точным, то ты не Андрей Данилов, а то, что есть твоя невидимая душа, которая, кстати, имеет свое тайное имя – только ты об этом не знаешь.

– Но почему все-таки мы ничего не помним из нашей прошлой жизни? – спросил Андрей. – Почему это способны делать только особо одаренные или особо тренированные люди? Насколько нам проще было бы жить, и насколько быстрее бы мы развивались, если бы помнили прошлые воплощения. И потом, вы упомянули об отношении души к эволюции. Мне эта связь непонятна, по-моему, эволюционирует природа, насколько я помню, на основе наследственности, изменчивости или мутаций и естественного отбора, как Дарвин учил.

– Начну по порядку, – терпеливо продолжал объяснять Маркелов. – Во-первых, неверно, что никто ничего не помнит. Какие-то смутные проблески воспоминаний-ощущений, не свя-

занных с событиями настоящего воплощения, испытывает время от времени почти каждый. Кого-то это смущает, кто-то от подобных проблесков отмахивается либо приписывает их воспоминаниям каких-либо снов. Только очень немногие способны просмотреть какой-то длинный эпизод или даже почувствовать себя другим человеком в другие времена. Просмотреть же любое воплощение по желанию вообще могли единицы за всю историю человечества – например, Будда. Об этом прямо говорится в Типитаке – Палийском каноне.

По-видимому, подобным качеством обладал и Иисус Христос: прямо об этом нигде не говорится, но в некоторых местах Евангелия упоминаются слова Христа о том, что он общался с древними пророками. Эти его слова совершенно не поняли иудеи, которые ничего не знали (в своей массе) о принципе реинкарнаций, и кто-то в толпе слушателей удивился – точно не помню, но что-то вроде: «Как он мог беседовать с Моисеем, если ему и пятидесяти нет».

Есть сведения, что до первого собора христиане тоже поддерживали идею перевоплощений, по-видимому, все же Иисус учил этому – но затем священники объявили реинкарнацию ересью.

Теперь: почему мы забываем свои прошлые жизни, и насколько было бы лучше, если бы все это оставалось в памяти. Трудно сказать, очевидно, у Высших Сил какие-то свои соображения по этому поводу. Во-первых, мы и большую часть событий нынешней жизни забываем, а если взять сны – тут вообще в памяти остаются жалкие крохи – и все же где-то в глубине нашего подсознания (а может, сверхсознания) хранится вся информация – и в определенном трансовом состоянии или под гипнозом вспомнить можно все.

Возможно, если бы на поверхности сознания лежала вся такая информация, то наш мозг этого бы просто не выдержал, возможно, без серьезной подготовки мы бы потеряли ориентацию среди этого океана информации и утратили связь с внешним миром. Возможно, перегруженное внешнее сознание не способно было бы воспринимать новые впечатления и новые знания. А возможно – эволюция должна идти в определенном ритме, с определенной скоростью, и ускорение привело бы к каким-то катастрофическим последствиям. Не знаю, тут можно только гадать, но, несомненно, у Бога есть для этого какие-то свои резоны высшей целесообразности.

Что же касается вопроса, когда появилась душа и какое она имеет отношение к эволюции живой природы, попробую объяснить тебе и это.

Дело в том, что твоя душа не сотворена в какой-то определенный исторический момент, а изначально являлась частицей Божественного Сознания и была с ним едина. По мере творения вселенной это единство терялось, сознание ее постепенно замутнялось, грубело, и в самом нижнем витке спирали творения она почти полностью утратила эту связь. Поэтому даже камень имеет душу, но он этого не осознает. Затем спираль творения пошла вверх и полностью замутненное сознание души начало постепенно очищаться, поэтому у растений уже больше самосознания, чем у минерала, еще больше его у животного и гораздо больше у человека.

Следует предположить, что когда-нибудь раса людей сменится расой каких-то более совершенных существ – и так до тех пор, пока индивидуальная душа не сольется с Единым. Можно сказать, что твоя душа, или монада, когда-то была душой камня, затем – растения, затем – животного и, наконец, – человека. На человеческой фазе она должна пройти долгий этап эволюции, который невозможно реализовать за одну жизнь, поэтому твоя душа, пока не воплотилась в теле Андрея Данилова, в разных людях существовала в разные времена.

Отношение же к эволюции живой природы она имеет самое прямое. Недавно американцы на каких-то сверхмощных ЭВМ подсчитали, что если бы эволюция зависела только от наследственности, изменчивости и естественного отбора, то природа и живые существа находились бы сейчас где-то на уровне мезозоя. Можно предположить, что эволюцию направляет некая разумная сила или Бог, частицей которого является твоя бессмертная душа, и каче-

ства очередного эволюционного витка не случайны, а запрограммированы в некоем высшем проекте. Следовательно, то, что у рыбы появились легкие, позволившие ей выйти на сушу, – это не стечение обстоятельств, а результат направленного действия какой-то силы или энергии – и проводником этой энергии к физическому телу будущей рептилии являлась бессмертная душа. Да, действительно, естественный отбор имеет место, но эволюция движима двумя векторами: нижним – естественным отбором и верхним – Божественным проектом.

– Но ведь Библия утверждает, что Бог сотворил мир за семь дней и всех живых тварей и человека создал сразу, без всякой эволюции, – попытался возразить Андрей. – Это же противоречит неоспоримым научным фактам, и тому, о чем вы говорите.

– Ну, если ты думаешь, что Библия – единственная книга по Богопознанию, то ты глубоко заблуждаешься, – ответил артист. – Лично я строил свое мировоззрение на основе древних Упанишад, Бхагавадгиты, книг Шанкарачарьи и многих других гуру. Общие же моменты всегда приходится состыковывать самому – здесь мне помогли медитации, и я постарался связать древние понятия с современными представлениями о картине мира. Оказывается, ничто ничему не противоречит. Библия – это, конечно, величайшая книга, но многие философские понятия там сложнейшим образом закодированы, и только человек глубоких эзотерических знаний сможет их расшифровать. Не обладающий же этими знаниями будет плавать по поверхности и не увидит в Библии ничего, кроме сборника наивных сказок. Поэтому, когда там говорится, что Бог сотворил мир более семи тысяч лет назад за семь дней, то имеются в виду некие циклы, настоящий временной отрезок каждого из которых – не день, не год и даже не тысячелетие, и, очевидно, его истинное время будет известно только посвященному. Кстати, цифра семь – важнейшее число в эзотерике. А рассказ о том, что Бог создал человека по своему образу и подобию, надо понимать не как то, что Бог – это дедушка с Бородой, а человек на него похож, а как то, что Истинная природа Бога и души человека – едины. Так же и масса других моментов.

Я не хочу противопоставлять Библию индийским эзотерическим книгам – одним ближе одно, другим – другое, я, например, как говорил, предпочитаю читать Упанишады и Бхагавадгиту.

Маркелов излагал все эти сложные философские понятия расслабленно, полу закрыв глаза, Андрею казалось, будто все, что он говорит, посылается ему откуда-то свыше и льется через его губы ровным спокойным потоком. Мальчик думал, что, наверное, нет ни одного вопроса, на который не смог бы ответить его новый знакомый: впервые он встречал такое гармоничное воплощение человеческой мудрости.

– Ладно, заговорились мы с тобой, – закончил свой монолог Маркелов. – Что-то меня сегодня понесло, по-видимому, не следовало в первую встречу рассказывать так много. У тебя, наверное, сейчас полный сумбур в голове. Давай-ка, на сегодня разговор закончим, я тебе дам кое-какую литературу для первого знакомства, а когда прочитаешь – позвони, и условимся о нашей следующей встрече.

Маркелов подошел к книжному шкафу, некоторое время раздумывал, затем вытащил один из самиздатовских томов в сером переплете, на котором золотыми буквами было оттеснено: Герман Гессе. Сидхарта.

– Это замечательная повесть немецкого писателя-мистика, жившего в начале века, – объяснил актер. – Ее интересно читать, и там нет особой зауми. Возможно, она заставит тебя задуматься. В книгу я вкладываю бумажку с моим телефоном.

Маркелов сердечно распрощался с мальчиком, и Андрей вышел на улицу.

Как не гармонировал этот жуткий подъезд с тем чудесным миром, где он только что побывал! Андрей шел через заваленный хламом двор, боясь споткнуться в темноте о какую-нибудь замаскированную кучу мусора, но в то же время ему казалось, что он вынес из квар-

тиры Маркелова частицу света, которая растворилась в окружающем пространстве, и насытила воздух тонким ароматом.

Вернувшись домой, и наспех поужинав, он достал заветную книгу и погрузился в удивительную историю сына брахмана Сидхарты, который посвятил свою жизнь, полную открытий и тягостных прозрений, одному вопросу – познанию Истины.

ГЛАВА 2. Первые плоды

Нельзя сказать, что после посещения Маркелова жизнь Андрея круто изменилась. Он продолжал ходить в ту же школу, дружить с теми же приятелями, поддерживать те же разговоры. И все же теперь он жил с ощущением, что впереди забрезжил свет, и среди круговерти пустого времяпрепровождения возник стержень, за который можно было ухватиться. Правда, старые привычки брали свое, а новые еще не сформировались. Да, где-то вдалеке, впервые за всю его недолгую жизнь, появилась цель – пока еще неясная, и возникло направление, по которому следовало двигаться дальше, но было непонятно, какие действия, кроме чтения иной, чем раньше, литературы, следовало предпринять.

После беседы с Маркеловым поначалу возникло ощущение ясности и чего-то грандиозного, но время шло, жизнь не менялась, сумбур в голове оставался, и чувство первоначального восторга стало гаснуть.

Его потряс «Сидхарта», в жизни этого древнего искателя Истины было что-то, что находило созвучие с его жизнью, его беспросветной тоской – и все же эта книга не давала объяснения: что же должен делать конкретно он – Андрей. Бросив все, идти в лес, искать бродячих садху? Надеяться на то, что когда-нибудь встретится новый Будда? К тому же, как выходило у Гессе, ни садху, ни Будда не смогли дать душе Сидхарты желанного покоя и просветления, и обрел он его только в конце жизни там, где никогда и не думал обрести. К тому же из книги он понял, что готовых рецептов вообще быть не может, человек одинок – и путь у каждого свой. Но как узнать, какой путь уготован тебе? Увы, оказалось, что вопросов гораздо больше, чем ответов.

Новый визит к Маркелову состоялся примерно через месяц. Андрей поделился с актером восторгами по поводу книги и рассказал о своем состоянии раздвоенности, что он уже не может жить, как раньше, но путь, который обозначился где-то вдалеке, ему тоже неясен, и непонятно, с какого конца к нему подступиться, поскольку книги – это только пища для ума, а тут требуется нечто большее.

– То, что ты это понял, – уже хорошо, – ответил актер. – Одна только пища для ума мало способствует росту души, здесь задействованы другие структуры нашего сознания. И все же книга, написанная просветленным человеком, даже в переводе содержит некий потенциал, или вибрационный след его сознания, – ауру книги. Эта аура действует на твои тонкие тела непосредственно, она очищает и заряжает их, готовит для восприятия новых, более тонких энергий и создает внутри и вокруг тебя определенную кармическую напряженность или частотность.

Далее – по принципу резонанса – ты начинаешь встречать нужных людей, твои жизненные обстоятельства складываются так, что к тебе потоком стекается информация, литература, методики, ты начинаешь чувствовать то, что не чувствовал раньше, видеть тонкие энергии и многое другое – у каждого это происходит по-своему и с разной скоростью.

Наконец, ты можешь встретить своего учителя – и это одно из самых главных событий в жизни.

Правда, помимо положительных изменений, происходят и не очень приятные. Одно из них ты сам описал – это чувство неприкаянности и раздвоенности: от прежних ценностей и образа жизни ты еще не отошел, к новым не прибился – и совершенно неясно, с чего начать новый путь – хотя он уже начался. И если раньше было просто плохо, но ты не осознавал, что есть другие пути, и тешил себя мыслью, что когда-нибудь разбогатеешь и обретишь душевный покой, то теперь ты подсознательно чувствуешь, что никакие деньги, вещи и развлечения твоих внутренних проблем не разрешат, а что принесет новый путь – пока не ясно.

Дальше появятся и другие проблемы – асоциальность и стремление к одиночеству, хотя необходимость учиться и работать, требует от тебя как раз обратного.

Будет очень трудно вести прежний образ жизни: общаться со старыми друзьями, глупыми девушками, делать карьеру.

Вскоре тебе вообще какой-то период будет тяжело находиться на людях – особенно в толпе, посещать магазины, кино, театры. Но могу успокоить: со временем это пройдет, и ты сможешь сохранять равновесие в любой обстановке, оставаясь незамутненным.

– Иван Саныч, – спросил Андрей. – Вы говорили о том, что чтение духовных книг может менять ситуацию в жизни и создавать определенные обстоятельства, и что-то сказали о резонансе. Мне это совершенно непонятно. Как могут обстоятельства и знакомства зависеть от книг?

– Не только от книг, но и от определенных духовных и физических упражнений, – ответил актер. – А также от накопления энергии или личной силы – вообще от всего, что очищает физически и духовно. Мне трудно это досконально объяснить: у тебя нет необходимой теоретической базы. В наиболее общем виде я могу описать этот процесс так.

Любой человек, любой предмет и событие излучают тонкую энергию определенной частотности, которая проецируется на тонкий план, как некая энергетическая голограмма или код. Что такое тонкий план – предмет особого разговора. Теперь, если твое энергетическое поле в результате контакта с духовными книгами, а также в результате физических и энергетических упражнений начинает очищаться, утончаться и обретать определенную частотность, то ты, по принципу резонанса, будешь притягивать те голограммы, а через них – тех людей, те события и книги, которые совпадут по частоте вибраций с твоей личной частотой.

Это как в случае с телевидением. Телевизор воспринимает телевизионные волны и проецирует их на экране в виде изображения и звука. Но без этого устройства, хоть телевизионные волны и пронизывают твои органы чувств, их ты уловить не можешь. Духовная практика создает внутри тебя подобный телевизор – только он ловит другие волны.

– Поразительно, – сказал Андрей. – Так просто, ясно и совершенно убедительно. Иван Саныч, вы сказали, что в процессе занятий духовной практикой приходят нужные книги, информация и обстоятельства. Кроме того, может прийти учитель, и это событие – самое важное в жизни. Может, вы и есть этот учитель, ведь вместе с вами в мою жизнь пришли и книги, и информация. Но тогда как же это могло произойти, если никакой духовной практикой я не занимался и литературы об этом не читал.

Маркелов внимательно посмотрел на Андрея и покачал головой:

– Нет, Андрюша, я не твой учитель, в твоей жизни я скорее отношусь к категории «нужных людей», которые обеспечат нужными книгами и информацией. Учитель – это нечто большее, это тот человек, который видит твой путь и сможет привести к Богу. Я же на это не способен, я сам в пути, и во мне много самости и светскости. На определенном этапе я смогу тебя чему-то научить, но только чему-то. Когда-то мы неизбежно разойдемся, я это чувствую, и ты пойдешь другим путем.

Я слишком тяготею к Индии и йоге, для тебя же это только временное увлечение, затем в твоей жизни появится нечто иное.

А что касается твоей неподготовленности к нашей встрече: помнишь, в самом начале я сказал, что ты парень перспективный? Дело в том, что в твоём информационном поле я уловил духовную подвижку. Ни йогой, ни магией ты никогда не занимался, тем не менее, мне кажется, будто кто-то провел над тобой первичную инициацию – отсюда и твоя неприкаянность, и поиск неизвестно чего, и несогласие с теми ценностями, на которые молятся все окружающие.

Может, это сделал не человек, может, тебя коснулся твой неземной учитель, может быть – демон, – это от меня закрыто, но я ясно почувствовал, что нечто необычное в твоей жизни происходило – даже если ты этого не помнишь.

– Иван Саныч, – взволнованно заговорил Андрей. – А ведь вы правы. Я, правда, об этом никогда никому не рассказывал, боялся, подумают, будто у меня крыша поехала.

Пять лет назад мы с мамой ехали отдыхать в Трускавец, и со мной в поезде произошли очень странные вещи. То ли сны, то ли видения, да такие реальные, словно в настоящей жизни. Я, к сожалению, сейчас уже почти ничего не помню, но тогда мне казалось, что я прикоснулся к чему-то самому важному в жизни.

И Андрей рассказал о встрече с девочкой на берегу моря, о черном человеке и затем об иконе, которая выходила из оклада в церкви. Правда, рассказ его был несколько скуден, поскольку помнил он всего несколько ярких картин, да к тому же мало связанных друг с другом.

К рассказу Андрея Маркелов отнесся очень серьезно и сказал, что это были не сны, не галлюцинации, и все, что ему тогда привиделось, – действительно очень важно.

– Похоже, Андрюша, твоя инициация действительно произошла именно тогда, и, возможно, это только начало необычных событий, которые в дальнейшем произойдут, – сказал актер. – Эта девочка назвала себя Единственной? Я что-то читал об этом. Есть теория, что монады-души некоторых людей стремятся составить диаду, соединиться со своей половиной – шакти, или космической парой. Когда им это удастся, то происходит небывалый духовный рост. Но встретить и, главное, узнать свою половинку – чрезвычайно сложно. Иногда одна из них, которая дальше прошла по пути духовного развития, является к своей паре в астрале (это может восприниматься, как необыкновенно яркий и разумный сон) и проводит что-то вроде инициации. Она вытаскивает застрявшего в жизненном болоте Единственного и заставляет его отправиться на поиски.

Теперь что-то проясняется, почему, например, у меня четкая уверенность, что мы с тобой обязательно разойдемся. Мой путь – путь одиночки, ты же должен когда-то составить пару со своей Единственной, и ваша совместная духовная практика будет какой-то особенной.

Но, похоже, на твоем пути ожидаются серьезные испытания – об этом свидетельствует появление черного человека. И потом – говорящая икона... Возможно, Дева Мария тебя бережет. Так или иначе – выбор за тобой. Для начала очень важно вспомнить свои видения, но пока ты к этому не готов.

– Но как это сделать? – грустно проговорил Андрей. – Ведь столько лет прошло, и ни разу мне не удавалось вспомнить ничего более того, чем я вам рассказал. И ничего необычного, до встречи с вами, со мной больше не происходило.

– Значит, не пришло время, – ответил Маркелов. – Когда ты начнешь медитировать, это должно произойти, или я ничего не смыслю в эзотерике. Правда, по поводу сроков затрудняюсь что-либо сказать. – Он окинул мальчика оценивающим взглядом. – Твой рассказ навел меня на мысль, что нам надо начинать конкретные упражнения. Вначале я не собирался торопиться, хотел, чтобы ты лучше проникся атмосферой, сформировал в своем сознании какую-то цельную картину мира, освоил теоретическую базу, ведь ты еще так молод, и спешить некуда. Но сегодня я ощутил в тебе задатки практического мистика, и хоть этот путь опасен, по-видимому, тебе он подходит. Возможен, конечно, и чисто церковный путь, но в этом случае тебе придется искать православного духовника – и это уже не по моей части. В дальнейшем ты определишься сам. Иногда в жизни нужно перебрать множество направлений, прежде чем поймешь, что действительно твое, а что – чуждо. Кто знает, вдруг у тебя появится тяга к монашеской жизни.

На этот раз Маркелов дал Андрею книгу Сильвараджана Иессудиана «Хатха-йога» и обширнейший труд свами Шивананды «Концентрация и медитация».

– Попробуй заняться хатха-йогой, – как-то с сомнением проговорил актер. – Мне это направление чрезвычайно близко, но, возможно, тебя оно увлечет ненадолго. В любом случае, будет полезно пройти через начальные ступени, и, кроме того, физическая йога заполнит тот вакуум, который возник в твоей душе, и почистит энергетические каналы, а также дисциплинирует, хотя сама по себе на начальных этапах она мало, что дает для раскрытия мистических

способностей – это, прежде всего наука здорового тела. Кстати, когда ты серьезно начнешь заниматься медитациями и откроешь в себе какие-то необычные силы, то хатха-йога сможет уберечь от многих проблем, поскольку эти силы бывают достаточно опасными для здоровья и психики, особенно в твоём юном возрасте. Правда, именно в этом возрасте пробуждение мистических сил может происходить очень быстро – это как путь по лезвию бритвы.

Теперь о второй книге. Вряд ли ты сможешь взять из нее что-то для своих практических упражнений. Она написана очень расплывчато, индусы вообще считают, что технику медитаций нельзя освоить по книгам – ее дает учитель, и он внимательно следит за состоянием ученика, чтобы избежать нежелательных последствий. Но все равно, прочти ее, чтобы иметь представление, как на первых этапах работать с сознанием. В действительности настоящая дхьяна гораздо сложнее и больше напоминает созерцание своих необычных состояний и психических эффектов в измененном состоянии сознания.

После этого посещения учителя (Андрей упорно продолжал называть Маркелова для себя именно так) мальчик – по крайней мере, внешне – круто изменил свою жизнь и распорядок дня. Если раньше он никогда не мог заставить себя встать рано утром, чтобы сделать обычную гимнастику, то теперь у него вдруг открылось необычайное упорство, к радости и удивлению мамы, которая видела в хатха-йоге только экзотическую гимнастику, и не подозревала об опасной мистической подоплеке этого увлечения.

Андрей был достаточно гибким мальчиком, но поначалу даже самые простые асаны давались ему нелегко, к тому же Маркелов, после того как увидел достижения своего ученика, остался ими весьма недоволен.

– Во-первых, – покачал он головой, – в книге же ясно сказано: начинать надо с небольшого количества упражнений, и там даны конкретные комплексы, а ты мне тут целый каскад поз продемонстрировал, потом, в них надо застыть на долгое время, они должны быть для твоего организма комфортны. Опытный йог в лотосе может сидеть много часов и не чувствовать неудобства. Ты не должен ничего форсировать, поза делается до той фазы, пока организм выполняет ее без напряжения, иначе это просто советский спорт, где тренеру важно получить как можно больше чемпионов – что с человеком будет потом, ему не важно. Затем – совершенно безобразное дыхание. Оно должно быть неслышным. О сознании, естественно, говорить рано, но постарайся во время занятий держать состояние океана – чувство покоя и беспредельности.

Андрей покраснел, он действительно хотел удивить Маркелова своими успехами и освоил, как ему казалось, гораздо больше асан, чем требовало пособие за этот период времени.

– Смотри! – продолжил Маркелов – и исполнил такой трюк, от которого у мальчика просто отвисла челюсть. Он лег на живот, а затем совершенно спокойно, без напряжения прогнул спину назад и скрутился в такое колесо, что стопы его ног встали на пол по обе стороны шеи, причем лицо не покраснело от натуги и дыхание ничуть не сбилось, словно выполнял эту позу не пятидесятилетний мужчина, а юная циркачка, демонстрирующая номер «женщина-змея». Пробыв в этой фантастической позе минут пять, актер принял обычное положение и сказал:

– Видишь, мне в этой асане было удобно и комфортно. При должной тренировке в ней можно оставаться десять-пятнадцать минут. Поэтому пусть лучше асан будет меньше, но выполняй их правильно.

Затем Маркелов обучил Андрея «крийя» – очистительным движениям, одно из которых – «наули» выглядело особенно эффектно, когда по животу актера перекачивались мышечные волны. Оказалось, что научиться этому совсем не сложно, весь фокус – в надавливании на определенные мышцы бедер, и через пятнадцать минут Андрей уже сам лихо исполнял «танец живота».

Напоследок актер предложил мальчику промывать нос соленой водой, чистить зубы пальцами с помощью золы, а также бросить курить и перейти на вегетарианство.

– Когда я увлекся хатха-йогой, – сказал Маркелов, – мне казалось, что для духовного продвижения обязательно необходимо перейти на растительную пищу, то есть избегать продуктов, связанных с убийством. Кстати, этой диеты я придерживаюсь и по сей день. В действительности, как оказалось, вегетарианство существенно не влияет на скорость развития мистических способностей. Известно, например, что сам Иисус Христос ел рыбу и пил вино, а великие мистики Гурджиев и Блаватская курили трубки, и это никак не сказывалось на их фантастических возможностях. Но все же считается, что вегетарианство способствует более гармоничному развитию тонких тел и раскрытию чакр. В дальнейшем ты сам увидишь, что для тебя более естественно, может быть, вегетарианство – это твое, тогда ты в скором времени будешь испытывать отвращение к мясу и рыбе, но может так случиться, что мясная диета для тебя более органична. Нужно попробовать все, и все примерить к своему индивидуальному пути.

Возьмем такой сложный и неоднозначный вопрос, как половая близость. Многие йоги категорически настаивают на безбрачии, поскольку, сохраняя половую энергию, мы в дальнейшем обретаем возможность преобразовывать ее в духовную – как они говорят – переводить Раджас в Оджас. Школа же Тантры и некоторые духовные школы Китая, напротив, разработали определенную технику секса. Об этом говорится в индийской книге «Кама сутра» и китайской «Дао Любви».

Адептам этого направления половой контакт не только не мешает мистическому развитию, но, напротив, значительно ускоряет его. Правда, тут есть много тонкостей и подводных камней. В любом случае, половое чувство берется под контроль сознания и заурядный половой акт превращается в майкунтху. Если же тебе удастся встретить свою Единственную, с которой вы должны сформировать диаду, физическая любовь может оказать сильнейшее воздействие на духовный рост. Как видишь, однозначного рецепта здесь быть не может.

После каждого очередного посещения учителя Андрея на несколько дней охватывал энтузиазм, затем его интенсивность начинала постепенно ослабевать. И дело было не в сомнениях о правильности выбранного пути: начинала шевелиться его старая подружка – лень.

С той поры, как асаны и различные очистительные процедуры вошли в привычку, заставлять себя особенно не приходилось, но если по какой-то причине возникал пропуск, тут уж лень активно пыталась захватить утраченные позиции – и, иногда, на несколько дней ей это удавалось. У лени был существенный аргумент: каких-то заметных результатов не было, поэтому возникали сомнения: стоит ли отказываться от мелких неопасных радостей жизни, которые – вот, здесь, только протяни руку, ради какой-то отдаленной и непонятной цели. К тому же, какая гарантия, что все будет так, как написано в книгах!

И все же через полгода регулярных занятий он стал ощущать какое-то, если и не постоянное, то достаточно длительное ощущение внутреннего света и радости. Эти ощущения были не столь уж интенсивны, но они постепенно сменили его постоянные перепады кратковременных восторгов и длительных депрессий. Теперь это все как-то сгладилось и если не ушло полностью, то отодвинулось на второй план, а чувство внутреннего света и ровной радости (вернее, радостности) стало постепенно овладевать его сознанием. Это было необычно и приятно, но омрачало то, что держалось новое состояние только в одиночестве, на людях же – в центре города, в кино и магазинах, оно проходило и сменялось ощущением вязкости и странным чувством, словно на голову надели кастрюлю, поэтому Андрей стал всячески избегать публичных мест.

Было и другое. Например, почти все его друзья вдруг стали казаться тупыми и неинтересными, но и порывать с ними он боялся – слишком еще сильны были воспоминания, связан-

ные с переходом в новую школу, и тем состоянием изгоя, в котором он находился в течение нескольких месяцев.

Даже артистичный и эрудированный Сережа Кубарев перестал привлекать Андрея, поскольку любил вещать сам, любил внимание и поклонение, а когда Андрей попробовал с ним завести разговор о Богоискательстве, то заявил, что ни во что подобное не верит, и постарался быстрее свернуть разговор, в котором был совершенно некомпетентен. Андрей, к тому же, был удивлен, что за несколько месяцев узнал Маркелова гораздо лучше, чем Сергей за 2 года.

Итак, из близких людей, с которыми мальчик мог беседовать о самом сокровенном, остался только Маркелов, но он был взрослым, даже пожилым человеком, к тому же очень занятым, и виделись они с ним не более раза в месяц.

Как ни странно, если раньше одиночество его сильно тяготило, то теперь почти устраивало. По инерции он продолжал принимать участие в школьных вечеринках, но теперь на них безумно скучал, отказывался пить и курить, не говоря уж о травке. К его удивлению, это не привело к насмешкам приятелей: в Данилове появилась загадка, и она вызывала уважение.

Этот период метания между старыми и новыми ценностями Андрей отразил в стихотворении «Берега», он сам удивился, насколько глубже и взрослее стали его стихи со времени нового увлечения.

Я потерял натуры цельность,
Я жду, какие ж берега
Явят единственную ценность,
Чтоб к ним прибиться навсегда.

Не удалось найти забвенья
Мне на нейтральной полосе.
Меж пиков «взлета» и «паденья»
Мечусь, как белка в колесе.

Мечусь... наивное создание,
А ведь писал же, что плыву
По тихой речке мироздания,
Спокойно глядя в синеву.

И выбор труден, каждый берег
Меня по-своему манит,
И я пока что не уверен,
который Истину сулит.

Один – попутное течение,
Дешевых радостей лопата,
Вагон постылых развлечений
И отдаленная расплата.

Другой – о, пик его волшебен!
Но так далек и совершенен,
И так ухабист путь к нему,
И столько мне сулит лишений

Он не приемлет полумеры —

Едва ошибка, слабина,
Глядишь – на близкий теплый берег
Прибила ласково волна.

И так разнежит, так пригреет,
Что тает мужества багаж...
Ах, если б знать, что дальний берег —
Всего лишь выдумка, мираж.

Андрей отметил еще одну новую особенность своего творчества: в последнее время словно бы ему кто-то стал диктовать стихи. Появилось ощущение, будто бы и не он автор, а кто-то незримый воплощает их через него на бумагу. Порой Андрей вдруг обнаруживал между строк какой-то совершенно неожиданный смысл, о котором он даже не подозревал в момент творчества.

Однажды, окрыленный похвалами знакомых и родных, он отослал подборку стихов в журнал «Юность», но через месяц пришел ответ: да, его стихи неплохие, но если он хочет стать настоящим поэтом, то ему следует прочитать книгу Исаковского о том, как надо писать стихи (название ее Андрей не запомнил, поскольку порвал ответ), и больше читать Пушкина, Лермонтова, Некрасова и т. д. К сожалению, редакция уже имеет стихотворный материал для публикаций на много месяцев вперед. Мальчик обиделся, и больше попыток подняться на Олимп советской поэзии не предпринимал.

Так проходили дни, Андрей становился гибче и сильнее, но медитации, к которым он приступил в последнее время, не получались, и через пять-десять минут он уже больше не мог размышлять на тему какого-то стола или ложки, как это предписывал Шивананда, и от скуки впадал в дремоту, переключаясь на мимолетные сонные мысли. Так же не удавалось воспроизвести достаточно отчетливо этот предмет и пред мысленным взором. И вообще, его сознание всячески сопротивлялось новым занятиям, и ему было гораздо легче заставить себя полтора часа вить тело в узлы асан, чем пятнадцать минут насиловать свой ментал, навязывая ему непривычную работу. К тому же результат асан и крий был налицо, результата же психических упражнений он не замечал, и по прогнозам Маркелова в ближайший год такового и не предвиделось.

И, тем не менее, первые подвижки произошли раньше.

Стоял необычно теплый для Ленинграда апрель. В последний месяц у Андрея возникла необычная для него ранее тяга к длительным одиночным прогулкам. Снег уже почти сошел, но листья на деревьях еще не появились, и предвечерний воздух дышал лаской ожидания грядущих белых ночей – удивительного времени, когда на город опускалось ощущение тайны.

У Андрея каждый год в это время возникало предчувствие каких-то необычных событий, которые впоследствии так и не происходили, но само это чувство, тем не менее, его не покидало. Он постоянно ожидал, что в его жизнь ворвется что-то новое, сказочное, и само по себе ощущение уже было тем подарком, который ему дарил город в эти дивные вечера зрелой весны.

Андрей заметил, что в последний месяц восприятие окружающего мира как-то заметно изменилось. Ощущение это возникало только во время его одиноких прогулок и пропадало на людях. Словно бы чувственное восприятие окружающего стало глубже проникать в его сознание, вступая с ним в эмоциональный диалог на фоне тихой радости созерцания. Словно бы мир вокруг стал оживать и испытывать к нему что-то вроде любви или симпатии. Иногда какой-то обветшавший заброшенный склад на берегу канала, который никак не мог вызвать эстетического удовольствия, приводил Андрея в состояние непонятного восторга. Словами это было очень трудно передать: что-то вроде ощущения жизни, заполняющей, казалось бы, мертвые предметы.

Однажды, гуляя вдоль набережной Мойки, он вышел в ту часть города, где речка расширялась, а противоположный берег выглядел диким и заросшим прошлогодней растительностью. Вскоре он поравнялся с островом, называемым Новой Голландией, на котором стояло несколько заброшенных корпусов темно-красного кирпича, окруженных полусгнившей оградой, поднимающейся прямо из воды. Андрею показалось, что это то ли какой-то склад, то ли мастерские, во дворе валялась ржавая арматура, окна были заколочены – и никаких признаков жизни там не наблюдалось.

Раньше Андрей просто бы прошел мимо острова, даже не взглянув в его сторону, но сейчас почему-то эти нелепые полуразвалившиеся корпуса вызвали непонятный интерес. Он облокотился на чугунную решетку набережной и, испытывая непонятное наслаждение, уставился на открывшуюся его взору картину запустения и заброшенности. Стоял он так неопределенно долго и вдруг заметил, что вокруг острова и корпусов на фоне чистого предвечернего неба возникла какая-то сероватая дымка-облачко. Эта дымка находилась в постоянном движении, затем в ней забрезжили вначале еле различимые, потом все более отчетливые цветовые переливы. Андрей ясно видел фиолетовые, золотистые и зеленоватые сгустки, они постоянно перемешивались, меняли оттенки, затем над островом сформировался серебристый прозрачный столб. Воздух из однообразного превратился в испещренный вибрирующими точками различных цветов. Вскоре это были уже не точки, а полупрозрачные червячки и кляксы, все это вибрировало с немыслимой частотой и перекрывало видимое.

Андрей почувствовал легкий звон во всем теле и вдруг отчетливо вспомнил, что похоже корпуса, напоминающие то ли склады, то ли мастерские, то ли котельную, он уже видел, но не в реальном мире, а во сне, виденном в поезде. Перед ним пронеслось, как он блуждал по бесконечным заброшенным коридорам, испытывая тоску и страх, что никогда оттуда не выберется, и как невидимая рука вывела его наружу.

Ощущение было настолько ярким и сильным, картина настолько отчетливо стояла перед его взором, что он даже на минуту перестал понимать, где реальный мир, а где – видение, наложившееся на этот мир. Он подробно вспомнил и этот безлюдный город с широкими улицами и старинными зданиями, и пустырь, через который он шел к городу, и странных, гулко беседующих людей, которые его не замечали, и, самое главное, готическое здание, в которое он зашел и встретил там человека в черном плаще с капюшоном, скрывающим бледное лицо.

В следующее мгновение эта мрачная фигура словно бы отделилась от его видения и переместилась на плоскость острова.

Внутреннее видение пропало, но фигура, став мутной, сероватой и плохо различимой, осталась висеть в воздухе напротив склада, и эта туманная фигура вдруг протянула к Андрею руки и поманила к себе.

Еще мгновение, и Андрей, подчиняясь какой-то непонятной силе, несомненно, перепрыгнул бы через парапет и плюхнулся в холодную, грязную воду канала, но тут звон, все еще заполнявший его тело, перешел на новый регистр. Мальчик внутренне содрогнулся, его начала колотить дрожь, он почувствовал леденящий холод, исходящий от зловещей фигуры, и, собрав всю силу воли, скинул с себя наваждение. В тот же момент серая фигура пропала, и картина острова снова приняла свой обычный вид.

Мальчик постарался быстрее уйти отсюда, понимая, что сейчас чуть не прыгнул в воду, выбраться из которой, учитывая температуру воды, не так давно освободившейся ото льда, безлюдье и высоту гранитной набережной, было бы весьма проблематично.

Он быстро пошел по направлению к дому, тревожно оглядываясь на остров, но, несмотря на то, что зрительное наваждение вроде бы прошло, восприятие мира несколько изменилось.

Он не видел, но ощущал каким-то глубинным чувством, что реальность, независимо от его сознания, заполнена и пронизана какой-то живой то ли материей, то ли энергией, что его знание, его чувства – это всего лишь маленькое окошко в эту живую энергию и что эта энер-

гия не только вокруг, но и внутри – это природа его индивидуальной души, и с помощью глаз и чувств его душа, глядя вовне, по сути, смотрит внутрь себя, поскольку энергия эта везде – и внутри и снаружи.

Вскоре это осознание расширилось. Он смотрел на дома, на случайных прохожих и ясно чувствовал, что люди в домах и прохожие – это также души, частички общей космической энергии, и все эти тысячи и миллионы душ, как и он, смотрят внутрь реальности, неотъемлемой частью которой они являются, и что все это – невообразимое существо, заполняющее вселенную, и существо это мириадами глаз смотрит через маленькие оконца внутрь себя, но видит каждый из этих глаз что-то свое, только ему показанное.

На какое-то время в этом состоянии растворился весь окружающий мир и маленькое, затерявшееся в этом мире «Я» самого Андрея, он почувствовал свою нерасторжимую связь со вселенной, казалось, еще немного и его ограниченное «Я» -самосознание безмерно увеличится, поломает рамки личности и заполнит собой весь космос.

Это было настолько грандиозно и необычно, что Андрей испугался, и состояние его тут же прошло. Мир вернулся в свои привычные рамки и стал прежним.

Он шел вдоль Крюкова канала, и впереди уже блестели купола Никольского собора, и весенний воздух снова был таким, каким он был раньше. И все же что-то изменилось. Андрей заметил, что когда он смотрит рассосредоточенным взглядом на какой-то предмет, дом, купол церкви или фигуру человека – вокруг видимого объекта возникает что-то вроде дымки-свечения, переливающейся различными оттенками, причем и цвета и величина дымки у каждого объекта свои. По мере того как небо темнело, они становились все более отчетливыми, и Андрей даже не мог понять, откуда у него такая уверенность, что эта дымка несет в себе информацию о глубинной и тайной природе человека или предмета, вокруг которого она наблюдается. Это было необычно, красиво и ничуть не мешало, поскольку тут же пропадало, стоило Андрею посмотреть на предмет прямым зрением. Тут только до мальчика дошло, что он видит ауру предметов, о чем не раз читал в книгах Маркелова. Другим же состояниям, которые предшествовали ауровидению, он не нашел объяснения и решил спросить о них своего учителя.

Надо сказать, что испугался Андрей только в первые минуты, затем же, когда эффекты прошли, в его душе зазвучали фанфары: наконец-то он воочию увидел первые плоды своих занятий!

В дальнейшем мальчик снова попытался воспроизвести то, что с ним произошло у островка и на пути домой, но ничего подобного, увы, не случилось. Видение ауры постепенно также стало угасать и только при длительном рассосредоточении взгляда вокруг объекта все-таки возникала легкая серая дымка. Восторг сменился разочарованием: оказывается, психические эффекты не подчиняются его воле – и непонятно, когда и каким образом они возникнут снова и возникнут ли вообще. Правда, в глубине души Андрей даже успокоился, поскольку видение призрачного человека его сильно напугало.

Через неделю мальчик вновь сидел в удобном кресле Маркелова и возбужденно рассказывал ему о своих необычных видениях, даже не пролистав предварительно Бхагавадгиту, иллюстрации которой он разглядывал в начале каждого своего визита к актеру.

Маркелов был не то что очень удивлен, пожалуй, даже несколько встревожен, похоже, нечто подобное происходило и в его жизни, но об этом он ничего не рассказывал и всячески уходил от подобных разговоров.

– Что тебе сказать, Андрюша, – задумчиво проговорил актер, – я, конечно, предполагал, что нечто подобное с тобой когда-нибудь произойдет, но не ожидал, что так быстро. Очевидно, кто-то над твоей душой предварительно потрудились, и она имеет на самом деле гораздо больший опыт, чем кажется на первый взгляд – все это тебе предстоит вспомнить в дальнейшем. А то, что у тебя вдруг проснулась способность к ауровидению – пусть даже сейчас она

заметно притупилась, – это вполне естественно: пробуждение каких-то новых способностей всегда происходит скачками и угасаниями – все зависит от количества личной силы, и когда ее станет больше, эти новые качества установятся достаточно стабильно. Кроме того, столь быстрое появление мистических сил говорит о том, что в прошлых жизнях ты этим вполне владел.

Очень интересная история с пронизывающей энергией жизни. Можно сказать, что ты испытал нечто вроде кратковременного самадхи. Конечно, все это еще очень далеко от глубочайших трансцендентальных состояний, которые испытывают продвинутые йоги, но, тем не менее, расширение границ собственного «Я» как раз характерно для первых ступеней Сампраджната Самадхи. Естественно, к настоящему продолжительному Самадхи ты еще совершенно не готов – твоя энергетика просто не справится с такой нагрузкой. Но даже эта кратковременная вспышка пробудила память души, и ты начал видеть ауру.

Какая следующая способность к тебе придет, я не знаю, но подобные качества, как правило, появляются спонтанно, независимо от желания, когда ты меньше всего ожидаешь. В дальнейшем способности иного восприятия мира и иного воздействия на мир, если пойдешь правильной дорогой, ты сможешь взять под контроль, но пока до этого еще очень далеко.

Надо ли говорить, что мне совершенно не нравится история с черным человеком. Это явно один из представителей темной иерархии, скорее всего, даже не человек, и как биологический организм в нашем трехмерном мире не существует. Он попытался на тебя воздействовать, даже сбросить в воду, превратив в послушного зомби – скорее всего, просто проверял силы, вряд ли он был заинтересован в твоей физической смерти. Но все это говорит о двух вещах: во-первых, он твой давний знакомый и, возможно, когда-то ты находился под его влиянием. А во-вторых, он явно пытался подчинить твое сознание, а значит, испытывает к тебе определенный интерес и почему-то заинтересован в том, чтобы ты попал под его контроль. Истинные его цели мне пока не ясны, однако могу сказать, что подобные темные сущности выискивают на земле мистически одаренных кандидатов и пытаются, зачастую довольно успешно, перетянуть их на свою сторону. Тогда возникают различные сатанистские секты, а когда-то живая религия превращается в мертвую схоластическую науку.

– Иван Саныч, – взволнованно заговорил Андрей, – но зачем этим черным нужен я, какой интерес они могут испытывать к такому серому середняку, как Андрей Данилов? – несколько принизил он мнение о себе самом.

– Пока ты не можешь оценить истинных масштабов своей личности, – ответил Маркелов. – Возможно, им этот масштаб гораздо лучше известен. И потом, ты – лишь маленькое звено гигантской сети той дьявольской игры, которую неведомое количество лет ведет на земле ее верховный демон Гагтунгр. Это имя, как и многие другие, донес до нас величайший мистик, визионер и поэт современности Даниил Андреев. Ты это имя вряд ли знаешь, по крайней мере, в школе его творчество, которое чудом дошло до нас только в рукописях, не проходят.

Так вот: ближайшие тактические задачи Гагтунгра неизвестны, а вот отдаленная стратегическая цель – вполне ясна: это полная демонизация человечества и земли в целом, возможно, выведение новой расы – дьяволочеловечества, которое по его прогнозам должно сменить нынешнее – столь ненадежное и никак до конца не подпадающее под его влияние, то есть непредсказуемое, несмотря на его дьявольски точный расчет каждого хода.

Естественно, в перспективе – это полный захват власти над Землей и посрамление Господа нашего. Власть и могущество – это их единственная цель и их главное средство, ничего больше, чем поглощение внутрь своей воронки все новой материи и все новой энергии им и в голову прийти не может. Промежуточная же задача – это получение все новых и новых источников питания для своего многочисленного воинства.

Кроме того, подготавливается пришествие Антихриста и воцарение на всей Земле такой чудовищной диктатуры, которой никогда не ведало человечество. Кстати, самой масштабной попыткой подобного воцарения были недавние события в России – большевистский перево-

рот и сталинская деспотия. В настоящее время Гагтунгр теряет в нашей стране свои позиции, но они пока еще чрезвычайно сильны.

Сталин – это пробный шарик. В будущем на земную арену Гагтунгр готовится вывести гораздо более масштабную и страшную личность. Воцарение на Земле сверх диктатуры – это первый этап для создания новой расы.

Действует же здесь и кует себе кадры из нашего человеческого сообщества он с помощью эмиссаров разных ступеней сатанинского посвящения, одного из которых ты видел недавно, а также, судя по твоему рассказу, пять лет назад. Одно и то же ли это существо, я не берусь сказать. В любом случае его появление – это и серьезное нам предупреждение: ты должен быть начеку. Методы вербовки у них самые разнообразные, хитроумные, но и они достаточно часто совершают ошибки.

Маркелов замолчал и пристально уставился на огонек ароматической палочки.

– Странно, – задумчиво проговорил мальчик, – я – Андрей Данилов, а этот мистик – Даниил Андреев. Случайно ли это совпадение? Сам не могу объяснить, но, как только вы произнесли это имя, я почувствовал – это трудно объяснить – ну что-то вроде любви к нему и жуткий интерес: что же он такое написал! Нет ли у вас каких-нибудь его произведений?

Маркелов, казалось, находился в раздумье.

– У меня есть рукописный экземпляр его самого значительного произведения «Роза мира». Я даже не знаю, стоит ли давать его тебе сейчас. Это очень необычная и сложная книга, ты, пожалуй, еще не готов к ее восприятию... Ну ладно! – словно решившись, проговорил актер. – Дам я ее тебе на свой страх и риск, заодно прочтешь о жизни автора, о ней в предисловии пишет его вдова – Алла Андреева, кстати, ныне здравствующая.

Маркелов подошел к полке и вытащил объемный том в синем самодельном переплете.

– Бери, читай, что будет непонятно, постараюсь объяснить. Одно могу сказать, аналогов этому произведению нет в истории человечества. Только никому ее не показывай, книга эта, по мнению компетентных органов, гораздо серьезней и опасней книг по йоге, и за ее хранение можно получить большие неприятности.

На этом они расстались, и Андрей заторопился домой, ощущая в сумке приятный груз новых неведомых знаний.

ГЛАВА 3. Шрастры

С первых страниц «Розы мира» Андрей понял, что подобной книги ему не приходилось читать. К его удивлению, после серьезных трудностей первых глав вдруг пришло ощущение легкости, внутреннего света и, что самое странное – узнавания, хотя Андрей точно знал, что ничего похожего не читал, а вся йоговская литература и беседы с Маркеловым раскрывали те же проблемы в несколько ином аспекте.

И слова, которых нет ни в одном словаре: светло-радостные Готимна, Аримойя, Фляорус, Жюнфлейя или глухо-угрожающие Мород, Ырл, Пропулк, Буствич... Словно бы он слышал их когда-то, но безнадежно забыл.

Когда же Андрей дошел до описания соборной души России Навны, то внутренне вздрогнул: он точно помнил, что где-то слышал это имя и с этим именем связано какое-то сокровенное событие в его жизни, но где и когда? Со дна его души поднималась тайна, он смутно ощущал ее очертания, но никак не мог уловить суть, и ощущение это, изрядно потускневшее со времен Трускавца, снова стало преследовать его.

В этой загадке не смог ему помочь и Маркелов, который знал о Навне только то, что написал о ней Даниил Андреев, и сказал, что это воспоминание, по-видимому, как-то связано со сновидением в поезде и только лишний раз доказывает, что Андрею необходимо вспомнить эту историю самому. Вскоре это действительно произошло и снова совершенно неожиданно.

Была пора экзаменов, Андрей готовился к математике, просидел полночи над учебниками и проснулся под утро. Сон был тревожным. То ему снилось, что он опаздывает на экзамены и никак не может найти свою школу, в ужасе бегая по всему району с жутким ощущением, будто от экзамена, на который он уже не успевает, зависит его жизнь. То звонит будильник, но на самом деле выясняется, что это всего лишь сон, и так продолжается все утро. Когда же он зазвонил по-настоящему, Андрей проснулся совершенно разбитым, с ощущением странной раздвоенности, словно бы часть сознания продолжала оставаться в мире сна. Он неожиданно обнаружил у себя два взгляда: один скользил по привычным предметам – телевизору, шкафу, книжным полкам, другой же был развернут внутрь и глядел в странные, неведомые глубины подсознания.

Мальчик умылся и принялся за свою привычную йоговскую гимнастику, а так как сонливость не проходила, то он не стал отдергивать шторы с окон и выполнял знакомые положения тела, не открывая глаз.

Тут только он заметил, что в восприятии собственного тела что-то изменилось. Он словно бы видел внутренним взором свои руки, ноги, позвоночник. Нет, это не были отчетливые картинки, его тело словно светилось изнутри, и этот свет он улавливал в виде мутных полос. Вот он поменял положение ног – и полосы тоже поменяли положение, выгнул позвоночник – и соответствующая ему полоса также выгнулась. От них ощущалось что-то вроде тепла, а вдоль полосы позвоночника были видны несколько утолщений, и от этих утолщений отходили поперечные полосы, наподобие спиц зонтика.

Эти видения-ощущения нисколько не пугали, поскольку были неясными и приятными, и продолжались все время, пока Андрей выполнял асаны.

Затем, когда он лег в позу трупа, которой обычно заканчивал свою гимнастику, к уже описанному ощущению прибавилось новое. Его достаточно сложно было описать адекватными понятиями, оно не включало зрительных образов и представляло собой приблизительно следующее.

Словно бы все события, с ним происходящие и происходящие с людьми, хоть как-то с ним связанными, а также с теми, кто напрямую с ним не связан, но имеет косвенное отношение (по сути дела, эти причинно-следственные цепочки распространялись на все челове-

чество), а также все явления, его окружающие – все это невообразимым образом переплелось и составило немислимую подвижную глыбу, состоящую из нитей причинно-следственных связей. Нити эти находились в непрерывном движении – и если двигалась одна, то, задевая другие, она тут же вызывала целый каскад движений в ближайших звеньях, что, как волны от брошенного камня, распространялось на все более отдаленные, приводя тем самым всю глыбу в неопиcуемый, но вполне обусловленный и упорядоченный внутренний танец. Андрей словно бы ощутил всеобщую взаимозависимость, и что невозможно даже шагу ступить, чтобы это как-то не отразилось на бесконечной цепи причинно-следственных соответствий на событиях в других местах Земного шара.

Затем он ощутил, что этот гигантский клубок переплетений очерчен снаружи двумя полусферами – темной снизу и светлой – сверху. Темная, сама находясь в непрерывной внутренней борьбе, излучая непрерывное желание все дальше расширять область своих влияний, постоянно внедряет свои черные нити в центральную сферу и искажает ход ее внутренних взаимодействий, все более затемняя эту область. Верхняя же, золотистая полусфера словно благодатным дождем пронизывает центральную ясными радостными вибрациями-лучами, и, не влияя напрямую на взаимодействия серых и белых нитей, как бы высветляет их, создает условия для подъема вверх, рассеивает мрак, принесенный черными щупальцами, и те начинают корчиться, отцепляясь от серых и белых, и, в конце концов, сползают вниз в свою полусферу. Затем – новый всплеск темной энергии, новый выброс черных щупалец внутрь центральной сферы, и вновь отвоевываются утраченные позиции. Процессу этому нет ни начала, ни конца, а передышки – лишь временные и местные.

Затем картинка начала размываться, и на ее месте возник видимый где-то в области затылка образ человеческой фигуры, в которой Андрей почему-то узнал себя. Ноги этой фигуры опутывали черные щупальца и тянули вниз, верхнюю же часть тела окружал ореол, высветляющий голову и мягко нейтрализующий тягу черных щупалец.

Чем закончилась эта борьба, Андрей так и не увидел, картинка угасла и к нему вернулось обычное мировосприятие. ... хотя не совсем, и пока мальчик завтракал и одевался, он все время ощущал, что границы между внешним знакомым миром и неведомым иным истончились, и он находится в двух параллельных потоках восприятия, что крайне затрудняло его привычные действия. Требовались, например, усилия, чтобы вспомнить, как застегиваются брюки и надеваются ботинки, он словно бы забыл до боли захоженную дорогу в школу, и только какая-то часть его существа, преодолевая большие усилия, все же смогла привести его к знакомой двери. Тут только страх, что в таком состоянии он не только не сможет сдать экзамен, но и вообще будет выглядеть сумасшедшим, помог Андрею скинуть наваждение.

Экзамен он сдал, хоть и не блистал знаниями, но по дороге домой прежнее состояние вновь вернулось и начало разворачиваться дальше. Андрей ощутил, что в его памяти стали всплывать, и тут же гаснуть странные фантазмагии причудливых снов, которые он обычно забывал при пробуждении. Только сейчас он понял, насколько они отличаются от привычных образов и ощущений, и если бы не забвение, то выдержать в реальном дневном сознании память об этих снах было бы совершенно невозможно – просто бы нарушилась связь сознания с внешним миром, и произошла бы полная дезориентация.

Ему словно демонстрировали невообразимый букварь сновидческих ощущений или кодов чувств, каждому из которых соответствовал какой-то внешний предмет или явление.

Он, например, видел знакомый дом, и тут же в его душе возникал отрывок причудливого сна, который каким-то образом трансформировал образ дома в целую гамму непередаваемых на человеческий язык ощущений, словно демонстрируя скрытую суть этого дома, которая к его внешней форме не имеет никакого отношения. И так – любой предмет, любое явление. Самое неприятное, что, на мгновение появившись, промелькнув перед сознанием, эта фантазмагория тут же угасала в памяти, чтобы смениться иной, еще более причудливой.

Несмотря на всю необычность увиденного, Андрей хорошо помнил, что этот же образ во сне воспринимался им совершенно естественно, ничуть не пугал и нес в себе неведомый для него сейчас смысл.

Андрей с удивлением наблюдал, как на экране его ощущений листалась таинственная книга, испещренная некими символами – может быть и важными для какой-то другой ситуации, но не нужными сейчас, поэтому книга листалась быстро, и не было возможности уловить смысл, запечатленный на каждой странице. Но вот нужная страница была найдена, листание остановлено и перед мысленным взором предстал искомый текст. И тогда из глубин памяти Андрея стали всплывать сценка за сценкой отчетливые, реальные, не пугающие, во всей полноте цвета и контрастности события. Это было его сновидение в поезде, где он встретился, и долго беседовал с девочкой, которая сказала, что она его Единственная. Вспомнил все подробности их удивительно реального разговора, как плавал в глубине моря, не нуждаясь в дыхании, как подарил девочке горсть розовых жемчугов и ее ответный дар – медальон из оникса с надписью «Навна».

Это было очень важно, вот, значит, где он видел это имя и вот почему он был так потрясен, прочитав имя Навна на страницах «Розы мира» через пять лет. Да, можно видеть чрезвычайно яркие сны, где все очень реально и чудесно, но как объяснить, что девочка из сна произносила это слово и рассказывала ему о матушке Навне почти как о своей знакомой задолго до того, как он прочитал о ней у Даниила Андреева. Неужели это был не сон, а реальная встреча где-то в ином измерении.

Об астральных выходах мальчик уже знал и очень интересовался этой проблемой. Маркелов, который имел богатый личный опыт в этой области, но уходил от разговоров о себе, как-то сказал, что, возможно, в скором времени Андрей и сам испытает нечто подобное. Теперь же выясняется, что задолго до знакомства с йогой он уже испытывал состояние астрального выхода.

Наваждение ушло, и к Андрею вернулась способность рассуждать.

«Интересно», – подумал он, – «какое значение имел этот медальон?»

Он смутно чувствовал, что события только начинаются, и в его жизни появился пласт иного бытия, фрагмент какой-то параллельной жизни, которая каким-то образом должна переплестись с событиями повседневности, наполнив их ароматом необычного – ведь встретил же он в Трускавце эту девочку! Правда, их знакомство так и не получило развития, а ведь, подружись он с ней тогда и расскажи о своем сновидении, как знать, в каких фантастических мирах он бы сейчас мог путешествовать. Маркелов ведь говорил о пути диады, и о необычайно быстром мистическом развитии двух половинок, когда они находят и узнают друг друга.

Он попытался припомнить, говорила ли ему Анна что-нибудь об их будущей встрече... Нет, кажется, не говорила. Но ведь не может быть, чтобы у этой истории не было продолжения и астральный медальон с надписью «Навна» – всего лишь ничего не значащий фрагмент причудливого сна? Но что он должен предпринять, какие поиски вести? Пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что?

Остается одно: продолжать заниматься хатха-йогой и медитациями и, веря, что в этом мире ничто не случайно, ждать новых мистических эффектов.

Маркелов выслушал отчет Андрея очень серьезно и сказал, что в ближайшее время у него, по-видимому, должны углубиться медитационные процессы, и не исключено, что начнутся астральные выходы. По-видимому, вначале это будут спонтанные процессы, но со временем появится понимание того мира, куда он попадет, а также постепенно он научится работать в астрале. Это достаточно трудная задача. Что же касается Единственной, то тут он ничем помочь не может, это его, Андрея, сугубо личное испытание, и если он достаточно хорошо освоится в астрале, то однажды, возможно, сможет вызвать туда свою Единственную. А может, еще раньше она его к себе позовет – тут можно только гадать. В любом случае – это его путь,

и Высшие силы, очевидно, уготовили ему проработку именно этой ситуации – а значит, будет продолжение.

С того дня образ Анны стал часто возникать перед мысленным взором Андрея. Словно он знал и любил ее всю жизнь, начиная с раннего детства, словно она была тем Несбыточным, которое накатывало в часы одиночества, и наполняло душу сладкой тоской и ощущением безмерной потери. Он снова и снова вспоминал все детали этой встречи-сна, ее недетский поцелуй, странные оживающие картинки, которые она рисовала прутиком на песке, свое отчаяние, когда облик ее начал таять и затягиваться внутрь песчаного замка Вечности.

День ото дня образ Анны все больше оживал в его сознании, она словно бы была где-то здесь, рядом, Андрей ловил себя на том, что обращается к ней, как к живому человеку, рассказывает ей о своих радостях и горестях, и порою (а может, это ему только казалось) получал что-то вроде ответа. Иногда в его сознании опять начинал звучать валдайский колокольчик ее голоса, но что он говорил, было невозможно разобрать, словно звучащую на грани слышимого неуловимость. Несколько раз перед его мысленным взором возникал отчетливый статический, правда, беззвучный портрет – он держался несколько секунд, затем угасал. Однажды Андрею показалось, что изображение зашевелилось и вроде бы даже протянуло к нему руки, но это были кратковременные видения и, кроме внешнего облика девочки, ничего с собой не несли.

В один из вечеров-воспоминаний у Андрея сложилось стихотворение, начальные строчки которого он взял из песни, услышанной на берегу моря Вечности. Назвал он его «Я и Ты».

Помнишь из детства
Света пургу...
Мальчик и девочка
На берегу.
Личико-облачко,
Ручка узка,
Пальчики лепят
Дом из песка.
Еле приметен
Памяти след,
Я тебя знаю
Тысячу лет.
Или не этот
Полуовал
Прутиком вереска
Я рисовал?
Разве не этого
Платьница снег
Как дуновение
Вился во сне?
Разве не этот
Валдайский звонок
Слышал, а утром
Вспомнить не мог.
Лик, проступивший
В теплой золе...
Я тебя знаю
Тысячу лет.

Здравствуй, ну как там
Сны без меня?
Домик построен?
Дюны звенят?

Мальчик придуманный,
Я не спала,
Просто от скуки
Сказку сплела.
В ней жили-были
Он и она
Где-то у моря,
В городе сна.
Каждое утро
Краски зари
Так осязаемы,
Хочешь – бери,
Каждое утро
Мой силуэт
Ввысь уносился
Встретить рассвет.
Чтобы в бушующий
Пламенем час
Видеть небесного
Света экстаз,
Чтоб в окруженье
Горлающих стай
Струны светила
Ласкали уста.
Днем же являлся
Занятный сюжет
Солнечных зайчиков,
Льющих рассвет.
Люди дивились
На этот пейзаж —
В небе – искусный
Зари татуаж.

Ты не парил
Над юдолью земной,
Ты обмывался
Чистой волной
И оставлял
Вдалеке берега,
Чтоб для меня
Нанизать жемчуга.
Как отыскать тебя?
Город не мал:
Я не ныряла —

Ты не летал.
Не о тебе ли
Ветры звенят:
– Мальчик, что плавать
Научит меня.
Не обо мне ли
В детской мольбе:
– Та, что подарит
Крылья тебе.

Так и встречали
Жизни пургу
Мальчик и девочка
На берегу.

Самое интересное, что Андрей почти не вспоминал реальную незнакомку из Трускавца, их короткую встречу в церкви и говорящую икону. Здесь его память была словно бы заблокирована, хотя совпадение внешности трускавецкой соседки и Анны казалось совершенно очевидным, но стоило ему подумать о досадной развязке с туалетом, как в его душе возникала злость и обида непонятно на кого.

На фоне этих лирических воспоминаний, вернувшихся в его жизнь почти из небытия, у Андрея произошли заметные подвижки в медитациях. Он стал гораздо лучше видеть цвет и форму шаров, которые по совету Маркелова мысленно вращал вокруг своего тела, сначала уменьшая их размеры и меняя цвета по радуге, а затем запуская процесс в обратную сторону. В эти минуты он стал ощущать пространство вокруг себя, словно границы самоощущения его тела раздвигались все дальше, и заполнялись вибрациями, шорохами и переливами окружающего пространства. По его позвоночнику прокатывались теплые мягкие волны, и спина распрямлялась, словно кто-то изнутри ее с силой разгибал.

Однажды он словно бы ощутил себя идущим по чудесному саду среди дивных благоуханных цветов, но почему-то, когда он наклонялся к тому или иному цветку, в его сознании мгновенно проносилось какое-то замечательное стихотворение, которое он тут же забывал. Весь сад был наполнен необычными темами и готовыми произведениями – и все это проносилось перед ним без начала и конца так легко и просто, словно готовая стихотворная материя являлась неотъемлемой частью природы, и не нужно ни усилий, ни мучительных подборов рифм – все было готово и рождалось в мгновение ока.

К сожалению, этот сад исчез так же внезапно, как и появился, и от всего необозримого поэтического богатства, на которое он натолкнулся, осталась только строка «я к вам пришел из царства тьмы...» Позднее, уже изрядно потрудившись, ему удалось написать следующее. Стихотворение называлось «Медитация».

Я снова к вам из царства тьмы,
Из пепла грусти в света праздник
Вошел смиренным и немым,
Спасенным от ужасной казни.

Вошел и сел у бледных стоп
Той, чей глагол сплетен из зова
Внимать движению цветов
В беззвучном танце бирюзовом.

Покуда фон менял окрас
В невыразимом вихре темы,
Рисуя трепетную вязь
Едва означенной поэмы,

Покуда возникал тоннель
И раскрывались дверь за дверью
В тишь первозданности, в метель
Падучих звезд, в «могу» и «верю»,

Покуда книжных аксиом
Ломалось гор нагроможденье,
В необъяснимом и простом
Одно лишь значилось – знаменье.

И вещей знаков тайный лик
Являло первооткровенье,
И был то хладен, то слезлив
Мотив слиянья дня и тени.

И мне казалось, что иду
За бликом той, чья власть незрима,
То вдруг огнем ярчайших дум
Черчу небесные перила...

Увидеть надпись, что, омыв,
Не поглощает жизни Лета:
«Я к вам пришел из царства тьмы,
Но я унес частицу света».

Андрей, перечитывая эти, уже совсем не детские строки, словно бы кем-то мудрым продиктованные свыше, понимал, что вплотную подошел к какому-то новому этапу своей жизни и творчества, но что именно должно произойти впереди – об этом его сознание и интуиция молчали.

Еще одно интересное свойство, которое появилось у него в процессе занятий медитациями, – это продолжительные устойчивые картинки-пейзажи. Нельзя сказать, что это было что-то принципиально новое. И раньше, как, по-видимому, у любого человека, перед его мысленным взором в дремотном состоянии возникали мгновенно появляющиеся и тут же исчезающие лица – как правило, совершенно незнакомые и иногда преобразующиеся из одного в другое. Теперь же, когда он входил в трансное состояние, как-то само собой прекращалось навязанное сознанию предписанное упражнение, и перед мысленным взором возникал экран, иногда почему-то покрытый синими цветочками, затем экран раздвигался вширь и вглубь, и на нем начинали возникать самые разнообразные пейзажи, вначале статичные, затем, по мере углубления, они принимали динамический характер. По морю двигались волны, река бежала мимо берегов, дорога катила на него, как под колесами автомобиля, а лес двигался, словно он шел по лесной дороге.

Сначала смутные и черно-белые, они становились все отчетливее, приобретали смутные цвета, иногда, правда, редко, возникало ощущение объема. Порою естественные пейзажи сме-

нялись средневековыми замками, в окружении парков с подстриженными деревьями и газонами, и уж совсем редко он видел то ли инопланетный, то ли вулканический пейзаж с немыслимыми нагромождениями скал на фоне гладкой поверхности то ли застывшей лавы, то ли мутного стекла.

Иногда один из пейзажей созерцался долго, иногда картинки сменяли одна другую, и продолжительность такого созерцания могла составлять десятки минут. По мере углубления в видение Андрей начинал ощущать, что он словно бы входит внутрь картинки, и тогда она уже не воспринималась на фоне мысленного экрана – но он сам будто бы начинал там путешествовать, иногда проходя с разной скоростью по земле, иногда же наблюдая пейзаж с высоты птичьего полета.

Все это уже было по-настоящему интересно, и Андрею не требовалось принуждать себя к занятиям; даже в выполнении скучных ментальных упражнений появилась своя прелесть, глубина, ощущение объема и цвета, а заканчивались они, как правило, продолжительным созерцанием спонтанных картин. И все же ощущение тела никогда не покидало его полностью, хоть порою ослабевало и трансформировалось.

Все эти изменения Маркелов встречал со сдержанным оптимизмом. Однажды он почему-то порекомендовал мальчику позаниматься в ночное время после двух в ванной под душем и посмотреть, что из этого получится.

Вначале никаких особых изменений Андрей не почувствовал, единственное, ложась спать, он стал обнаруживать легкий звон в ушах и несильные мягкие вибрации в низу живота и ногах. Постепенно день ото дня вибрация усиливалась, словно в теле Андрея что-то копилось, это стало доставлять даже некоторое беспокойство.

Однажды мальчик проснулся глухой темной ночью от непонятной тревоги во всем теле, особенно в ногах. Это была не боль, не зуд, а именно беспокойство, или даже ломка, если пользоваться точными определениями наркоманов. Андрей просто не знал, куда девать свои ноги, он сбросил одеяло и то вытягивал их, то поднимал, а то с силой обхватывал руками, но ничего не помогало. Чувство было настолько неприятным, что, несмотря на сильную сонливость, ему никак не удавалось заснуть.

Он попробовал сесть на кровати, скрестив ноги лотосом. Ощущение несколько ослабело за счет мышечного напряжения, но полностью не прошло и возвратилось, как только Андрей снова улегся в постель. Помаявшись так то ли час, то ли два, мальчик почувствовал, что, по-видимому, облегчение должен принести душ, и сонно поплелся в ванную комнату.

И действительно, как только он лег в ванну и пустил душ, тонкие, теплые струйки домашнего дождя быстро успокоили его тело, и Андрей заснул. Правда, спать в ванной было неудобно, ноги не помещались, и Андрей постоянно просыпался, чтобы то вытягивать затычку, то снова ее затыкать, поскольку лежать на дне ванны без воды было неудобно и очень жестко.

Немного придя в себя и обнаружив, что ломка прошла, Андрей, продолжая оставаться в дремотном состоянии, вылез, наконец, из ванны и отправился в комнату продолжать прерванный сон.

Было, по-видимому, часа четыре ночи, судя по предзвездной мути, Андрей улегся на кровать в надежде наконец-то нормально заснуть. К счастью, в школу идти было не надо – уже две недели продолжались каникулы – и столько же оставалось до отъезда в деревню, где Андрей отдыхал последние три года. Едва коснувшись постели, мальчик стал впадать в сонное оцепенение, ноги, слава Богу, не беспокоили, но появилось другое: это состояние, несомненно, узнала бы Аня Ромашова, окажись она на месте Андрея.

Во-первых, во много раз усилился звон в ушах – теперь казалось, что он распространялся на все тело, заполнял его и звучал наплывами, постоянно меняя интенсивность и частоту. В момент этих наплывов у мальчика возникало чувство провала, словно бы внутри его что-то

ёкало. Источник этого звона ощущался уже не вокруг, а в районе живота, ниже пупка и особенно сильно он отдавался в ноги.

По мере нарастания шума появились и другие ощущения. Внутри его тела словно бы стал раскручиваться огромный маховик, несколько раз Андрей совершенно отчетливо почувствовал, что кровать под ним дернулась, будто ее кто-то подталкивал снизу. Через некоторое время комната наполнилась неотчетливыми гулками голосами, словно бы несколько человек наперебой спорили друг с другом в каком-то длинном тоннеле, но слов было совершенно не разобрать и они сливались в непрерывное эхо.

Это было уже довольно страшно. Андрей попытался раскрыть глаза, но безуспешно, не было сил двинуть ни рукой, ни ногой – оставалось только лежать и наблюдать метаморфозы своего восприятия. Итак, маховик внутри раскручивался все сильнее, гул голосов нарастал, Андрею уже казалось, что звон стал белой вибрирующей субстанцией и заполнил его тело. Состояние стало настолько мучительным, что мальчик, все время сохранявший ясное сознание, казалось, был готов даже умереть, только бы прервать эту муку – и в какой-то момент он действительно пережил что-то наподобие смерти. Андрей ясно ощутил, что какая-то его часть, включающая сознание и всю гамму ощущений, отделяется от тела и вываливается куда-то вниз. В следующий момент он почувствовал себя распластанным на полу и скорее ощущал, чем видел, что над ним возвышается диван.

«Что это? – мелькнуло в его голове. – Я что, с кровати свалился?»

Он попробовал пошевелить руками и понял, что его придавливает к полу непонятная тяжесть, и тело стало совершенно иным. Правда, рассмотреть себя не представлялось возможным, поскольку вокруг стояла непроглядная тьма.

Пролежав так неопределенное время и собравшись с силами, Андрей попытался ползти вперед, и это, правда, с большим трудом, ему удалось. Андрей вполне отчетливо ощущал под собой шероховатость ковра, тьма тоже несколько расступилась, и он, словно в глубоких сумерках, увидел прямо перед носом ковер, а когда поднял голову, то впереди на уровне окна маячило большое бледное пятно, и Андрей почувствовал непреодолимое желание во что бы то ни стало доползти до него.

Некоторое время он полз по направлению к мутному пятну, оно медленно приближалось, и вскоре мальчик понял, что это и есть окно, что ему надо подняться на подоконник и выпрыгнуть наружу – и тогда придет желанное облегчение.

Преодолевая невероятную тяжесть, Андрей подтянулся, и влез на подоконник. Прямо перед его лицом висела призрачная занавеска, и тут мальчик сделал то, что еще совсем недавно было бы немисливо сделать. Он как бы просочился через занавеску, чувствуя, что его тело проникает сквозь преграду, затем преодолел оконное стекло, и понял, что медленно, словно невесомый пух опускается вниз.

«Странно, – подумал Андрей, – мы же живем на втором этаже, а я словно бы с пятого прыгнул».

Прямо под домом находился палисадник с серыми чахлыми кустами, и весь окружающий ландшафт был на удивление знакомым: и асфальтовая площадка сразу же за палисадником, и большой пустырь, и виднеющаяся впереди роща, и какие-то низкие строения, наподобие гаражей, справа от рощи, и уже более высокие здания, виднеющиеся за рощей и слева от нее, и ведущие к роще и гаражам асфальтовые дорожки и невысокие холмы на пустыре. Все это Андрей уже видел и хорошо помнил, где именно: он был здесь во время второго видения в поезде, и уже однажды шел через этот пустырь, и путешествовал по пустынному мрачному городу. Именно здесь он очутился в лабиринте-котельной, и именно здесь он видел рыцарский зал-трапезную, круглый стол с монахами вокруг и человека в черном капюшоне. Это было именно то черное небо без светила, и то непреодолимое желание идти вперед без какой-то видимой цели.

Андрей приземлился на чахлую траву. Теперь в теле ощущалась легкость, оно было хорошо управляемо, видимо и материально – и все же что-то в нем было не так – и этот эффект хорошо бы узнала Аня, уже прошедшая через разные фазы астрального путешествия. Он был одет в незнакомый желтый комбинезон, и его смутил вид собственных рук: они были словно бы выполнены из слегка опалесцирующей пасты-замазки и при пристальном взгляде постоянно меняли свою форму. Вначале пальцев было пять, а через некоторое время они стали укорачиваться, сливаться в общую массу и вскоре их оставалось только два. Так же то вытягивалась, то сгибалась в совершенно неестественных местах и вся рука, на которую Андрей пристально глядел с легким удивлением. Но страха не было, и он воспринимал свое новое состояние, как вполне естественное.

Итак, нужно было что-то делать, и мальчик решил по возможности исследовать тот мрачноватый мир, в который он попадал уже второй раз. Выбрав направление в сторону гаражей, Андрей бодрым шагом пошел по асфальтовой дорожке, удовлетворенно отмечая легкость и послушность своего нового тела, еще хорошо помня недавнюю беспомощную распластанность.

Видимость была неплохая, но все окружающее носило печать предвечерья, словно солнце зашло и начал спускаться сумрак, но в этом сумраке предметы приобрели какую-то особую контрастность.

Как только Андрей двинулся по направлению к гаражам, он услышал гулкие голоса диалогов то впереди, то сзади, то сбоку и вспомнил, что нечто подобное уже было пять лет назад. Поэтому, когда с ним поравнялись два увлеченно беседующих человека, он, памятуя то, что на этом отрезке пути его как бы никто не видит, не попытался вступить в разговор и не стал обращать внимание на снующих взад-вперед людей.

Вскоре показались невысокие безлистые кусты, которые сопровождали асфальтовую дорогу, и тут из них неожиданно выскочила большая черная собака. Она застыла прямо перед Андреем и почему-то вызвала смутение и бегство двух прохожих, которые только что обогнали мальчика, по обыкновению не обращая на него никакого внимания.

Андрей, не успев остановиться, да и не испытывая страха к не подающему признаков агрессии животному, по инерции сделал пару шагов вперед и не налетел, а именно влетел внутрь пса. Сначала он в полном недоумении продвинулся до середины его тела, оказавшись внутри собаки по пояс, и тут пес резко бросился с дороги через пустырь. В это мгновение Андрей словно бы потерял равновесие и свалился во весь рост внутрь тела собаки. Его окружила полная темнота, он понял, что находится внутри чужого, враждебного существа, и совершенно непонятно, какова цель этой собаки и что будет дальше.

Довольно изрядно напугавшись, хотя ни боли, ни удушья он не испытывал, Андрей начал произносить слова мантры Шри Ауробиндо, которые он недавно выучил, и которая, якобы, давала защиту от темных сил: «Ом намо Бхагаватех Нараяна».

При первых же звуках мантры зверь забеспокоился, затем остановился и начал производить разнообразные телодвижения. Мальчик понял, что это ему не по нраву, и с еще большим энтузиазмом продолжил твердить слова мантры. Еще через мгновение окружающая темнота лопнула, и Андрей оказался посреди пустыря, а вокруг него валялись черные ошметки.

«Ну, дела, – взволнованно подумал Андрей. – Интересно, если бы он не лопнул, что бы со мной дальше произошло? Переварил бы меня что ли?»

Почему-то мысль о возможности быть переваренным не только не испугала, но даже показалась ему занятой.

«Странный мир, – подумал Андрей. – Теперь уже ясно, что это астрал, и что я уже в этом месте был пять лет назад. Как-то мне тонкий план по-другому представлялся».

Он отметил, что сознание его совершенно ясное, анализирующее, но несколько изменилась реакция на окружающее, поскольку вряд ли в обычном мире он так бы спокойно отнесся к тому, что его «поглотила» какая-то собака.

Андрей решил вернуться к прерванному маршруту и направился к асфальтовой дорожке, от которой пес не успел отбежать особенно далеко, но не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал позади себя шевеление. Он обернулся: ошметки, оставшиеся от лопнувшей собаки, быстро соединялись. Не прошло и нескольких секунд, как заново собравшийся пес уже стоял в нескольких шагах от мальчика и без особой угрозы, но с любопытством смотрел на него. Андрей тоже застыл, ему было совершенно непонятно, что делать: то ли драться с собакой, то ли убегать, он не знал законов взаимодействия с существами этого мира, тем более, первое столкновение с таким существом сразу же опровергло все известные законы физики.

Их взаимная нерешительность была нарушена неизвестно откуда взявшимся человеком в военной форме. Он подошел к собаке, накинуд ей на шею что-то вроде свободного ошейника и со словами: «Извините, это – моя собака, не доглядел» – повел пса в сторону ближайшего леса.

Тут только Андрей сообразил, что это первые осмысленные действия и слова, которые он услышал в новом мире, и крикнул вслед военному, удивляясь громкости своего голоса:

– Эй, скажите, что это за место такое, что за город и кто вы такой?

Честно говоря, он и не ожидал получить ответа, поскольку привык к тому, что его никто здесь не замечает. Но неожиданно ответ последовал, правда, военный даже не обернулся.

– Это город Наров. Сюда на временное поселение прибывают умершие, но кроме них, здесь много и других местных жителей. Я – из астральной полиции. Ходите, изучайте, если возникнут проблемы – поможем. Приятного астрального путешествия!

С этими словами военный скрылся за ближайшими деревьями.

«Ничего себе, попал, – подумал Андрей, – город мертвых! Как же я теперь отсюда выберусь? Может, я тоже умер?»

Как бы то ни было, нужно было что-то делать, куда-то идти, мальчик выбрался на асфальтовую дорожку и снова двинулся в сторону странных гаражей. На этот раз он добрался до них без приключений.

Это были обветшалые, покрытые ржавой жестью сараи, расположенные с двух сторон вдоль дороги, на заднем плане виднелись невысокие деревца, впереди – многоэтажные жилые постройки, типа хрущевок. Тут же вспомнилась котельная и жуткий лабиринт, из которого он никак не мог выбраться.

«Теперь надо быть поосторожнее и не заходить во всякие подозрительные дома», – подумал Андрей. Тем не менее, гаражи почему-то привлекли его внимание, и ему захотелось посмотреть, что там внутри.

«Открою дверь, посмотрю, – решил мальчик, – а внутрь заходить не буду».

Он подошел к ближайшему гаражу, приоткрыл дверь и заглянул в маленькое помещение. Это была темная каморка, заваленная всяким хламом. Кругом в полном беспорядке валялись старые сломанные чайники, кастрюли, сковородки, древние приемники, какая-то ржавая водопроводная арматура и кучи промасленной ветоши. Посередине на вертящемся стуле у грязного стола сидел пожилой мужчина с серым лицом и сосредоточенно оттирал наждаком копыт с мятого, дырявого чайника. Он взглянул на Андрея безо всякого интереса и вновь погрузился в свое бессмысленное занятие. Некоторое время мальчик наблюдал за его тупой работой, затем спросил:

– Что это вы здесь делаете?

– Не видишь? Работаю, – последовал ответ. Голос был такой же глухой и безликий, как и его обладатель. – Вот весь этот хлам отчистить надо за сегодня, завтра еще принесут.

– А зачем вам это надо? – задал провокационный вопрос Андрей. – Этот же хлам никому не нужен, что отчищай его, что ни отчищай.

– Как зачем? – удивленно спросил мужчина, и тут же в его голосе послышалось недоумение. – А я и не знаю, зачем. Нас сюда привели какие-то военные то ли год, то ли два назад, привели в эти сараи, сказали, нужно эти вещи в порядок привести, зачем, почему, не объяснили. Вот и сижу здесь, чайники отдраиваю, никуда не хожу. Послушай, – в голосе мужчины появились какие-то оживленные нотки, – а ты бы меня не мог хоть ненадолго заменить? Тебе, я смотрю, все равно делать нечего, а я пока схожу... схожу... а, правда, куда я схожу? Ну, все равно, я куда-нибудь схожу, ты здесь меня заменишь, а я скоро вернусь.

Предложение было шито белыми нитками. Андрей понял, что если он заменит этого человека, то тот, естественно, не вернется, Андрею же придется здесь остаться на неопределенное время, поэтому он, не дожидаясь новых уговоров, захлопнул дверь гаража и двинулся дальше по асфальтовой дорожке.

«Интересно, – подумал он, – это что, один из умерших, у него что, посмертное наказание такое? Почему он не может, если так этого хочет, сам выйти из сарая и погулять, для чего нужно было, чтобы я его заменил? Чем дальше, тем больше загадок».

С этими мыслями мальчик двинулся дальше. По пути он заглянул еще в несколько гаражей, везде наблюдая аналогичную картину. Обитатели этих коморок мало чем отличались друг от друга: такие же серые, безликие мужчины и женщины, занятые той же бессмысленной работой – и каждый пытался уговорить Андрея подменить его на время.

Вскоре гаражи закончились, и мальчик вышел к кварталу однородных пятиэтажных хрущевок. Время тянулось медленно. Совершенно не зная, чем заняться, и не ведая, сколько это будет продолжаться, Андрей побродил по пустынным дворам, не встречая ни одной живой души, затем вышел в архитектурно более интересную часть города. Здесь уже отмечалось какое-то разнообразие, этот квартал пересекала неширокая река с тусклой свинцовой водой, закованная в гранитную набережную, и дома больше напоминали своей архитектурой строения тридцатых-сороковых годов с невысокими, украшенными колоннами особняками и массивными серыми зданиями каких-то официальных учреждений. Как и в квартале хрущевок, здесь царил абсолютное безлюдье, отсутствие какого-то транспорта и полная тишина.

«Интересно, – подумал Андрей, – должен же здесь кто-то жить, ведь для кого-то эти дома стоят!»

Он совсем уж было собрался зайти в какой-нибудь из подъездов, забыв, к чему может привести такое посещение, как вдруг в проеме арки, соединявшей два дома, мелькнуло хорошо знакомое белое платье. Андрей обомлел и с криком: «Аня, подожди», ринулся в проход. И напрасно: как только он оказался под каменным сводом, то понял, что снова угодил в ловушку. Арка между двумя параллельными улицами оказалась темным тоннелем, уходящим куда-то в бесконечность. Андрей в растерянности обернулся, надеясь выскочить обратно, но было поздно: сзади обнаружился тот же тоннель, без какого-то намека на выход. Мальчика окружали темные стены, темный свод, и было странно, что, несмотря на полное отсутствие света, он еще что-то может видеть.

Андрей бросился вперед, но минуты складывались в часы, а картина вокруг ничуть не менялась: тот же бесконечный тоннель с серыми стенами и невысоким потолком, а также ощущение густой среды вместо воздуха, через которую было все труднее двигаться. Казалось, еще немного, и он застрянет здесь навсегда, ну, а если бы даже он мог передвигаться свободно: будет ли когда-нибудь отсюда выход? Сколько продолжалось это безнадежное продвижение вперед, Андрей не помнил, время словно бы изменило свой ход и в его ощущениях не осталось ничего, кроме отчаяния и чувства продиранья сквозь вязкую среду.

Неожиданно, когда, казалось бы, ничего не предвещало перемен, в его сознании словно бы щелкнул чуть-чуть насмешливый голос: «Ну ладно, хватит с тебя». В этот момент

мальчик почувствовал, что вязкая среда отпускает его и, самое главное, откуда-то пришла догадка, что он совершенно неправильно действует: бесполезно идти по этому бесконечному тоннелю – выхода все равно не будет, надо взлететь и просочиться через камни. И действительно, стоило ему напрячься, как ноги тут же оторвались от каменного пола и он, правда, не без труда, начал просачиваться вверх через каменный свод. Какое-то время он, ничего не видя, продирался через эту твердую, но ставшую вполне проницаемой среду, затем понял, что слой камня кончился, и он летит, а вернее, падает в полной тьме куда-то вверх, без каких-либо ориентиров. Почему именно вверх? Этого бы Андрей объяснить не смог, поскольку ни земли, ни неба не существовало, и тела своего он не видел. Полет без ориентиров продолжался достаточно долго, затем что-то стало меняться.

Сначала Андрей ощутил, что над ним уже не непроницаемая темень, а что-то вроде сгустков и разрежений, напоминающих темные облака на темном небе, еще через некоторое время появились звезды – вернее, россыпь светящихся точек, потому что ни одного знакомого созвездия Андрей не обнаружил. Звезды были рассыпаны неравномерно, кроме звезд в некоторых участках неба виднелись туманности.

«Господи, сколько же времени я так лететь буду! – Подумалось Андрею. – Хоть бы знать, куда я лечу, хоть бы иметь уверенность, что это когда-нибудь закончится!»

Чтобы хоть что-то предпринять, он попытался вытянуть руки вверх, и рассмотреть их. Это ему удалось достаточно легко – руки были прозрачными, слегка опалесцирующими.

«Интересно, я весь такой прозрачный?» – подумал Андрей, и, как ни странно, почувствовал, что может менять направление полета.

– Господи, помоги мне! – взмолился мальчик, вытягивая руки и внутренним усилием посылая себя в направлении звезд. Тут же его горизонтальный полет сменился резкими взмывами вверх и такими же резкими спусками, как только силы его иссякали.

С каждым взмывом звезды становились все ближе. Вскоре Андрей очутился среди одной из россыпей и понял, что это не звезды, а разноцветные флуоресцирующие шарики, плавающие среди равномерно распыленной взвеси тумана.

Вот он снова ухнул вниз, снова взвился: россыпь звезд осталась внизу, а над ним в виде огромного шара плавала планета, напоминавшая фотографию Земли из космоса. Еще миг, и Андрей ощутил, что этот шар его притягивает, и с головокружительной быстротой полетел прямо на него, дивясь, как быстро он увеличивается в размерах. Вскоре планета уже закрывала большую часть обзора.

«Разобьюсь или нет?» – мелькнула в голове Андрея абсурдная мысль, и уже в следующее мгновение он прошел насквозь неизвестно откуда появившуюся перед ним крышу, несколько этажей сверху вниз, и тут его падение резко замедлилось. Андрей завис над знакомой кроватью, где, скрытое одеялом, лежало какое-то тело.

«Кто это?» – Только и успел подумать мальчик, прежде чем опустился на постель, а затем, словно проделывал это множество раз, вложился в лежащее под одеялом тело, очнувшись уже обычным Андреем Даниловым на своей постели.

Долгое время мальчик сидел на кровати, не соображая, где он, кто он, но, прекрасно помня все, что с ним только что произошло в астрале. Вечером, сославшись на срочность разговора, он уже сидел в уютной квартире Маркелова, и захлеб рассказывал о событиях этой ночи.

Теперь он словно бы забыл о страхе и томлении, которые пережил, рассказывать обо всем этом было уже совсем не страшно, хотя еще совсем недавно он бы все на свете отдал, только бы вернуться в знакомый уютный мир, и никогда больше не возвращаться под это темное небо без солнца.

– Ну что ж, началось, – задумчиво проговорил Маркелов, – когда-то это должно было произойти, хотя, честно говоря, я не рассчитывал, что все произойдет так скоро. Я уже говорил,

что твоя душа начала развиваться подспудно, задолго до твоего увлечения йогой, которая дала лишь незначительный толчок, и, скорее всего, это произошло бы независимо от твоих занятий и внешней жизни. Когда-то нечто подобное произошло и со мной, хотя мой мистический опыт отличается от твоего. К сожалению, я не могу, не имею права раскрывать свою метаисторию. Я не знаю твоего пути и твоего назначения, я не твой учитель. Мой рассказ и моя модель мира может исказить ход твоего раскрытия, поскольку в противном случае твое сознание будет цепляться за готовую модель и это внесет ряд ненужных помех – негоже тюльпану объяснять розе, как нужно раскрывать свои лепестки.

И все же, на некоторые вопросы я попытаюсь ответить. Как ты, наверное, понял, это был не сон, а самый настоящий астральный выход (кстати, термин «Астральный», буквально, «Звездный» – возник именно из-за типичной картины неба в этом мире: россыпь звезд, которые на самом деле являются некими сгустками энергии). Небо там – это перемычка между мирами разной плотности, и, пройдя через него, можно перейти в иной мир, но для этого необходим большой запас личной силы или энергии. То, что тебе удалось через него пробиться – результат созерцания собственных рук и чьей-то помощи. Перемычек таких – множество. Через одни пройти легче, через другие – труднее, все зависит от качества накопленной энергии и степени пробужденности души. В данном случае ты прошел между средним астралом и физическим миром, поэтому, пробившись через россыпь звезд, ты оказался в физическом космосе, и увидел нашу матушку-Землю такой, какой наблюдали ее американские астронавты с Луны.

– Иван Саных, что ж получается, этот астральный мир где-то на Луне расположен, – удивленно спросил Андрей, – тогда каким же образом я очутился там сразу, как только просочился через окно?

– Понятие физических расстояний неприемлемо для характеристики взаимодействий разнотелных миров, – назидательно изрек Маркелов наукоемкую фразу. – Физический мир и разнообразные астральные миры находятся в самостоятельных пространственных координатах – это различные измерения с различными физическими законами скорости и проницаемости, а все это вместе расположено в особом духовном пространстве, или сознании Духа, обладающем бесчисленным количеством измерений или координат. Поэтому говорить, что астральный мир, где ты побывал, находится на Луне – неправомерно: Луна и Земля находятся в своем пространстве, астрал – в своем. То, что ты вынырнул в физический космос приблизительно на том расстоянии от Земли, где находится Луна, обусловлено множеством факторов – и твоей личной силой, и тем, сколько ты прошел по тоннелю или пролетел под астральным небом. Ты мог и сразу очутиться в своей комнате и войти в тело, а мог и просто словно проснуться, оказавшись в теле мгновенно – процесс перехода – это не преодоление расстояния. Кстати, у Луны есть свой астральный мир, он определенным образом переплетен с земным, и при должной духовной продвинутой можно попасть и туда.

И еще, чтобы закончить тему перехода. Сон – это тоже астральное путешествие, но во сне сознание находится в более примитивном состоянии и большую часть времени пребывает среди фантомов, которые само же и создает из астральной материи. Между прочим, в дальнейших астральных путешествиях, которые тебе, несомненно, предстоят, ты должен будешь научиться различать фантомы, которые трансформирует твое собственное сознание, от объективной астральной реальности. Первые – неустойчивы, и как только на них зафиксируешь взгляд (это один из способов набора энергии в астрале), они тут же начинают менять форму, либо вовсе исчезают. От них совершенно безопасно подпитываться – в этом случае ты ни у кого ничего не отнимаешь, а берешь свое. Эта энергия крайне необходима для преодоления различных астральных препятствий.

Объективная астральная реальность гораздо более устойчива, и если ты будешь пристально рассматривать душу умершего человека – ни лицо, ни тело его не будут меняться.

У такого объекта взять энергию гораздо сложнее и это астральный вампиризм. Кстати, местных вампиров там видимо-невидимо.

И еще: пусть тебя не удивляет, если при астральном путешествии ты встретишь кого-то из ныне здравствующих знакомых или своих родителей. Они наверняка будут менять свой облик при пристальном взгляде, а значит, это фантомы, которые производит твое собственное сознание, поскольку их мыслеобразы постоянно там обитают.

К сожалению, в астрале далеко не всегда удастся пристально фиксировать взгляд, поэтому вначале происходит несусветная путаница.

– А почему у меня руки меняли форму, и пальцы сливались? – спросил Андрей.

– А это связано с тем, что ты видишь свое астральное тело, частично проецированное сознанием, а поскольку твое сознание пока не устойчивое и нетренированное, то и тело не имеет устойчивой формы, – ответил актер.

– Иван Саныч, а что это за люди в гаражах сидели и разный хлам отчищали? – снова задал вопрос Андрей.

– Я думаю, ты столкнулся с реальными душами умерших, которые временно пребывают в этом астральном слое, – ответил Маркелов. – Скорее всего, при жизни они были темными забитыми людьми, привыкшими выполнять какую-то нудную механическую работу. После смерти закон кармы неминуемо приводит их к тем условиям существования, к которым они привыкли при жизни. Это как бы развязывает кармический узел ситуации, который они завязали, находясь в физическом теле. Большинство из них даже не понимают, что умерли, их разум находится в глубоких сумерках. Когда-нибудь, в результате проработки кармических узлов, он начнет постепенно проясняться, и тогда этого человека ожидает переселение в иной слой, и этот слой будет значительно отличаться от той урбанистической картины, которую ты наблюдал. Переход должен быть постепенным – это, как подъем водолаза из глубины – чем глубже он находится, тем медленнее должен подниматься вверх, иначе кровь его закипит от выделяющихся пузырьков азота. Но тут разных людей ожидает разная участь. Одни, не совершившие особых злодеяний, не причинившие явного вреда окружающим, будут просветляться через подъем по восходящим рядам астрала: душа облегчается и всплывает – это сходно с избавлением от балласта: чем больше его сброшено, тем выше воздушный шар поднимается. Других же, достаточно нагрешивших в этой жизни, ожидает спуск в низшие миры, где происходит очищение страданием.

Да все это достаточно подробно у Даниила Андреева можешь прочитать, и я не буду описывать тебе всякие Агры, Буствичи, Пропулки и Суфэтхи. Мне кажется, принцип последовательных восхождений-нисхождений души описан им совершенно верно. Другое дело, что нюансы у каждого могут быть свои, поэтому любой мистический опыт уникален и неповторим.

– Иван Саныч, а почему этот мужчина из гаража сказал, что его и кого-то там еще привезли в это место военные и велели работать. Я считал, что для подобной задачи больше подходят черти.

– А это, Андрюша, связано с условиями существования и воспитания данной группы людей при жизни. Если бы это были верующие грешники, с детства привыкшие к библейскому описанию мира, то их в посмертный мир несомненно бы привели классические черти с рогами, свиным рылом, копытами и хвостом. Эти сущности не имеют устойчивой формы и приходят к умирающему в том облике, который этот умирающий больше всего ожидает, и доставляют в тот астральный мир, к которому готово его сознание. В конкретном случае – во вполне типичный советский город.

Люди, с которыми ты имел контакт в астрале, по-видимому, были при жизни малообразованными советскими атеистами, воспитанными в сталинскую эпоху, поэтому для них представителем высшей власти является человек в военной форме. Рабская психология этих людей настроена на то, что военные имеют право вершить их судьбы и распоряжаться жизнью и дея-

тельностью. Именно в таком виде к ним и явились существа из «первичного распределителя». Каждый астральный слой имеет свою администрацию. Одного из них ты видел, он назвался астральным полицейским. Они действительно поддерживают что-то вроде порядка во вверенном им слое, хотя, конечно, их роль гораздо меньшая, чем роль подобных служб в физическом мире. Порядок существования в астрале гораздо больше зависит от деятельности могущественных невидимых сил.

– А что это за собака такая была? – Снова спросил Андрей.

– Ну, здесь я могу только предполагать, – задумчиво ответил актер. – Скорее всего, к душе земной собаки она не имеет никакого отношения. Может быть, судя по тому, что ты оказался внутри нее, это что-то вроде переносчика душ из одного слоя в другой. Может – что-то вроде специфического существа для наказания провинившихся или поддержания порядка. Скорее всего – это какой-то энергетический вампир, и ты прошел испытание на прочность.

– Иван Саныч, – все никак не мог закончить эту тему Андрей, – а почему я оказался именно в этом астральном слое. Как я понимаю, это скорее Ад, чем Рай. Я что, так сильно грешен, я что, в Ад попаду?

– Возможно, ты потому и попал в этот слой, – снисходительно улыбнулся Маркелов, – между нижним и средним астралом, чтобы после смерти не тратить времени на проработку негативной кармы. Я думаю, ты попадешь туда или куда-то рядом еще много раз и досконально изучишь и это место, и свои состояния. Может, на тебя даже будет возложена какая-то миссия, это снимает необходимость посмертной проработки и открывает доступ к восходящим путям просветления. Кроме того, ты, хоть и не типичный, но все же продукт своей страны и своего времени, поэтому этот город Наров, как ты сказал, по принципу резонанса ближе всего к твоей индивидуальной частотности и для того, чтобы постепенно изжить это сродство, ты и попал именно туда. Еще есть вопросы?

– А я, что, теперь обречен всегда туда попадать? – слегка огорченно спросил Андрей.

– Всегда, не всегда, но, очевидно, достаточно долго. Узелки кармы развязываются не быстро. Я думаю, астральные выходы теперь будут происходить регулярно – перемижку между тем и этим миром ты прорвал. Может, раз в две недели, а может, подряд несколько дней с последующим большим перерывом. Ты будешь произвольно либо специально копить энергию, и в какой-то момент произойдет выход. По принципу конденсатора: накопление – выброс, накопление – выброс. Не огорчайся, этот слой имеет достаточно широкие границы – там есть и радостные, и достаточно тягостные места, так что впереди возможно разнообразие и даже счастливые моменты. Многое зависит от тебя, от того, какого качества энергию сможешь накопить.

Постарайся не быть там пассивным, наблюдай, анализируй, учись подпитываться без причинения ущерба живым душам. Учись фиксировать пристальный взгляд на предметах и своем теле. Попробуй вступать в контакт с тамошними обитателями, но будь осторожным, как ты убедился, там много ловушек.

Я думаю, что ничего фатального, вроде невозможности вернуться или безумия, не произойдет, но напугаться там возможно. Главное, ты должен стать там, как можно более осознанным и обрести способность управлять своими поступками, чтобы не быть автоматом, как во сне. Рассказывай мне обо всех происшествиих, в любое свободное время я буду рад тебя видеть и чем смогу, помогу. Когда-нибудь, и, возможно, очень не скоро ты сможешь перейти в новый, более светлый мир.

На этом разговор закончился, и Андрей отправился домой.

Около двух недель, несмотря на активные ночные медитации, ничего необычного не происходило, только еще какое-то время Андрей ощущал звон в ушах. Мальчик совсем уж было решил, что в ближайшее время астральный выход не повторится, но он ошибся, и за два дня до отъезда в деревню произошло следующее.

В тот день Андрей до вечера бродил по своим любимым маршрутам вдоль набережных и вернулся домой голодный с гудящими от усталости ногами. Помедитировав на ночь под душем, он заснул там, в сидячем положении и, пробудившись глухой ночью, сонным поплелся в свою комнату. В постели он понял, что спать сегодня обычным сном ему не придется. (Несмотря на то, что днем он мечтал о новых астральных приключениях, лишь только приближалась ночь, на него наваливался страх, что снова может произойти астральный выход, как предупреждал Маркелов, поскольку ощущения, его сопровождавшие, были не из приятных).

Итак, как только голова Андрея коснулась подушки, он услышал знакомый звон в ушах и ёканья, сопровождаемые провалами. Дальше все разворачивалось так же, как в первом опыте, с той лишь разницей, что на этот раз все фазы проходили быстрее и не были столь тягостными, поэтому, когда он обнаружил себя распростертым на ковре перед кроватью, то был к этому готов и особого страха не испытал. Мальчик попробовал подвигать своими астральными конечностями – это получилось гораздо лучше, чем раньше, и после нескольких попыток Андрею удалось встать на ноги.

Уже зная по опыту, что сейчас ему предстоит выбраться наружу, Андрей решил, по возможности, изучить свою комнату, так как что-то здесь было не так. Несмотря на полную темноту, обстановку комнаты все же можно было разглядеть, но видимость была не такая, как при взгляде обычным зрением. Словно бы он разглядывал объекты через прибор ночного видения, причем отчетливо разобрать можно было только то, к чему Андрей приближал лицо, остальное же воспринималось, словно таящиеся во мраке глыбы. Так, когда он наклонился к одеялу, то увидел отчетливо и фактуру ткани, и складки, словно в увеличительное стекло при слабом освещении – остальная же часть кровати терялась во мраке, и разглядеть свое оставленное тело ему не удалось. Несмотря на то, что зрение функционировало слабо, он отметил какое-то новое чувство, что-то вроде осязания на расстоянии, и проявлялось оно, как давление на тело, задолго до прикосновения к предмету.

На этот раз он не обнаружил окна, которое должно было находиться напротив кровати в другом конце комнаты. Это его сильно встревожило, поскольку единственное, что он в данный момент хотел – это выбраться поскорее из комнаты во внешний мир – неважно, каким он будет, и избавиться от гнетущего чувства тяжести, правда, не столь сильного, как в первый раз.

Андрей побрел в сторону противоположной стены, где по идее должно было быть окно, по пути отмечая, что вся мебель в его комнате находится не там, где она была до выхода, но разглядеть в деталях, та ли это мебель или какая другая, ему никак не удавалось. Неожиданно, когда он должен был подойти к противоположной стене (весь этот процесс происходил чрезвычайно медленно, и если в обычном состоянии ему потребовалась бы пара секунд, чтобы пересечь комнату, то сейчас на это ушло не менее десяти минут, хотя ощущения, что комната увеличилась в размерах у него не возникало), у Андрея улучшилось зрение, а может быть просто усилилось какое-то локальное освещение (комната по-прежнему была во мраке), и тут мальчик увидел, что почти уперся в фигуру огромного человека, ростом не менее двух с половиной метров, такого же массивного, как и высокого, который стоял напротив двери и загадочно улыбался. Кроме роста и массивности, этот человек не имел ничего особо примечательного: короткая стрижка, маловыразительное не запоминающееся лицо, цвет одежды трудно определить из-за сумрака. Нельзя сказать, что Андрей испытал ужас, хотя чувство какого-то измененного страха, который скорее воспринимался как тоска, он, несомненно, ощутил.

Человек стоял неподвижно и, улыбаясь, смотрел на Андрея. Андрей, застыв в полуметре от него, также стоял, не двигаясь, не зная, что предпринять. Затем, словно припомнив, что в таких случаях нужно делать, стал накладывать на детину мысленный крест, который ярко высветился в его сознании, но человек не пропал, не испугался, а продолжал безмолвно смотреть на нашего героя, спокойно улыбаясь. Неизвестно, сколько продолжалась эта игра в гляделки, время словно утратило свою протяженность, но первым нарушил статус кво детина.

Словно бы в чем-то удостоверившись, он отошел в сторону, открыл дверь, напротив которой стоял, и жестом пригласил Андрея войти, что он тут же и сделал.

Мальчик оказался в новой комнате, которая по ощущениям (она так же была скрыта мраком) напоминала комнату его мамы, хотя и здесь вся мебель находилась не в тех местах, где стояла в обычном мире. Но главное, что его привлекло и виделось совершенно отчетливо – это их фамильная гордость – большое зеркало XVIII века в палисандровом багете работы знаменитого французского мебельного мастера Буля. Поверхность зеркала слегка опалесцировала и, к удивлению Андрея, не отражала ни его самого, ни окружающих предметов, но по его поверхности расходились концентрические круги. Подчиняясь какому-то неясному зову, мальчик шагнул к зеркалу, и вошел в него, словно поверхность стекла была жидкой, но непонятным образом удерживалась в вертикальном положении. В следующее мгновение он уже пожалел о своем поступке, поскольку почувствовал, что падает в полной тьме куда-то вниз, к центру земли.

Падение сопровождалось жуткой тоской и безмолвием, и если в комнатах еще можно было что-то разглядеть, то тут стояла непроницаемая тьма и полное отсутствие ощущений тела, словно вниз проваливалось его бесформенное сознание и невозможно было сказать, продолжалось ли это минуты, часы или вечность. В какой-то момент Андрей понял, что падение замедляется, а затем его ощущение «Я», без мыслей, анализа, а только с бесконечным чувством тоски, словно бы растеклось по немыслимой двухмерной плоскости и застыло в ощущении какой-то невыразимой безначальной статики. Не было ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего, состояние настоящего чудовищно деформировалось, и этому состоянию Андрей не смог бы подобрать ни подходящих слов, ни каких-то аналогий, словно бы, сохраняя вполне отчетливое самосознание, он нырнул в беспространственное безвременье одиночества, и застыл там, раздавленный и распластаный. Надо ли говорить, что Андрей (вернее, то, что от него осталось) не смог бы сказать – долго ли он находился в этом состоянии, поскольку земное ощущение времени здесь совершенно отсутствовало, тем не менее, и эта безначальная вечность закончилась, и словно бы какие-то невидимые тиски ослабили свою хватку. Ощущение бесконечной плоскости сколлапсировало, и вот уже появился верх, низ, снова возникло чувство рук, ног, затем он понял, что находится на самом дне вертикального тоннеля. Вскоре Андрей разглядел скобки-ступеньки, поднимающиеся вверх по стене и пропадающие где-то в необозримой вышине.

Мальчик тут же начал взбираться вверх, испытывая чуть ли не радость от каких-то осознанных действий и от возможности хоть куда-то произвольно двигаться. Несмотря на то, что тоннель, казалось, уходит в невообразимую вышину, выбрался оттуда он довольно быстро и, если бы аналогии земного мира были здесь уместны, зажмурился от яркого солнечного света. В действительности, конечно, он не зажмурился, поскольку и солнца-то здесь никакого не существовало, тем не менее, контраст перехода был очень велик.

Выбравшись из низкой, но массивной бетонной постройки, напоминавшей бомбоубежище, которая венчала собой конец вертикального тоннеля, Андрей очутился на берегу небольшого ручейка, протекавшего через недавно скошенный зеленый луг. Никаких построек, кроме бункера, не было, то тут, то там виднелись участки зеленого невысокого кустарника, противоположная сторона ручья сплошь поросла невысокими лиственными деревьями без каких-то видимых прогалин. Несмотря на то, что солнца не существовало, окружающий мир казался достаточно ярким, и впервые за время своего астрального путешествия сердце мальчика наполнилось каким-то светлым покоем.

«Наконец-то, – подумал Андрей. – Деревья, ручеек, травка, только вот птицы не поют, а жалко. Интересно, что я должен сейчас делать? Цветочки собирать? Людей разыскивать? Дома-то моего здесь все равно нет, значит, и домой идти некуда».

Поскольку единственная тропинка тянулась вдоль ручейка, он двинулся по ней, любуясь окружающей природой. Где-то в отдалении на высоком пригорке со скошенным боком вид-

нелся высокий хвойный лес, поле так же заканчивалось еще более отдаленным участком леса, кругом были разбросаны шапки невысокого кустарника – типичная картина средней полосы России, когда сердце сжимается от простора и уводящей в незнакомую даль дороги.

Андрей двинулся вдоль ручья, радуясь легкости и яркости красок окружающего, и вскоре увидел, что тропинка ведет к узенькому мостику, прибрежные заросли расступаются, и тропинка устремляется через прогалину на пригорок. Почему-то, как только Андрей перебрался через ручеек и поднялся на пригорок, характер освещения несколько изменился, стало темнее, и мальчик утратил возможность видеть дальние предметы. Перед ним оказалось что-то вроде луга, залитого водой не глубже, чем по щиколотку. Среди воды стояло несколько старых почти черных покосившихся изб, вполне отчетливо выступающих из неглубокого сумрака. Что было за избами, Андрей почему-то никак не мог разглядеть, но не из-за темноты, а из-за непонятной аберрации зрения. Здесь тропинка заканчивалась, словно бы вначале вела к этим избам, но потом ее залило водой. Поскольку вода была неглубокой и нехолодной, Андрей, не задумываясь, пошел вброд к одной из изб, отмечая, что совершенно не ощущает прикосновения воды к ногам: ни осязательных, ни температурных ощущений не существовало, хотя глазами он видел, что ноги погружены чуть выше щиколотки и чувство это казалось довольно приятным. Вскоре он уже стоял у покосившейся двери, раздумывая, стоит ли входить в избу, и не таит ли она очередной сюрприз, но поскольку его предыдущий опыт с гаражами не принес особых неприятностей, Андрей все же открыл дверь и заглянул внутрь. Ему открылось темное помещение с двумя маленькими оконцами, уставленное обычной сельской утварью: полу развалившейся печкой, покосившимся грубо сколоченным столом, двумя лавками вдоль стен и в беспорядке разбросанными более мелкими предметами – разбитыми и целыми горшками, хомутами, ухватами, закопченными чугунками. С невысокого потолка свисала густая паутина, но, несмотря на это, на Андрея почему-то повеяло ощущением деревенского уюта, тишины и покоя. Он даже ощутил запах недавно сваренной в чугунке картошки и топленого молока. Очень захотелось сесть за этот старый, отполированный временем стол и привести в порядок свои впечатления, но как только он вошел внутрь, пол под его ногами закачался и Андрей понял, что изба, еще недавно надежно стоявшая, медленно оседает в землю. Андрей бросился к двери, но она открывалась наружу и была заблокирована. Мальчик огляделся в растерянности: окна достигли уже уровня воды, и погружение в недра продолжалось медленно, но неотвратно. Положение казалось, безвыходным, но Андрей уже успел привыкнуть к тому, что, несмотря на необычность и кажущуюся опасность ситуаций, все происшествия в этом новом мире какие-то несерьезные, хоть и пугают и грозят гибелью. Он понимал, что погибнуть его астральное тело не может, и всегда, в конечном счете, находится какой-то выход, поэтому, даже когда окна скрылись под землей и комната погрузилась во мрак, он не впал в панику, а начал страстно молиться самыми простыми словами «Господи, помоги мне» и очерчивать себя мысленным крестом. Поначалу это не приносило никаких результатов, но в какой-то момент он ощутил, что падение замедляется, затем после кратковременной остановки (в этот момент Андрей словно бы обрел внешнюю силу, которая по его воле начала выталкивать избу из земли) сооружение медленно пошло вверх и вскоре заняло свое прежнее положение. Разумеется, после этих событий у мальчика пропал всякий интерес к деревенской экзотике, и он поторопился выйти наружу, быстро пересек залитый водой участок и оказался у основания холма, покрытого невысокой сочной травой. На этот раз вроде бы ничего не предвещало опасности. Андрей решил осмотреть окружающий ландшафт и для этого поднялся на холм, но тут его внимание привлек необычный черный куст размером с небольшой стог, стоящий на вершине этого холма. Куст как куст, настораживало только полное отсутствие зелени, хотя вся окружающая растительность была пышной и сочной. Трудно сказать, что именно заинтересовало в этом кусте Андрея, он подошел к подозрительному растению, и застыл перед ним в удивлении. Куст не походил ни на один из видимых им доселе, в нем не было ни стволов, ни ветвей,

ни листьев, в высоту он был метра 3 и весь состоял из бесчисленного количества переплетенных самым причудливым образом небольших черных колец, по окружности каждого из которых торчали пять острых шипов размером с палец, напоминающих шипы южной древовидной акации. Окажись он внутри этого странного куста, и тело было бы изрезано на лоскутья тысячами острых смертоносных иголок. То, что Андрей вначале принял за разноцветные цветы, на самом деле оказались клочьями ткани какой-то одежды и, судя по разнообразию расцветок, и количеству лоскутков, вся эта одежда явно не могла принадлежать одному человеку.

«Да, – мелькнуло в голове у Андрея, – по-видимому, этот куст засосал немало любопытных, но что могло заставить их залезть туда? Какой нормальный, а впрочем, даже ненормальный добровольно полезет в этот терновник? Может, там кто-то сидит внутри и зовет на помощь? Но тогда если человек настолько самоотвержен, что готов ради спасения ближнего залезть сюда, то ему место явно в Раю, а не здесь».

Неизвестно, долго ли Андрей предавался бы этим размышлениям, но они неожиданно были прерваны непонятным изменением состояния. Почувствовав тревогу, Андрей начал в недоумении оглядываться, и тут взгляд его упал на собственное тело. Одежда, в которую еще недавно он был облачен, таяла и испарялась, и через несколько мгновений он стоял абсолютно обнаженным. Казалось бы, какая в этом беда, место было совершенно безлюдным, а холода и жары здесь не ощущалось. Одежда носила здесь скорее чисто косметический характер, но почему-то мальчик почувствовал такой острый ничем не объяснимый стыд, словно бы самые мерзкие качества и самые тайные пороки, в которых в обычном состоянии человек не может признаться даже самому себе, вдруг вылезли наружу и стали достоянием праздных наблюдателей.

Этот стыд был настолько силен, что Андрей почувствовал непреодолимое желание спрятаться куда-нибудь – не важно от кого и не важно куда. Забыв всякую опасность, мальчик шагнул к кусту, и совсем уж был готов броситься в самую его гущу, не думая о последствиях, но в последнюю минуту его остановил непонятно откуда взявшийся голос, отчетливо прозвучавший в его сознании:

– Ну, сюда тебе пока рано! – И в это мгновение одежда вновь материализовалась, и чувство стыда бесследно исчезло.

Андрей поспешил от этого опасного места, и когда куст был уже достаточно далеко, мальчик оглянулся и увидел, что из куста появились несколько окровавленных рук и лиц, рты которых были разинуты в неслышном крике, словно бы они просили о помощи. У Андрея снова мелькнуло желание вернуться и помочь несчастным, но на этот раз с желанием ему удалось справиться самостоятельно, так как помочь здесь он никому не мог, а вот в ловушку угодил бы наверняка.

Чувство безмятежности первозданной природы вновь вернулось к Андрею. Он миновал поляну, на которой высился этот опасный куст, пересек зеленую рощицу, обрамлявшую поляну, испытывая непонятные радость и покой от прикосновения к телу нежных листьев, и очутился перед городским кварталом, который подходил вплотную к роще, и словно бы вырастал из нее. Здесь тропинка обрывалась, и начиналась улица жилого массива, который казался до боли знакомым. Еще через мгновение Андрей понял, что этот квартал четырехэтажных домов и кусочек открывшегося двора с песочницами и детскими грибками в точности напоминает место, где он жил до семи лет в Донецке, прежде чем его семья не переехала в Ленинград.

Надо ли говорить, с каким чувством Андрей вышел на знакомый двор. Да, этот серый четырехэтажный дом со скошенной крышей был домом его детства: вот и никогда не высыхающая лужа на широкой дороге напротив соседнего желтого дома, вот и две асфальтовые дороги, обрамляющие двор, по которым они с мальчишками скатывались на самокатах. Вот одинаковые длинные здания мужского и женского общежитий с флигелями на черепичных крышах.

Все это он хорошо помнил, и этот двор был, наверное, самой яркой картинкой его детских воспоминаний, правда, здесь царило полное безлюдье, чего никогда не было в той далекой реальной жизни.

Андрей двинулся к своему подъезду с твердым намерением туда войти и постараться проникнуть в свою квартиру, где он прожил столько счастливых дней. И тут только он заметил, что напротив подъезда, загораживая проход, стоит или висит в воздухе нечто, контурами напоминающее сильно увеличенную человеческую фигуру совершенно черного цвета, и состояла она из одного слоя небольших черных запятых. Фигура слегка покачивалась в воздухе и, в отличие от коварного куста, не представляла собой густого черного массива, и через нее хорошо был виден задний план – подъезд и часть стены. Кроме того, у Андрея возникло впечатление, что фигура представляет собой какое-то существо – возможно даже, разумное. Он попытался обойти его, но фигура сдвинулась в сторону и снова заслонила собой проход, словно намекая на то, что войти внутрь дома возможно только сквозь эти таинственные запятые. Отказаться от первоначального замысла Андрею никак не хотелось, но и проходить сквозь эту взвесь шипов было жутковато. Почему-то мальчику показалось, что это существо-конструкция не особенно прочно, и хотя оно вряд ли могло быть порождением собственного сознания, о котором говорил Маркелов, тем не менее, Андрей начал пристально рассматривать непонятную штуку и, почувствовав от нее волну нерешительности, громко крикнул:

– Покажи свою форму!

В этот момент конструкция заколебалась и опала на землю горсткой черных шипов. Но это, к сожалению, было не единственным результатом его вскрика, поскольку столь знакомая картинка его раннего детства тут же видоизменилась, и дом, куда он собирался войти, и родной его двор превратились в обычный квартал астрального города Нарова.

У Андрея тут же пропало всякое желание заходить в незнакомый дом, Бог знает, какие ловушки таил этот подъезд, бродить по незнакомым улицам астрального города мальчик также не хотел, он уже утомился от впечатлений. Единственно, что ему хотелось – это вернуться в свой привычный плотный мир, в котором он прожил свои 15 лет, не подозревая, что есть какие-то другие миры, где можно путешествовать в другом теле.

«Попробую взлететь, – подумал Андрей, – ведь сколько ни броди по этому дурацкому городу, когда-то надо и домой возвращаться».

Взлететь оказалось совсем несложным, и достаточно было ему внутренне напрячься, как он легко оторвался от Земли, оставив внизу неуютный город, и вскоре, подчиняясь каким-то здешним физическим законам, летел вверх лицом под уже знакомым ему черным небом, сначала пустым, а вскоре усыпанным пылью звезд. И снова, как и в первый полет, все повторилось – и ощущение тоски и бессмысленности этого перемещения по горизонтали, и вертикальные взлеты с надеждой пробраться через небо, которое в действительности было перемишкой между мирами, и скорая усталость и уменьшение амплитуды взлетов, и попытка зарядиться энергией, рассматривая свои прозрачные руки (во время полета, как и в первый раз, тело Андрея стало прозрачным). После подзарядки он прекратил безнадежные взмывы (на этот раз пробиться через небо таким способом не получалось) и стал набирать высоту, постепенно поднимаясь под углом. После очень длительного подъема мальчик ощутил что-то вроде загустения пространства, затем на мгновение показалось, что в небе возникло что-то вроде пространственного кармана, словно бы он залетел за его край, и в то же мгновение оказался в огромном зале.

Хотя стен и потолка не было видно, Андрей почему-то был уверен, что находится в каком-то немыслимых размеров помещении, при этом обнаружил, что держится за свисающий с невидимого потолка канат. Тело его вновь уплотнилось, он отчетливо ощутил и увидел свои руки и, посмотрев вниз, с удивлением обнаружил, что небо, под которым он только что летел, находится где-то далеко внизу, словно какой-то фантастический пол.

«Ладно, – подумал Андрей, – веревка же на чем-то крепится, попробую залезть наверх, куда-то ведь я должен попасть».

Подъем оказался довольно длительным, без каких-либо перемен, и вдруг как-то сразу окружающий его мрак рассеялся, и мальчик очутился внутри непонятной конструкции, которая почему-то вызвала у Андрея ассоциацию с люстрой немыслимых размеров и сложности. Вережка вдруг закончилась, и Андрей обнаружил себя плавающим в светлом радостном пространстве среди удивительного переплетения хрустальных висюлек, трубочек, лент, переливающихся всеми цветами радуги, причем этот свет веял покоем, счастьем и каким-то детским ощущением праздника – скорее, пожалуй, Нового года. Все это сопровождалось мелодичными тихими звонами, переливами и массой других ощущений, которым было трудно подобрать слова. Андрей словно бы стал одним из зеркальных новогодних шаров, но не на елочной ветке, а совершенно свободным, парящим в напоенным светорадостью праздничном пространстве. Была бы на то его воля, он навсегда остался здесь, в этом нечеловеческом мире живого света и радужных праздничных конструкций-ощущений, которые никогда не повторялись и непрерывно превращались из одной светоформы в другую. Андрей словно забыл, что еще недавно был обычным земным человеком, чуть позже астральным, но все же человеческим существом. Ему хотелось навсегда остаться счастливым зеркальным шаром, живущим своим особым праздничным бытием без сомнений и проблем, дарящим частицу праздника окружающим. Но, увы, все приятное тоже когда-то кончается. Вдруг в его сознании прозвучало:

– Это истинная имя-форма воздуха.

В это мгновение Андрей понял, что висит где-то под потолком в своей комнате недалеко от хрустальной люстры, под ним расположена кровать, на кровати – он сам, далее что-то щелкнуло, возникло ощущение втягивания, и в следующий момент мальчик ощутил себя на кровати, словно бы вынырнув из глубокого омута.

В комнате было уже совсем светло, за окном громко каркали вороны, но у Андрея не хватило сил преодолеть сонливость, словно он целую ночь не спал и занимался тяжелым физическим трудом, поэтому он заснул спокойным сном с легкими не запоминающимися сновидениями.

К сожалению, Маркелова не было в городе, он уехал на гастроли, и должен был вернуться не раньше сентября, поэтому Андрей не мог получить компетентных разъяснений своего второго странного путешествия. Оставалось самому догадываться, строить предположения и ждать осени. Через несколько дней ему предстояла поездка в деревню в Вологодскую область, где его дедушка несколько лет назад приобрел дом и где у Андрея было много друзей.

Теперь особой радости по этому поводу он не испытывал, ему почему-то не хотелось нарушать ни своего одиночества, ни своих мистических экспериментов: он чувствовал, что вести прежний образ жизни в деревне не удастся. А общение! Его деревенские знакомые, ныне в основном учащиеся ПТУ, в будущем шофера, механизаторы, плотники. Раньше, несмотря на свою классовую принадлежность – все же потомственный интеллигент, до четвертого поколения ни одного пролетария и крестьянина среди предков – и неплохую начитанность, Андрей не чувствовал обособленности и общался со своими деревенскими друзьями без труда. Наверное, так же не чувствует своего отличия от обычных дворняжек щенки немецкого дога или бультерьера и весело играет с беспородными сверстниками. Но так только до определенного возраста: наступает момент, и отпрыск благородных собачьих кровей осознает свою избранность, и на смену добродушному расположению приходит презрение и агрессия. Это же чувство испытывают дворняги: они начинают бояться сильных и преследовать слабых породистых сородичей, но никогда не будут с ними играть и не примут в свою стаю.

Нечто подобное произошло и с Андреем за этот год, и если в прошлом и позапрошлом годах он рвался в Чирец (так называлась деревня), то теперь, кроме ожидания грядущей скуки, никаких эмоций по поводу будущей поездки он не испытывал. О чем с ними говорить? Выслу-

шивать истории о крутых мордобоях и самому выдумывать нечто подобное? Пару раз (на большее денег не хватит) напиться до поросычьего визга? Каждый вечер слушать в клубе заезженные пластинки, которые были популярны в Ленинграде три-четыре года назад? Стучать в полу разломанный бильярд? Тискать в темноте девчонок? Андрей знал, что деревенские ребята относятся к нему хорошо, что он никогда не продемонстрирует им своего превосходства, а будет делать вид, что все осталось по-прежнему, но оптимизм сменился пессимизмом. К тому же Андрей знал, что ему захочется пойти с дедом или ребятами на рыбалку и охоту, а нынешнее мировоззрение этого вроде бы не позволяло. И как объяснить им свой отказ? Рассказать о йоге и медитациях? Да они и слов-то таких не знают. Дед, конечно, знает, но, будучи продуктом сталинской эпохи, считает подобные занятия чем-то вроде добровольного сумасшествия. И, наконец, то, что еще год назад показалось бы ему смехотворным. Последнее время он совершенно перестал переносить мат, с помощью которого изъяснялись все его сверстники. И если раньше, чтобы не отличаться от окружающих, он постоянно пересыпал свою речь бессмысленными матерными связками, то в последнее время не только произнесение, но даже мысленное воспроизведение этих слов вызывало у него чувство энергетической запачканности и затухания света, который приносила духовная практика.

Понятно, что все эти аргументы сводили на нет радость от предстоящей поездки, и, положив руку на сердце, Андрей с большим удовольствием остался бы в одиночестве в городе.

Но все же поездка состоялась и оказалась более удачной, чем ожидал Андрей. К его удивлению, проблем с деревенскими приятелями не возникло, и как только мальчик прекратил свои упражнения, сознание его словно бы съехало на прежний уровень, духовный свет исчез, зато снова вернулось понимание старых радостей, и он легко вписался в свою сельскую компанию. Так что финал каникул был заполнен обычными летними развлечениями вперемешку с огородными работами; йогой он не занимался и никаких мистических переживаний не испытывал, выпустив на волю свою лень, долго находившуюся в подавленном состоянии. В какой-то момент ему даже стало казаться, что такая растительно-животная жизнь гораздо проще и приятней той, которую он вел последний год, но и вернуться к прежнему со всем самозабвением он уже не мог, теперь он знал то, чего не знал раньше.

Незадолго до возвращения домой Андрея начали мучить ночные томления. Он просыпался в 4 часа утра в предрассветной мути и до восхода солнца уже не мог заснуть от мучительного беспокойства в ногах. Если в городе эту проблему решал душ, то здесь приходилось ходить по сеним и ждать восхода солнца, ибо с первыми лучами томление бесследно проходило, и он засыпал на своем жестком матрасе.

Но вот закончились каникулы, словно досадная помеха, Андрей вернулся в город к своим книгам, индийским статуэткам, ароматическим палочкам и теплоту души, который помогал ему проникнуть в иной мир. От Сережи Кубарева он узнал, что Маркелов еще на гастролях и должен вернуться только через неделю. Андрей постарался стряхнуть с себя память о деревне, словно дурной сон, и снова возвратился в свою псевдо индийскую атмосферу, которую он упорно создавал у себя дома с помощью самиздатовских книг по восточной философии и обставляя квартиру дешевыми статуэтками из недавно открывшегося магазина «Ганг».

Результат не заставил себя долго ждать, словно новое существо, начавшее было созреть внутри него и оказавшееся в подавленном состоянии, теперь постаралось вырваться наружу и навестать упущенное. Достаточно было трех дней, и Андрей почувствовал, что прежняя форма и прежние интересы вновь возвращаются к нему. Несколько дней он наслаждался глубоким сном с яркими сновидениями, затем произошел его третий осознанный астральный выход.

Случилось это под утро, когда было уже достаточно светло. Мальчик проснулся, как обычно, от томления в ногах, но на этот раз весь подготовительный период продолжался недолго и прошел достаточно легко. Томление в ногах скоро сменилось уже знакомым звоном с ощущением кратковременных провалов, и когда Андрей интуитивно почувствовал, что

«пора на выход», он легко послал свое «Я» на ковер перед кроватью. Было впечатление, что тонкоматериальное тело его постоянно обучается, привыкает к самостоятельности, ему с каждым разом все легче покидать физическую оболочку, а астральное пространство становится все более привычной средой обитания. На этот раз тяжесть почти не ощущалась, и Андрей легко поднялся на ноги, с удовольствием отметив, что может легко передвигаться по комнате и что комната освещена неярким утренним светом. Окружающая обстановка почти не отличалась от реальной, но восприятие размеров комнаты несколько нарушилось, она словно бы в несколько раз вытянулась вдоль, и если раньше окно выглядело как мутное светлое пятно, то теперь оно виделось достаточно отчетливо, правда, что там было за стеклом, рассмотреть не удавалось.

Андрей хоть и не испытывал в этот раз гнетущего чувства тяжести, тем не менее двинулся к окну, желая по обыкновению выпрыгнуть или вылететь (ни тот ни другой термин правильно не описывал этот процесс) во внешний мир. У самого окна он вдруг резко развернулся лицом внутрь комнаты: ему захотелось несколько изменить программу астрального путешествия и испытать, насколько комната соответствует реальной. К тому же он решил рассмотреть свое тело со стороны, поскольку в начале астрального выхода это ему никогда не удавалось, а он читал в одной из оккультных книг, что увидеть свое тело со стороны, особенно лицо, признак духовного продвижения.

Андрей двинулся обратно к кровати, попробовал подвигать стул – он легко поддался, издав неприятный звук – ощущения, были самыми обычными, затем поднял и опустил книгу со стола, передвинул какие-то другие небольшие предметы, но сдвинуть шкаф с места не удалось. Андрей все хотел убедиться, что это не сон, что он передвигается в реальном мире, но сейчас мальчик запутался еще больше. По логике вещей, если он находится в астральном теле, являясь чем-то вроде призрака, и наблюдает вокруг себя реальную комнату, то в этом случае он не сумел бы воздействовать на физические предметы, поскольку должен был через них просто пройти. Значит, он ходит по другой комнате, в другом пространстве, пусть даже сходном с реальным, и передвигает предметы из той же материи, что и его астральное тело. Но в этом случае, кого же он будет рассматривать со стороны? Свое физическое тело? Но ведь оно должно остаться в физическом мире!

Андрей тревожно взглянул на кровать. Там действительно кто-то лежал, но кто, разобравшись не удавалось, поскольку фигура была полностью скрыта одеялом.

«Интересно, – подумал Андрей, – я во сне с головой под одеяло залез? Вроде бы за мной этого раньше не водилось, там же дышать нечем. А эти передвижения стульев и книг! Я ведь все равно не помню, как они стояли и лежали перед сном. В следующий раз надо отметить их положение, а вдруг я действительно реальные предметы астральным телом передвигаю! И все же: если эта фигура не мое тело, то, что же это такое? Астральное тело? Так это – я теперь! А это что, еще одно астральное тело, что ли? Но у человека должен быть только один астрал. Может, это эфирное тело, но оно, насколько я понимаю, полностью повторяет физическое и должно находиться в том же пространстве».

Решив, что все равно не сможет понять, кто же это лежит на кровати, Андрей подумал, что стоит подождать, поскольку все его попытки сдвинуть одеяло с лица, не увенчались успехом: мальчик просто не мог захватить ткань рукой. Тогда он решил дожидаться, когда лежащий высунется из-под одеяла и покажет свое лицо. Андрей уселся рядом с кроватью и, как ему показалось, задремал.

«Интересно, – подумал Андрей, – а в астральном теле тоже спать можно? Но это же нонсенс».

Действительно, все, что он здесь наблюдал, плохо укладывалось в земную логику и носило печать своего, только ему присущего смысла, а все, что имело смысл в земном мире, теряло смысл здесь.

Вскоре его безрезультатное ожидание было прервано. Вдруг как-то неестественно быстро открылась дверь в комнату, и перед кроватью появилась та, кого он меньше всего ожидал здесь увидеть – его классная руководительница. Это как-то сразу показалось мальчику подозрительным, он вспомнил предупреждение Маркелова о том, что в астрале нельзя доверять внешнему виду, и под личиной твоего знакомого может скрываться кто угодно. А так как для него твои мысли – открытая книга, и форма подчинена, то он легко примет любой образ, который увидит в твоём сознании. Вспомнив все это, Андрей понял, что к учительнице это существо не имеет никакого отношения, и внутренне напрягся, ожидая любого подвоха, вплоть до нападения. Но нападения не произошло, и фантом классной наигранно строго и громко проговорил:

– Ты что это на полу ночью сидишь? Тебя что, из кровати выгнали? Ну-ка отдай мне ключ, тебе он все равно не нужен!

Сказано это было таким беспрекословным тоном, словно, не отдай Андрей ей какой-то ключ (он не имел представления, какой), и она разорвет его на куски. В какой-то момент Андрей не то что испугался, – учительница не выглядела пугающе, ее и в реальной жизни никто из учеников особенно не боялся, – но когда она требовала дневник или подойти к доске, все это механически исполнялось, и знай, Андрей, о каком ключе идет речь, он, несомненно, отдал бы его.

На всякий случай мальчик обшарил свою астральную одежду, но ничего похожего на карманы не обнаружил, взгляд его окинул пол, затем кровать, и тут на одеяле он увидел знакомый медальон из оникса с естественным рисунком, напоминающим морской пейзаж. Тот самый медальон, который ему подарила Аня в минуту расставания.

– Да-да, этот самый, – раздался за его спиной сердитый голос. – Отдай-ка его мне.

– Какой же это ключ! – мелькнуло в голове Андрея, и тут он вдруг понял, что нашел то, что давно искал, что этот медальон имеет какое-то большое значение для него, что это – действительно ключ от какой-то неведомой двери, и его задача – найти эту дверь. Но тогда, пусть попробует этот оборотень забрать пластинку, он даст ему достойный отпор! Сжав медальон в кулаке, и приготовившись к схватке, Андрей громко закричал:

– А ну, пошла отсюда! – И неожиданно лже классная, тут же потеряв весь свой воинственный вид, совершенно другим голосом пробормотала:

– Извините, я обозналась. – А затем бросилась к окну и вылетела наружу, словно сорока. Андрей побежал за ней, чтобы проследить путь, но за окном никого не было. Сначала мальчик хотел проследовать за учительницей, потом вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль. Он подошел к книжному шкафу (вроде бы он ничем не отличался от своего реального прототипа) и начал разыскивать нужную книгу. К его удивлению, ни одной знакомой обложки он на полках не обнаружил и вообще не мог прочитать ни одного названия, словно бы это был какой-то незнакомый язык, к тому же, стоило ему подойти к шкафу, как освещение резко упало. Тем не менее, книга, которую он искал, нашлась на удивление быстро: руки сами потянулись в нужное место, и Андрей вытащил машинописный экземпляр «Розы мира» Даниила Андреева. В следующий момент Андрей задумался: а зачем, собственно, она ему нужна в астральном путешествии?

«Ну, как же! – сам себе ответил он. – Если будет происходить что-то непонятное, в ней я смогу найти объяснение».

Мальчик раскрыл книгу наудачу и попытался прочитать открывшийся ему текст, но буквы тут же начали сливаться, сама книга деформировалась, растеклась между пальцев и вскоре исчезла совсем, оставив впечатление, что астральное тело как бы впитало материю книги, и, несмотря на то, что она пропала, он должен ее кому-то передать.

Больше в комнате делать было нечего. Тело, лежащее под одеялом, так и не показало своего лица, медальон, который он зажал в кулаке, исчез, Андрей без труда добрался до окна,

просочился через стекло и медленно опустился на пустырь перед домом, покрытый сухой травой и безлистными пучками кустов.

Картина теперь была несколько иной, чем при его последнем спуске из окна. Пустырь перед домом оказался совсем маленьким, и его со всех сторон окружал редкий безлистный лес, каким он бывает в конце ноября в пасмурную бесснежную погоду. Кругом преобладали серые тона, от деревьев веяло какой-то вялой осенней тоской предсна и распутицы. В глубь леса вела узкая тропинка вдоль маленького ручейка, еле видимого среди пучков пожухлой травы, и выглядела она так, словно несколько дней шел дождь, но влага впиталась и не оставила после себя луж. Сама же дорожка превратилась в длинную ленту липкой чавкающей грязи, пройти по которой можно только в резиновых сапогах. Тем не менее, идти по тропинке оказалось достаточно легко, и о грязи напоминало только ощущение склизкости. Андрей шел, погруженный в ощущения позднего осеннего леса, ведомый ему самому не ясной целью, и мокрые ветки то и дело не больно хлестали его по лицу.

«Интересно, – думал Андрей, – а время года здесь произвольно меняется, или есть какие-то циклы? Месяц назад, насколько я помню, было лето в разгаре, а сейчас глубокая осень. Или это совсем другое место?»

Его однообразное путешествие среди то ли умершего, то ли заснувшего лиственного леса (ни одной елочки или сосны он не заметил), где не встречалось никакой живности, продолжалось довольно долго, и за все время ничто не нарушило стоявшей кругом тишины, и даже звуки шагов отсутствовали. Если бы Андрея попросили передать каким-то образом самую суть глубокой осени, то лучшей картины он бы не смог найти. Другое понятие, с которым он мог бы связать окружающий ландшафт, – это тихая спокойная печаль.

Однако все когда-нибудь кончается, закончился и этот печальный лес. Деревья еще больше поредели, и вскоре он оказался у невысокого холма, на котором также не было никакой растительности: его склон был усеян всевозможным хламом – рваной обувью, пришедшими в полную негодность предметами незамысловатого сельского быта и сгнившим тряпьем, словно бы этот холм навалили бульдозером посреди городской свалки, а затем присыпали землей. Вершина холма была плоской, наверх вели ступени и венчали его несколько темных покосившихся избушек. И тут у Андрея возникла уверенность, что он должен здесь разыскать какой-то дом, кому-то что-то передать и что-то разъяснить.

«Откуда такая уверенность? – мелькнуло в голове Андрея. – Словно из глубины памяти что-то поднимается, а до конца высветлится, не может».

Мальчик поднялся на вершину холма, там его взору открылась небольшая деревенька, состоящая из впритык расположившихся ветхих избушек, причем если в обычной деревне около каждой избы расположен приусадебный участок, то здесь таковые отсутствовали.

Словно бы разыскивая неведомо что, мальчик двинулся по проселочной дороге, разделявшей дома на два одинаковых ряда, всматриваясь в каждый, и ощущал, что это все не то. Довольно долго он бродил среди этих серых изб, не подававших никаких признаков жизни, как вдруг где-то на окраине странной деревни увидел домик, практически ничем не отличавшийся от остальных. Тем не менее, у Андрея возникла ясная уверенность, что именно сюда ему необходимо зайти, что он тут же и сделал. Войдя в покосившуюся дверь, мальчик очутился в темных сенях, поднялся по ступеням, оказавшимся почему-то земляными, и вошел в достаточно просторную, плохо освещенную горницу. Все здесь носило печать нищеты и затхлости, мебель была старой и полу развалившейся, рядом со столом у окна стоял пожилой наголо обритый человек в выцветшей телогрейке, и без особого интереса вопросительно смотрел на мальчика. Вид его очень напоминал одного из обитателей жестяного гаража, с которыми Андрей столкнулся во время своего первого астрального путешествия, но только глаза его не были такими тусклыми, в них светился ум и тихая, давно ставшая привычной тоска. Посмотрев в глаза незнакомца, Андрей неожиданно понял цель своего визита. Он шагнул к человеку и протянул

ему «Розу мира», непонятно каким образом оказавшуюся в руке. Без всякого приветствия, так, словно бы продолжая прерванный разговор, Андрей сказал:

– Я к вам по поручению... – «По какому поручению?» – мелькнуло в голове. – Я должен передать вам книгу, написанную человеком, с которым вы сидели, и он обещал, что когда-нибудь, если книга увидит свет, обязательно даст вам ее прочитать. Но обещание не исполнил. Его звали Даниил Андреев.

В глазах у человека засветилось удивление. Он словно бы что-то пытался припомнить.

– Андреев, Андреев... – произнес человек. – Что-то припоминаю: это такой высокий, худой, с орлиным носом... Поэт, – вдруг окончательно припомнил человек. – Да, да, вспоминаю! – Лицо его изобразило непривычную радость. – Странно, почему я до сего момента этого не помнил... А ведь, правда, я сидел. И Данька Андреев... Он странные стихи писал и нас еще обучал искусству стихосложения. Я с ним ближе других эзков сошелся, и он почему-то мне поверил и сказал, хоть это и было рискованно, что какую-то грандиозную книгу пишет о том, как мир устроен, и даже мне какие-то отрывки читал. Я мало что понял, но впечатление осталось сильнейшее.

Человек словно бы смаковал свое воспоминание и саму принципиальную возможность вспомнить какой-то эпизод из своей прошлой жизни.

– Правда, что потом было с ним – не знаю. Кажется, его выпустили раньше меня. А я после тюрюги в свою деревню вернулся и запил... Его больше никогда не встречал и о нем ничего не слышал...

Человек замолчал. Было видно, что он дошел до какой-то черты своих воспоминаний, за которую его сознанию никак не удавалось переступить.

– Вот, видно от водки с головой что-то случилось, – каким-то извиняющимся тоном продолжил человек. – Помню, как из тюрьмы вышел, как в деревню свою вернулся, какпил, а дальше, словно все обрывается. Как здесь очутился, и что это за место, и что я здесь делаю, – никак не могу вспомнить. Вот водки здесь нет, – это точно. Вернее как: почти каждый день кто-то из соседей приглашает выпить, но почему-то, – наверное, память отшибло – я никак не могу нужного дома найти. Зайдешь, – а меня там не ждут. И магазина никак найти не удастся. Что за деревня такая! А впрочем, может, оно и к лучшему... – Глаза его потускнели. – А ты что, его знакомый? Как он поживает, неужто его книгу напечатали? Насколько я помню, его за эти самые книги и посадили. И как он меня здесь нашел?

И тут Андрей, наконец, окончательно понял цель своего визита и чью волю выполняет.

– Как вам сказать... – начал он. – В вашем понимании он никак не поживает, и знакомым его я быть никак не могу, потому что был совсем маленьким, когда он умер. И книга его пока не издана, это астральный экземпляр.

– Так он умер? Ну, царство небесное! – с явным огорчением ответил человек, затем на лице его появилось недоумение. – Тогда как он мог передать тебе просьбу меня найти? Ты уже взрослый парень, сколько лет прошло с его смерти, если ты в то время совсем маленьким был. И потом, что это за астральная книга? Что-то в голове все путается. – Его лицо снова приняло равнодушное выражение. – Хотя я, честно говоря, сам не знаю, сколько здесь нахожусь, и до встречи с тобой мне не казалось это странным. И толком кто тут живет, я тоже не знаю: одни появляются, другие исчезают. Появляются какие-то военные, нескольких куда-то увозят, затем приходят другие – и приводят других. Меня пока не трогают.

– Не, нас пока не трогают, – раздался голос сзади Андрея, и только сейчас он заметил, что сзади него на печке примостились два человека, обритые наголо и одетые так же, как его собеседник, то есть типичные лагерные эки, но оба помоложе. Казалось, они внимательно прислушиваются к их разговору.

– Здесь вообще много странных вещей происходит, – не обращая внимания на реплику, продолжал пожилой человек. – Я на это последнее время и внимания не обращаю. Может быть,

поэтому у меня что-то в башке перевернулось. Например, когда ты появился, я вспомнил, что сидел в тюрьме, Даньку Андреева вспомнил, а что было до этого, никак вспомнить не могу. И сколько лет я здесь живу, как я здесь очутился – тоже никак не припомню. Может, ты объяснишь? Ты вроде парень ученый.

– Даже не знаю, как вам сказать. Дело в том, что вы уже давно умерли, и этим все объясняется, – произнес Андрей давно заготовленную фразу.

– Подожди, подожди, – вид мужчины был несколько ошарашен. – Что значит умерли? А я тогда кто?

– Умерло ваше физическое тело. – «Достаточно ли понятно я объясняю?» – мелькнуло в голове Андрея. – А вы – это ваша душа... Вернее, ваше астральное тело, шельт, если быть точным, поскольку душа еще не освободилась от своих оболочек. И находитесь вы не на Земле, а в астральном мире.

– Выходит, попы правы, – мужчина, похоже, очень быстро свыкался с новой для него мыслью. Видимо, она объясняла все то, чему он не мог найти объяснения. – Я-то думал, что все это выдумки попов, думал, умереть – это раз и все. И что же теперь делать? – Он посмотрел на Андрея с тоской. – Как же теперь жить? Тьфу ты, что я говорю, я же теперь, выходит, и не живу!

– Эй, парень, – раздался голос с печки. – Что ты такое говоришь! Это выходит, что мы тоже... Того?

– Выходит, что так, – уже спокойно ответил Андрей.

– А тогда где же черти, где Сатана, где сковородки и котлы с грешниками? Мы ведь в той жизни много нагрешили, нам ведь, по всем законам, наверное, положено в Аду на сковородке жариться!

«Как им объяснить? – мучительно подумал Андрей. – У них ведь только два представления, либо что загробной жизни не существует, либо что она существует, но такой, как им рассказывали их неграмотные бабушки. Да, странное это дело проводить ликбез покойникам».

Конечно, вдаваться во все детали научной теологии было бессмысленно, тем более Андрей и не считал себя достаточно компетентным в этих вопросах.

– Кое-что из этого вам еще предстоит, – уклончиво ответил он. – Здесь вы находитесь временно, чтобы привыкнуть к новому состоянию. Это место что-то вроде первичного распределителя или карантина. Вроде бы и похоже на Землю, да не Земля. Истечет срок, – каждого переведут туда, куда он заслужил. Это не в моей компетенции, я здесь мимоходом.

– Послушай, парень, – вновь подал голос пожилой мужчина. – Выходит, и ты покойник? Как тебя угораздило? Такой молодой! И почему ты все это знаешь, если помер, а мы – нет?

– Да нет, мужики, я еще не помер, я тут путешествую, я астральный путешественник, – пояснил, как мог, Андрей. – Я йогой занимаюсь, – добавил он уже совсем не к месту.

– Заладил: астральный, астральный... Что за слово такое, никогда не слышал. Хотя нет, вроде Андреев что-то такое говорил. Ты объясни, как тебе живым сюда попасть удалось?

– Это удастся не многим, – с некоторой напыщенностью произнес Андрей. – Как вам объяснить... это что-то вроде управления своими снами, хотя, конечно, не совсем так. Короче, мое тело на Земле спит, а я, то есть мое астральное тело, здесь путешествует. Эту способность позволяют развить специальные упражнения. А астральный мир состоит из той же материи, из которой состоят наши чувства, желания, ощущения. Точнее я не могу объяснить, – добавил Андрей, засомневавшись, что его поймут.

– Что-то я не припомню, чтобы сюда кто-нибудь во сне прилетал! – проворчал пожилой мужчина. – Ну, ладно, ты лучше объясни, что теперь нам делать?

– За этим я сюда и пришел, – ответил Андрей, он вновь почувствовал, что его пронизывают какие-то токи и слова начинают кем-то внушаться. – Я уже говорил, что исполняю волю Даниила Андреева, который находится в мире просветления, где царствует красота, мудрость

и любовь, или в Раю, чтобы вам было понятнее. Его душа озабочена печальной участью ваших душ, но поскольку к себе он вас взять не может – таков закон посмертного воздаяния, то хочет помочь вашим душам хоть в чем-то. – Андрей положил на стол «Розу мира», которая вновь материализовалась с момента посещения странной избы, и сейчас светилась голубоватым светом.

– Это частица его души, его вдохновения, она поможет вам понять, как устроен мир, и что с вами произошло. Наверное, подошел срок перехода в следующий мир, мир воздаяния за вашу земную жизнь. Чтобы кара и отработка грехов была не столь тяжелой, он послал эту книгу, которую не смог дать вам почитать при жизни, но сейчас она должна просветлить ваши души и помочь побыстрее преодолеть нисходящие ряды посмертия. Понятнее я объяснить не могу, обо всем вы узнаете из этой книги.

Пожилой мужчина у стола и два зэка помоложе, свесившись с печки, как зачарованные глядели на диковинную книгу, на которой уже явственно проступали золотые буквы «Роза мира», и, казалось, забыли про Андрея. В этот момент мальчик понял, что свое задание выполнил, и, не прощаясь, незаметно покинул избу. Выходя, он опустил глаза вниз и только сейчас увидел, что на шее его висит уже знакомый нам медальон-пластинка, которая перевернулась противоположной стороной, и на ней, вместо надписи «Навна», Андрей прочел «астральный вестник».

Выйти из избы на этот раз оказалось не так просто, как он думал вначале, и как только за ним закрылась дверь в горницу, вместо сеней он очутился в длинном коридоре с тускло мерцающей дверью в конце.

Дальше повторились события, схожие с событиями в котельной пять лет назад, правда, теперь, пройдя несколько дверей, ему удалось гораздо быстрее выбраться наружу без посторонней помощи. Просто в какой-то момент он вспомнил о медальоне и положил на него руку. Тотчас же он почувствовал откуда-то извне идущую помощь, после чего следующая дверь коридора оказалась выходом.

Теперь окружающая картина выглядела совершенно иной, словно, блуждая по лабиринту, он переместился в иную часть астрального мира. Андрей оказался среди развалин большого города, будто бы уничтоженного бомбежкой. Его окружали разрушенные остовы больших домов, горы кирпича, обломки бетонных свай с торчащими ото всюду искореженными штырями стальной арматуры.

«Куда идти?» – мелькнула в голове растерянная мысль. Город казался настолько разрушенным, что ни шоссе, ни каких-либо дорожек под обломками не было видно. Андрей двинулся прочь от лабиринта, последняя дверь которого оказалась дверью бункера – единственного целого сооружения на всем обозримом пространстве. Поскольку никакие ориентиры на глаза не попадались, он выбрал путь, менее заваленный обломками домов, постоянно лавируя между нагромождениями. Сколько он блуждал среди гор кирпича и бетона, Андрей затруднился бы сказать, но тут его внимание привлекло что-то вроде памятника, выглядевшего на удивление целым, среди бетонного хаоса. Подойдя к сооружению, Андрей понял, что это не совсем памятник: на бетонном постаменте высотой метра в два был установлен грузовик-полупортка с деревянным кузовом, которые использовались во время войны. Грузовик выглядел совсем новеньким, а около постамента Андрей увидел нечто странное. Это был вросший в землю фаллической формы камень, утыканный прозрачными кристаллами, которые тускло поблескивали, словно под лучами невидимого солнца. Этот нелепый камень почему-то излучал покой и такую тихую светлую радость, что впервые за время астрального путешествия Андрей почувствовал, что освободился от какого-то томления, и уселся около камня под открытым небом. (Напомним, что за исключением тех эпизодов, когда мальчик заходил в помещение, его одолевала непреодолимая потребность все время идти вперед, и просто так усесться на землю было невозможно).

«Интересно, что меня в этом камне привлекает? – подумал он, глядя на камень чуть ли не с любовью, и поглаживая шероховатую верхушку. – Обычный гранит. А эти кристаллы, кажется, это горный хрусталь или раухтопаз, если не ошибаюсь. Странно, этот камень, – словно островок покоя среди безумия разрушения».

Он обратил внимание на то, что руки, лежащие на камне, хорошо фиксировались зрением и не меняли своей формы. Хорошо ощущалась шероховатость и температурная инертность камня, правда, при фиксации зрения, он словно бы увеличивался в размерах и взгляд начинал бесцельно блуждать по ненужным подробностям его фактуры, а кристаллы затевали игру формы, непонятным образом превращаясь в какие-то занятные фигурки, напоминающие детские игрушки – мишки, машинки, куколки.

– Дядя, ты что наши игрушки трогаешь? – вдруг услышал Андрей детский голосок у себя за спиной. «Я – дядя? – мелькнула в голове Андрея удивленная мысль. – А впрочем, кто знает, как я могу со стороны выглядеть, форма здесь меняется как угодно, вон с руками что происходит».

Андрей обернулся и увидел четырех детей: двух мальчиков лет десяти, девочку помладше и 4—5-летнего мальчика, причем мальчик и девочка выглядели как брат и сестра. Одеты они были по-летнему, старшие ребята в белых рубашках и хлопковых штанишках, девочка в пестром ситцевом платье, а ее брат в майке и трусиках.

– Что вы здесь делаете? – спросил Андрей первое, что ему пришло в голову. Он внимательно оглядел незнакомцев и отметил, что выглядят они очень правдоподобно, и лица их не меняют форму при пристальном взгляде.

– Мы здесь уже давно, – ответила за всех девочка. – Нас с братом везли на машине за город к бабушке. А потом что-то произошло, я никак не могу вспомнить, что именно, и мы очутились здесь, среди этих развалин. Мы искали папу и маму, но их здесь нет. Потом мы нашли этот камень, он хороший, он нам разные вещи показывает, кушать дает и игрушки здесь можно взять. А потом мы встретили Сашу и Сережу, они тоже не знают, что произошло, и родителей не могут найти. Дядя, а что случилось? Война, что ли, началась? Почему этот город разрушен?

Так же, как в случае с эками, Андрей сразу понял, что произошло и кто эти дети.

– Как тебя зовут? – обратился он к девочке.

– Лена, – вдруг произнес чей-то голос в его голове.

– Лена, – словно эхо ответила девочка.

– А тебя? – спросил он маленького мальчика, и точно так же имя «Алеша» прозвучало дважды, сначала в его сознании, затем из уст ребенка.

– Вам здесь нравится? – задал он новый вопрос, словно их ответ мог что-то объяснить.

– Нам здесь совсем не нравится, – снова ответила Лена. – Здесь никого нет, только мы и ребята, и везде развалины, и никак отсюда выйти нельзя – все время возвращаемся к этой машине и камню. Правда, камень хороший. Когда нас отсюда заберут к бабушке на дачу?

– Никогда вас на дачу уже не заберут! – грустно ответил Андрей. – Вернее, скоро заберут, но не на дачу. Вы умерли, в вашу машину попала бомба, и все погибли. Действительно, много лет назад была война, но сейчас на Земле она закончилась, но вы не на Земле, вы в астральном городе.

– А где мама с папой? – капризно спросила девочка, словно не понимая страшных слов Андрея. – Пусть нас отсюда заберут, нам здесь не нравится!

– Дядя, а что, мы тоже умерли? – перебил девочку старший мальчик, до которого, кажется, дошел смысл того, что сказал Андрей. – Я имею в виду меня и Серегу. Мы тоже ехали на этом грузовике. А потом сразу оказались здесь, и грузовик наш как памятник стоит, и развалины кругом, и дома не найти.

Было впечатление, что мысль о собственной смерти то ли не испугала детей, то ли не была до конца ими понята и воспринималась как какая-то новая игра. По крайней мере, ничего, кроме легкого удивления, в голосе мальчика Андрей не почувствовал.

– Вы все ехали на машине, и все погибли, – ответил он старшему мальчику. – Но это когда-то ждет каждого, и к этому нужно привыкнуть. Я сюда пришел для того, чтобы помочь вам уйти отсюда. Этот камень может не только кормить и давать игрушки. Смотрите!

Что им руководствовало, Андрей не смог бы объяснить, но почему-то четко знал, что надо делать, и знал, что для этого пришло время. Он снял с шеи медальон и прикоснулся им к одному из кристаллов.

– Это – ключ, – сказал он многозначительно, и не успел произнести эти слова, как кристалл трансформировался в женскую фигурку, затем она на глазах выросла и превратилась в молодую женщину с тревожным лицом.

– Мама! – закричали Алеша с Леной, и бросились к женщине, которая приняла их в свои объятия, правда, без излишней страсти, как вела бы на Земле себя женщина, через много лет нашедшая потерянных детей. В ее лице была печаль и отчужденность. Андрей с тревогой посмотрел на женщину.

– Правильно ли я поступил? – мелькнуло у него в голове.

– Все правильно! – ответила женщина на его мысли. – Я уже готова принять их, я все знаю и могу помочь им привыкнуть к новому миру. Там, где нахожусь сейчас я, гораздо лучше, чем здесь. Забираю их.

Она вошла в камень в обнимку с детьми и исчезла за его поверхностью. На какое-то мгновение Андрей увидел в кристалле вид какого-то дачного поселка, утопающего в зелени, и идущих по тропинке к нему женщину с двумя детьми. Затем картинка пропала, и кристалл исчез.

– А мы? – раздалось за спиной Андрея. – Мы тоже хотим, чтобы нас отсюда забрали!

Андрей прикоснулся медальоном к двум другим кристаллам, из камня возникли мужчина и женщина и так же забрали обоих ребят.

– Счастливого пути! – крикнул им вслед Андрей, но ответа уже не получил. – «Будет ли их путь счастливым? – подумал мальчик, покидая камень с кристаллами. – Надеюсь, что мир, куда их забрали родители, будет более радостным, чем этот. Ну ладно, им я помог, а мне-то самому как отсюда выбраться? Пора бы уже покинуть эти дурацкие развалины!»

Какое-то время он продолжал идти по разрушенному городу и вскоре подошел к чудом уцелевшей высокой арке, непонятно зачем высившейся между двумя полуразрушенными зданиями. За ней открывался вид на невысокие целые здания, правда, более детально это место рассмотреть не удалось, поскольку пространство за аркой было словно воздух над раскаленным шоссе и все предметы выглядели расплывчато.

«Рискну войти, – подумал Андрей. – Здесь, по крайней мере, что-то вроде выхода, а если арка превратится в тоннель, я уже знаю, как оттуда выбираться».

Но арка в тоннель не превратилась, и стоило ему пересечь этот подозрительный проем, как он очнулся около уже знакомых гаражей-сараяв астрального города Нарова, но теперь он шел наоборот, не к домам квартала, а к пустырю, который уже пересекал ранее, когда вылетал из своего дома. Андрей без приключений миновал гаражи, пустырь, затем долго шел вдоль неглубокой длинной канавы, заросшей бурой растительностью, словно бы опять вернулось лето. Канавка тянулась к одиноко стоящему в отдалении дому, и, хотя он не был похож на дом, в котором Андрей проживал на Земле, он почему-то твердо знал, что ему надо туда, и, подойдя к нему вплотную, мальчик, как по шоссе, стал подниматься по вертикальной стене, словно притяжение сейчас совершенно перестало действовать. Беспрепятственно он добрался до пятого этажа и, твердо зная, что это его окно (хотя в земном мире он жил на втором этаже), просо-

чился через стекло в квартиру и обнаружил, что находится на своей кухне, а за кухонным столом сидит мама и нарезает хлеб.

«Интересно, это настоящая, или опять какой-то фантом?» – подумал Андрей. Выглядела мама очень натурально, и действия ее тоже были вполне естественными.

«А если настоящая, то увидит она меня или нет?» – снова подумал Андрей и, ни слова не говоря, уселся на свободный стул. Мама подняла голову, и на лице ее засветилась обычная улыбка.

– А, Андрюша, чего это ты так рано поднялся? Тебе же еще в школу рано! А я тут завтрак готовлю. – Зачем-то объяснила она свои действия.

– Мама, – загадочно произнес Андрей. – Ты во мне ничего не замечаешь?

– А что? – удивленно спросила мама.

– А то, что я сейчас в астральном теле нахожусь!

– В каком еще астральном...

– Ну, это что-то вроде привидения. Могу, например, через предметы проходить, – с гордостью произнес мальчик. – Смотри! – Он положил руку на тостер, надеясь, что рука его пройдет сквозь него, но, к его удивлению, этого не произошло. Рука встретила весьма ощутимую преграду. Затем он схватил буханку хлеба, но и через хлеб рука не смогла пройти.

– Ты чего делаешь? – Мама удивленно посмотрела на него.

– Не получилось, – сконфуженно сказал Андрей. – Тогда попробуем другое. Пойдем в комнату, я тебе свое физическое тело покажу.

Он встал со стула и вышел через открытую дверь в коридор, уверенный, что мама пойдет за ним. В коридоре вдруг стало темно, правда, он рассмотрел, что коридор стал гораздо длиннее, чем в земном мире, и вдоль стен расположено вместо двух около десяти дверей в комнаты. «Откуда у нас столько комнат взялось? – подумал Андрей. – Ага, значит, я все же в астральном мире нахожусь!»

Наудачу он подошел к одной из дверей и обернулся на маму. Та молча стояла сзади.

– Смотри, сейчас я сквозь стенку пройду, – сказал Андрей, почему-то забыв, что усталовил свое местонахождение, а значит, и мама не настоящая, и удивлять ее прохождением сквозь стену вроде бы бессмысленно. С этими словами он действительно легко прошел сквозь стенку и оказался в своей комнате рядом с кроватью. Андрей оглянулся на дверь: мамы в комнате не было, посмотрел на кровать, и тут впервые увидел свое собственное лицо, освещенное утренним светом (остальное тело было прикрыто одеялом). Это было действительно странно, и ощущение значительно отличалось от того, что мы видим в зеркале. Он знал, что это он, Андрей, но почему-то казалось, что это лицо совершенно чужого человека.

«Интересно, – подумал Андрей, уже совершенно забыв о маме, – а в астрале у меня такое же лицо или нет?»

Он подошел к зеркалу, висящему на стене, но вместо подростка 15 лет из зеркала на него глядел взрослый мужчина лет двадцати пяти, и в следующее мгновение зеркало словно бы засосало его, и он очнулся в реальном мире на своей кровати. Часы показывали пять утра, стояло солнечное утро. Чтобы развеять последние сомнения, Андрей заглянул в комнату мамы. (Мама была уже полгода в разводе с отцом и жила вдвоем с сыном) – нет, она спокойно спала, чуть похрапывая во сне.

«Значит, не настоящая, – с некоторым сожалением подумал Андрей. – Но тело мое на кровати, кажется, было настоящим. Интересно, а почему в зеркале я взрослым выглядел? Все это надо у Маркелова спросить».

На этом закончился его третий осознанный астральный выход.

За завтраком Андрей все же не удержался и спросил маму, не видела ли она сегодня ночью чего-нибудь необычного, не приснился ли он ей как-то особенно ярко, или что-нибудь в этом роде. Мама удивленно посмотрела на Андрея.

– Да нет, не снился, – сказала она. – По крайней мере, ничего такого не припоминаю. Не знаю, имеет ли это отношение к твоему вопросу, но мне сегодня под утро не спалось, последнее время меня часто бессонница мучает, и я часа в 4 вышла на кухню: почему-то очень есть захотела. Выпила чаю с бутербродом, а потом вдруг какая-то тревога за тебя одолела, и решила посмотреть, спокойно ли ты спишь. Помню, когда ты был совсем маленьким, я ночью часто к твоей кровати подходила – одеяльце поправить, простынь подоткнуть. Трудно сказать, зачем я это делала, может, лишний раз хотела убедиться, что ты на месте и никуда не делся. Конечно, последние годы ничего подобного не было, а сегодня ночью, сама не знаю почему, захотела тебя провести. Ну и в коридоре – там достаточно темно – на какое-то мгновение показалось, что кто-то на меня смотрит. Ты знаешь, иногда бывает такое ощущение в темноте, и даже что-то вроде тени привиделось. Но затем все прошло, я зашла в комнату, ты на месте, спокойно спишь, не раскрылся, и я после этого спать пошла. А чего это ты вдруг спросил?

– Да так, ерунда, – ответил Андрей. – Ты мне сегодня приснилась, правда, не помню, в связи с чем, ну и глупый вопрос в голове возник: а может, и я тебе приснился? Так, глупости, не обращай внимания, простое совпадение.

Говорить маме о том, что он видел ее утром за столом режущей хлеб, было рискованно, поскольку мама боялась всего необъяснимого, и это только привело бы к ненужной тревоге, что с ее сыном происходит что-то не то. Значит, все-таки какую-то часть реальных событий он видел, правда, потом он с ней говорил, а она отвечала, и вообще беседовала с ним, как с реальным человеком, и пошла за ним, когда он повел ее посмотреть свое физическое тело. А в действительности она только почувствовала тревогу и ощутила на мгновение, что кто-то на нее смотрит, то есть никакого общения не было. И потом, он же после того, как вернулся в тело, ходил сам в ее комнату, и она в это время преспокойно спала, к тому же он посмотрел на часы – было около пяти, а мама сказала, что ходила его проводить около четырех, а контакт их длился всего пару минут – тоже неувязка со временем. Что же в действительности произошло? Андрей решил, что ломать голову все равно бесполезно, и отложил вопросы до встречи с Маркеловым.

Встреча произошла через два дня, Маркелов приехал из гастролей сильно загоревшим, и в его коллекции восточной экзотики появилось несколько новых статуэток, небольшой тамтам, напоминающий скорлупу кокосового ореха, и смычковый музыкальный инструмент всего с двумя струнами. Актер был как всегда приветлив, правда не выказал бурной радости по поводу встречи, которую так ждал Андрей, распираемый новой информацией – это был не его стиль. Налив мальчику какой-то чрезвычайно пахучий чай, он начал рассказывать.

– Ну вот, Андрюша, исполнилась моя давняя мечта: был на гастролях в Индии. Видел Таджмахан, Кхаджурахо, пещерные храмы. Святые места! Вот только бы жара послабее, да поменьше нищих и грязи, а валюты побольше. В общем, в чем-то я оказался разочарован. Провели меня на пару занятий в ашрам Махариши Махеш Йоги, я тебе давал его книгу по трансцендентальной медитации, так что видел великого гуру. Впечатление осталось, что это очень хитрый деловой человек с железной хваткой, который вовремя уловил моду Запада на восточные учения, и делает на этом отличный бизнес. Говорят, что на каждое занятие он приезжает на новом Роллс-Ройсе. Конечно, то, что он обучает тысячи и тысячи людей основам медитации – прекрасное дело, но ничего особенно нового я там не узнал. Вся публика очень экзальтирована и видит в своем гуру то, что хочет увидеть, все же неувязки в жизни Махариши с истинной духовностью объясняют тем, что он, дескать, свободен теперь от оков материи и может позволить себе все, что вздумается, не запятнавшись этим. Ну да ладно, я толькошний раз убедился, что за учителем не надо ехать на край света, и в больших сборищах, даже с самой возвышенной целью, нет ничего хорошего. Больше на эти семинары, даже если снова окажусь в Индии, не пойду.

Маркелов отхлебнул свой фирменный напиток из шиповника и мягко улыбнулся:

– Своего гуру я не встретил, видимо, до конца жизни так и останусь одиноким путником. Ты-то, как живешь? Что новенького, мы с тобой где-то около двух с половиной месяцев не виделись.

– Я тоже путешествовал, – с загадочным видом сказал Андрей и поведал Маркелову о двух своих последних астральных путешествиях.

– Очень любопытно, – промолвил актер, когда Андрей закончил свое длинное повествование. – Очень бурное астральное развитие, даже не знаю, что и сказать. Обычно каждая фаза продолжается по многу раз в течение многих месяцев и даже лет, когда каждый выход похож на предыдущий. Разница только в деталях, а тебя уже и через ловушки протащили, и какие-то фрагменты страдальщизны показали, и астральных шпионов засылали, и даже астральную работу с душами умерших выполнять поручили. Очень любопытно, даже не ожидал, что у тебя все так быстро пойдет, у меня это происходило гораздо медленнее...

– Иван Саныч, – начал Андрей. – Насчет ловушек мы с вами раньше уже говорили, они, как я понимаю, могут быть самыми различными, и выпутываться из них приходится по-разному. Но вы сказали, что мне кто-то чего-то показывал и кого-то засылал. Кажется, я сам во все эти истории попадал, и никто, кроме меня, в этом виноват не был. Да и задания никто не давал, я вроде бы как сам...

– Ну, тут ты не прав, – спокойно ответил Маркелов. – Те или тот, кто организовал твои астральные путешествия, совершенно не обязан был перед тобой появляться и что-то объяснять. Эти сущности могут наблюдать за тобой, оставаясь невидимыми, и направлять твое астральное тело в те или другие места. Если хочешь, это что-то вроде эксперимента на местности или духовного экзамена. Тебя ставят в то или иное положение и смотрят, как ты из них выпутаешься, правда, в трудных ситуациях могут оказать помощь, но еще надо, чтобы ты сумел ею воспользоваться.

– Надо же, – усмехнулся Андрей. – Такое внимание ко мне, обычному человеку! И чем это я его заслужил?

– Ну, насколько ты обычный человек, ты пока сам судить не можешь, да, честно говоря, пока и я не знаю истинных масштабов твоей личности. Но, чтобы ты не очень возгордился, могу сказать, что в масштабах Земли таких, как ты, не так уж и мало. Правда, у Демиурга и главы земного античеловечества Гагтунгра достаточно сил и средств, чтобы отследить каждого на Земле, кто начинает подниматься над средним уровнем, как в плане добра, так и в плане зла, и проследить его индивидуальную судьбу. Осознанный выход в астрал – это что-то вроде звонка в ту или иную инстанцию, или можно сравнить это с феноменом паука и паутины. Только в отличие от аналогии с насекомыми, паутину сторожат два паука: один – хороший, который заинтересован в том, чтобы мягко помочь твоей душе как можно быстрее эволюционировать, переходя на все более высокие круги бытия; и другой, который заинтересован либо в том, чтобы выпить твои соки, либо присоединить к своему воинству. В любом случае обоих больше всего интересует та муха, которая попала в паутину, и тут у них начинается самая настоящая борьба за душу. Ну а мухи, которые пролетают мимо, им гораздо менее интересны – таковы законы бытия.

Как правило, человек, поднимающийся в своем духовном развитии над серой массой, не только испытывает поддержку Бога, но и проходит испытания и соблазны гораздо более сильные, чем середняк, который не особенно интересен ни Богу, ни дьяволу. И тут только от тебя зависит, какой путь ты выберешь – светлый или темный, и не всегда светлый путь выглядит более заманчивым. Скорее наоборот, поскольку и тот и другой – пути могущества, но силы, предлагаемые темными, даются для утешения собственной гордыни и (как кажется на первый взгляд) быстрого возвышения над окружающими – это путь черной магии, кажущейся вседозволенности и власти. Другой же, светлый путь, как раз требует отказа от удовлетворения личных амбиций, жертвенности и любви при всем том, что награда не всегда прихо-

дит при жизни. Как, кстати, и расплата за выбор темного пути, хотя посмертие там уготовано страшное. Ведь сам Иисус Христос после того, как удалился в пустыню и сорок дней постился, подвергался сильнейшим искушениям: дьявол предлагал ему самые фантастические земные блага и безграничную власть за самую малость – его бессмертную душу, которая, в случае согласия Христа на эту сделку, попала бы под демоническое влияние. В результате вместо самого лучшего из сынов человеческих планета бы узнала самого могущественного тирана, поскольку личная сила Христа была огромна, и не существовало бы на Земле препятствия, которого он не смог бы преодолеть. А что предлагал ему Божий путь? Путь пожизненного отказа от личных интересов? Путь гонений и страшной позорной казни на кресте под улюлюканье и издевательства толпы, которой он отдал всю свою безграничную любовь и целительский дар. И ради чего? Только для того, чтобы, принеся себя в жертву, немного просветлить карму человечества, а шеолы или страдалища преобразовать в чистилища, чтобы самый последний грешник имел шанс искупить посмертно свою вину и перейти на путь просветления. Сопоставимы ли условия выбора? И все же Иисус отвергает предложения дьявола, выбрав крестный путь. А какой выбор сделал бы ты?

Андрей смутился:

– Ну, я не знаю, даже страшно подумать об этом.

Маркелов усмехнулся:

– Не пугайся, в конце концов, какой бы ты способный ни был, масштабы твоей личности несопоставимы с масштабами личности Иисуса Христа, и твоя миссия на Земле гораздо скромнее. К тому же, выбрав путь света, совсем не обязательно идти на Голгофу, правда, и власть над миром тебе вряд ли будет предложена. И все же выбор надо будет сделать, хотя мини-выборы между светом и тьмой любой человек делает каждый день: поддаться или не поддаться гневу, лени, уступить или не уступить своим желаниям и амбициям. Но у человека, вступившего на путь осознанного духовного развития, выбор может быть достаточно мистериальным: к нему в действительности может явиться некий вестник иных миров (темных или светлых) и предложить альтернативу, и, возможно, не один раз, поскольку каждый человек, как бы он высоко ни забрался, имеет шанс свалиться. Как будет у тебя, я не знаю, просто хочу предупредить, что такой вариант возможен, но, повторяю, чем выше человек забрался и чем большей личной силой он обладает, тем больший интерес он представляет как для светлых, так и для темных. Личная сила определяется только количеством и не имеет знака, ее можно использовать как для светлых, так и для темных дел: огонь может спасти путника в мороз, а может сжечь жилище.

Маркелов замолчал, словно ждал, чтобы Андрей переварил услышанное.

– Иван Саныч, – заговорил Андрей после некоторого молчания. – Я все-таки хочу, чтобы вы разъяснили мне некоторые неясности, хотя в том мире, куда я уже несколько раз попадал, – все неясно. Вроде бы и похож на наш, а все-таки – совсем иной. Расскажите мне более подробно про ловушки.

– Астральный мир, – начал Маркелов, – вернее, группа астральных миров, – сколько их на самом деле, я затрудняюсь сказать, – требует постоянного изучения, причем далеко не все там можно понять разумом, поскольку твой земной разум формировался в условиях физического мира, и законы этого мира ему кажутся единственно реальными. Поэтому, когда этот разум попадает в иную реальность, с иными законами бытия, он пасует и отказывается их признавать. Ты-то еще путешествовал в мире более-менее сходном с земным, а есть куда более причудливые, где рациональному разуму вообще не за что уцепиться. И все же эти миры познаваемы, их можно изучать, и со временем они становятся все более и более понятными, но для этого нужно сделать очень много путешествий и привыкнуть к ним и их обитателям. Иногда на это уходит вся жизнь.

Я уж не говорю о средних и высших мирах просветления: ментальном, или огненном, кармическом, нирваническом и еще более высоких. До них при жизни добирались вообще

единицы, и дать им какое-то адекватное описание почти невозможно. Куда удастся забраться тебе, я не знаю, но начал ты, хоть и довольно шустро, с самых ближайших, напоминающих наш земной или физический.

Не думай, что все мои объяснения надо принимать безоговорочно, как непреложную истину: на языке разума все это объяснить невозможно, прими их, как рациональную версию, осознать и расширять которую (а может, и отказаться от нее), предстоит тебе самому по мере накопления опыта, новых понятий и раскрытия в себе более высоких уровней разума, или сверхсознания. Поэтому, если будут возникать какие-то неувязки, – не обессудь.

Итак, начнем со следующего постулата: (здесь я буду говорить только об астральных мирах или сакуаллах, не касаясь более высоких). Система астральных миров подобна множеству отражений с физического мира, причем чем дальше от оригинала его отражение, тем оно сильнее искажено. В свою очередь, каждое отражение может давать вторичные квази-отражения, которые будут отступать от оригинала еще больше, подобно игре в испорченный телефон. Причем отражаются и искажаются не только образ этого мира, но и законы формы, времени и пространства, там господствующие. И наоборот: чем ближе отражение к физическому миру, тем оно более на него похоже. Принцип и характер этих изменений можно постичь, только пройдя через них в последовательности и охватив сверхсознанием всю грандиозную панораму в единую систему. Пока этого не произойдет хотя бы частично, все астральные путешествия будут казаться тебе не более чем причудливые, правда, очень живые и реальные сны, сколько бы рациональных объяснений я тебе ни давал. Когда же скрытый в тебе сверхразум начнет пробуждаться, возникнет феномен «сквозящих миров», и они начнут просвечиваться для тебя через защитную оболочку физического мира, воспринимаясь даже в дневном сознании.

Предвосхищая вопрос о том, видел ли ты свою маму реальной или нет, скажу: ты видел некое отражение реальной мамы, с возникшими искажениями пространства и времени в одном из астральных слоев. И если в физическом мире твоя мама просто почувствовала неясный зов, то в астральном слое ты разговаривал с ее отражением, пытался ей продемонстрировать какие-то фокусы и повел ее в свою комнату, к тому же со смещением во времени около часа, и в искаженном образе вашей квартиры. Сколько ты в коридоре, десять, что ли, дверей насчитал? А твое зависание в огромном помещении среди радостных световых конструкций с ощущением новогоднего праздника? Как тебе Голос это место назвал: «это истинное имя-форма воздуха»? Так, что ли? По-видимому, ты оказался в мире астральных ноуменов, где пребывают отражения каких-то физических объектов или стихий. Это некие тонкоматериальные категории, которые представляют собой тайную суть, или истинное (не словесное) имя этого объекта и какую-то его отраженную форму. Возможно, речь шла не просто о воздухе, но воздухе вокруг люстры, около которой ты позже вынырнул в физический мир. Ты, наверное, знаешь ощущение разлитого в воздухе праздника, это особенно хорошо ощущается в Новый год. Это не случайное выражение, чувство праздничности – энергия, которая в буквальном смысле разливается в воздухе. Возможно, ваша старинная люстра с хрустальными висюльками в комплексе с окружающим воздухом отражает в слой астральных ноуменов ту гамму форм и ощущений, которую ты испытал, и это спровоцировало твое возвращение в физический мир именно рядом с люстрой. Что-то, наверное, в этой люстре есть праздничное, новоеднее. И еще. Говоря об объекте и отражениях, надо смотреть глубже: не только объект обуславливает отражения, но и отражения обуславливают существование объекта и накладывают на него свои свойства. Поэтому наш физический мир такой, как мы его наблюдаем, – не сам по себе, а потому, что его таким сделали свойства, наложенные на него мириадами отражений. В конце концов, ведь и сам физический мир – это только отражение его на нашей зрительной сетчатке и других органах чувств. Какой он, с точки зрения абсолютной реальности или вещи в себе, никто не знает. А вернее, знают

те, кто достиг полного просветления. Надеюсь, я не очень утомил тебя абстрактной философией? – закончил Маркелов, внимательно глядя на Андрея.

– Нет, нет, продолжайте, кажется, я что-то улавливаю! – пылко ответил мальчик.

– Тогда перейдем к твоему вопросу о ловушках, – продолжил актер, откинувшись на спинку кресла и рассматривая полузакрытыми глазами сложенные на груди пальцы. – Я уже сказал, что в этих ловушках, которые по совместительству могут оказаться и страдальщиками, ты проходил что-то вроде теста на прочность и сообразительность. Это к тому же и некие испытательные макеты, где создаются разнообразные ситуации, необходимые для тренировки твоей души. На первый взгляд может показаться, что это дьявольские конструкции, и действительно, отчасти это так, они заставляют душу страдать, они могут напугать, а если ты не найдешь способа выбраться, то в физическом мире твое тело может никогда не проснуться: умереть или впасть в летаргию. К тому же через них темные способны засосать твое астральное тело в свои апартаменты. Нечто подобное произошло с тобой несколько лет назад, когда ты оказался в трапезной человека в черном плаще. Наверняка это был один из магистров темного воинства, но, к счастью, некие светлые силы не позволили завладеть ему твоей душой: по-видимому, сам магистр нарушил равновесие и превысил полномочия, не имея права на задуманное. Но получается вот что: черные, расставляя ловушки, сами того не желая, помогают душе развиваться, крепнуть в разных ситуациях и в конечном счете увеличивать ее личную силу, которая может быть использована для благих целей. Но так уж устроен мир: все сущее имеет как теневую, так и светлую стороны. Я не буду детально касаться лабиринтов, избы и всего остального – это явления одного порядка, и, как я сказал, кроме функции ловушек, имеют функцию страдальцев. Души, угодившие туда посмертно, просто не имеют сил оттуда вырваться, ты их видел: окровавленные лица, показавшиеся из куста. Некоторые ловушки могут быть чем-то вроде лифта в нижний астрал, пример: избушка, которая стала погружаться в землю, и если бы твоя душа была утяжелена, то никаким усилием воли не удалось бы ее поднять на поверхность. Ну, не будем здесь касаться деталей отбывания наказания в аду – об этом, если не считать Данте, совершенно потрясающе написал Даниил Андреев в поэме «У демонов возмездия». Когда-нибудь обязательно дам ее тебе прочитать. Еще вопросы есть?

– Есть, – отозвался Андрей. – Мне, например, непонятна история с домом моего раннего детства в Донецке: что там, в астрале, есть местность на любой случай жизни, для любого, кто туда попадет?

– Конечно – нет, – терпеливо продолжал объяснять Маркелов. – Я думал, ты уже это понял. Форма там не имеет устойчивости предметов физического мира, и материя там того же порядка, что и материя наших ощущений и чувств. Возможно, кто-то провел эксперимент, попытался заманить тебя внутрь фигуры из черных запятых, а в качестве приманки был выставлен двор и дом твоего детства. А может быть и сама эта зона астрала имеет свойство принимать форму самых ярких впечатлений. Ты читал повесть Лема «Солярис»? Ну, что-то вроде этого. Тебя пытались заманить в ловушку, но ты не попался, и, когда фигура рассыпалась, поддерживать обман стало бессмысленно, и двор вместе с домом твоего детства превратились в знакомые уже тебе кварталы Нарова. Если бы ты попал внутрь этой фигуры, последовало бы новое испытание, и тогда выпутаться было бы труднее, никто не знает, что тогда бы могло произойти. Но ты разрушил ловушку правильными действиями, не входя туда: просто забрал у нее энергию, возможно, и сам не понимая, что делаешь. Что еще непонятно?

– Иван Саныч, – спросил Андрей, по ходу разъяснений припоминая новые неясности. – Вы что-то говорили об астральных шпионах. Как я понял, это касалось фантома моей классной руководительницы. Что ей было надо? И потом, кто был этот детина у стены, который открыл мне дверь в комнату с нашим семейным зеркалом?

– Попробую высказать тебе свои соображения, хотя, повторяю, это – всего лишь одна из версий, – ответил Маркелов. – Здесь ты имел дело не просто с ловушкой: некие силы, навер-

няка темные, имели конкретный интерес к твоему астральному медальону. Возможно, они хотели заполучить его, как предмет силы, а может, сам по себе, он им и не нужен, но этот медальон тебя от чего-то защищает, что им не нравится, а также, судя по тому, как эта дама его назвала, он служит ключом к различным астральным дверям. Ты ведь с помощью этого медальона соединил души детей с душами их родителей и помог им переместиться в более светлый мир. Может, он что-то вроде приемника, и через него ты получаешь советы и помощь светлых сил. В любом случае, интерес к этому талисману проявлен, и ты должен его тщательно оберегать. Ну а по поводу того, почему астральная сущность приняла образ классной руководительницы – тут, по-моему, все ясно: прочитала твои мысли и решила, что классная руководительница лучше всего сможет заставить тебя добровольно отдать медальон, поскольку силой забрать его они не могут. Последует нарушение Равновесия и неизбежное наказание. Поэтому, как только ты что-то заподозрил и дал отпор, фантом тут же ретировался. Теперь – по поводу детины. Тут ситуация менее ясна. Скорее всего, это был страж ворот, который решает, куда можно пускать астральных путешественников, куда нельзя. Почему-то он считал нужным пропустить тебя в вертикальный шурф. Возможно, тебе хотели продемонстрировать одно из страдалищ, где душа как бы теряет свои пространственно-временные координаты. Наверное, какие-то души подвержены именно такому наказанию, тебя же задержать там навсегда они не имели права и ограничились экскурсией, а также, как я понял, это был еще и тоннель в места других страдалищ.

– Иван Саныч, – снова заговорил Андрей. – Я вас сегодня замучил вопросами, но у меня накопилось столько неясностей! Почему я вдруг с душами умерших начал общаться, и даже, как мне кажется, помогать им? Я ведь ничего такого делать не собирался.

– Каждый человек на Земле, Андрюша, выполняет какую-то миссию, часто даже не понимая этого, и если его душа готова, то и миссию в астрале при жизни. – Задумчиво ответил актер. – И не всегда его дневное сознание догадывается об этом. Очевидно, ты получил задание от светлых сил и, насколько я понял, успешно с ним справился. То, что ты до сей поры об этом не догадывался, ни о чем не говорит: характер и задача задания была внушена твоему сверхсознанию, которое пока осознается тобою только в малой степени. Когда ты вышел в астрал, доступ к нему облегчился, и ты, сам того не понимая, начал действовать по его указанию. Дело в том, что многие души в посмертии находятся в замутненном состоянии, это связано и с условиями предшествующей жизни, и с уровнем развития души, поэтому многие из них даже не понимают, что умерли и находятся в другом мире. Ты с этим столкнулся. Твоя же душа частично пробуждена, в астрале ты сохраняешь достаточно ясное сознание и рациональный познающий ум, поэтому на тебя была возложена миссия объяснения. К тому же ты обладал достаточно большой личной силой, чтобы поделиться с умершими и помочь им переместиться в более высокие слои астрала. В одном случае ты соединил души детей с родителями, в другом – исполнил просьбу Даниила Андреева о помощи его сокамерникам. Лично его душа, находясь в мирах просветления, этого сделать не могла, ей был нужен посредник. Ну а задание и мыслеформу книги «Роза мира», как я уже говорил, твое сверхсознание получило от самой души Даниила Андреева, но осознал ты это только во время астрального выхода. Не сомневаюсь, что после контакта с книгой, вернее, ее энергией, души бывших эков переместятся в более высокие, светлые слои астрала. Ну что, еще есть вопросы?

Андрей уже перестал удивляться легкости и логичности, с какой Маркелов объяснял ему самые запутанные вопросы. Мальчик ощущал радостную ясность, словно с плеч его свалился груз тягостных загадок.

– Да вроде бы все, – ответил он, пытаясь припомнить, какие вопросы у него возникали во время двух последних путешествий. – Как вы думаете, что меня ждет в дальнейшем?

– Об этом, Андрюша, я не могу сказать, – ответил Маркелов. – Пусть даже я о чем-то и догадываюсь, я не имею права навязывать свою схему. Это может исказить твой реальный

путь, другое дело, как разъяснить тебе то, что уже произошло. Это твое духовное испытание, и справляться с возникающими проблемами должен ты сам. А пока занимайся йогой по намеченной нами программе, этот род духовной практики у тебя идет неплохо, но не исключено, что когда-нибудь ты перейдешь на другой путь. У меня почему-то в последнее время держится ощущение, что общаться нам осталось не так долго, и наши дороги должны разойтись. А впрочем, может быть, я и ошибаюсь, не переживай.

– Даже страшно об этом подумать, – взволнованно сказал Андрей. – Оказаться одному, среди этой неизвестности! Вы так хорошо все можете объяснить, успокоить. Если наше общение будет как-то зависеть от меня, то я все сделаю, чтобы оно никогда не прекращалось.

– Не зарекайся, – усмехнулся Маркелов. – Пути Господни неисповедимы. Может, у тебя появится новый учитель, для которого твой путь будет более органичным, может быть, твоим учителем станет Единственная...

– Моим учителем – какая-то девчонка, которая даже неизвестно где живет? Что-то в это трудно верится, – с сомнением проговорил Андрей.

Маркелов снова загадочно улыбнулся:

– Может, ты еще долго не встретишь ее на Земле, может твоим учителем будет ее душа, возможно, вы уже готовы к устойчивому контакту.

– Да, чуть было не забыл, – вдруг вспомнил Андрей. – Почему в астрале я увидел в зеркале свое отражение, как отражение взрослого мужчины?

– Твоя душа взрослеет, и меняется ее условный облик, – улыбнулся Маркелов. – Но остерегайся, если в своем лице, ты вдруг увидишь уродливые черты. Это будет свидетельством тому, что ты попал под влияние черных. Вспомни «Портрет Дориана Грея». Ну ладно, заговорились мы с тобой, завтра вставать рано.

На этом друзья расстались, и Андрей побрел домой, сильно расстроенный последним заявлением Маркелова.

Прошел месяц, и у Андрея произошел новый астральный выход. В ту ночь он заснул обычным сном, но проснулся под утро со знакомыми ощущениями жужжания во всем теле, правда, на этот раз оно не было столь неприятно, как раньше, и Андрей даже не отправился в ванну, чтобы избавиться от томления в ногах. Некоторое время он наблюдал ощущения своего тела, затем понял, что видит свою комнату, тьма которой только недавно стала рассеиваться утренней предрассветной мутью, причем видит с закрытыми глазами. Это было очень интересно, и Андрей начал забавляться новым явлением. Он обратил внимание, что видит не всю комнату, а только ее какие-то фрагменты, и не может по своему желанию увидеть тот или иной предмет. Перед его мысленным взором почему-то все время появлялось пианино (он уже много лет не занимался музыкой, но пианино осталось, как напоминание о былых мучениях), особенно его нижняя часть с педалями и закатившаяся под него авторучка. Мальчик вспомнил, что около полугода назад у него пропала ручка, и все его поиски не дали результатов, правда, под пианино он, кажется, не заглядывал. Затем он переместил внутренний взор в сторону окна и разглядел письменный стол с часами, правда, часы оказались не те, что стояли на столе в действительности. Вместо обычного будильника, он увидел старинные часы с маятником, и тикали они с гораздо большими интервалами, чем в обычном мире, а цвет циферблата на каждый «тик» становился то белым, то черным, и стрелки показывали то шесть, то полседьмого. Он попробовал рассмотреть другие части комнаты, но это почему-то не удавалось, все время появлялась либо нижняя часть пианино, либо часы с меняющимся циферблатом. Затем комната пропала, и перед внутренним взором пошли красочные картинки. Он увидел какой-то незнакомый дачный участок, одноэтажные и двухэтажные деревянные коттеджи утопали в цветах, и фруктовые деревья ломились от спелых яблок, груш, слив. И коттеджи с резными ставенками и петушками на крышах, и художественно изготовленные невысокие заборчики, и приусадебные участки с аккуратными грядочками, подстриженной травкой и плиточными

дорожками были на диво приветливы и ухожены. Та часть дачного поселка, которую видел Андрей, вплотную примыкала к прекрасному сосновому бору с высоченными корабельными соснами, белым мхом и кустиками брусники. Вся картина была залита мягкими лучами невидимого солнца, и Андрею страшно захотелось там очутиться. В этот момент его сознание втянулось в невидимый тоннель, и через мгновение он очутился в том месте, которое только что стояло перед его мысленным взором.

Испытывая непередаваемый покой и радость, каких он никогда не испытывал во время своих предыдущих астральных путешествий, Андрей двинулся по дивному сосновому лесу.

«Как хорошо! – думал он. – Никогда подобных чувств не испытывал».

Немного побродив среди высоченных стволов, он уселся на ласковый белый мох рядом с рыжеватой сосной и стал поглаживать шероховатый толстенный ствол, затем ему захотелось убедиться в достоверности происходящего. Он начал рассматривать свои руки, лежащие на стволе – они выглядели на удивление устойчивыми, и не меняли формы, затем он, почему-то, решил проверить прочность дерева, обхватил его руками и начал сжимать. До какого-то момента руки его встречали устойчивую преграду, затем, когда он надавил сильнее, они стали входить внутрь древесины, словно она была выполнена из какого-то мягкого материала, то есть руки ощущали преграду, но преодолевали ее, и через какое-то мгновение соединились. В этот момент дерево надломилось, начало крениться, но когда Андрей испугался, что может быть покалечен упавшей сосной, и машинально крикнул: «Отдай свою энергию», – падающий ствол вдруг превратился в тень, и эта тень вытянулась по всей длине на земле, хотя никакого дерева, которое могло отбрасывать эту тень, уже не было. В этот момент Андрей ощутил мощный прилив сил и озорной радости от этого неожиданного могущества.

«Вот здорово, – подумал он, – такое огромное дерево голыми руками свалил! Ну-ка еще попробую».

Какое-то время он опустошал лесной участок, без разбора сваливая и превращая в тени окружающие сосны, затем, одумавшись и посмотрев на уничтоженный им уголок леса, то тут, то там усеянный странными тенями без объекта, вдруг устыдился своей бессмысленной удали.

«Ну вот, столько красивых деревьев погубил! – подумал Андрей. – Такое было благодатное место, а теперь – одни тени на земле. И все же, какие силы передалось! Такое чувство, что любое дело могу совершить. Надо будет этот способ восстановления сил запомнить, может, для дальнейших путешествий пригодится».

Испытывая небывалую бодрость, Андрей решил осмотреть дачный участок, чтобы снова испытать радость щедрого урожая, которую он частично испытал еще до выхода из тела. И тут выяснилось, что, собственно, никуда он пойти не может: земля схватила его ноги мертвой хваткой. Он опустил взор вниз и увидел, что никаких ног, да и всего тела нет, а под ним находится ствол дерева: Андрей понял, что превратился в огромную сосну.

Вся его удаль и самодовольство мгновенно испарилась, и он испытал неподдельный страх. Всюду на высоте его взора виднелись верхушки оставшихся сосен, а от его ствола во все стороны расходились тени только что погубленных им деревьев.

«Доигрался, – подумал Андрей, – сколько раз убеждался, что здесь надо быть осторожным, как бы красиво вокруг ни казалось. И что же теперь делать?»

Андрей огляделся вокруг. Трудно сказать, как именно он огляделся, поскольку ни головы, ни глаз у него не было, тем не менее, его взор свободно двигался по окружности. С одной стороны достаточно далеко простирались верхушки деревьев, затем – что-то вроде карьера, затем – снова лес, а может быть, большой сад, поскольку деревья были гораздо ниже и выглядели как-то окультурено. Еще дальше, где-то на горизонте виднелось что-то вроде огромной телевизионной башни непомерной высоты, поскольку даже простиравшиеся там горы выглядели гораздо ниже. С другой стороны шли уютные садовые участки, утопающие в зелени и цветах, а дальше – здания, сходные с православными церквями и мечетями (Андрей просто

не знал, как выглядят храмы других религиозных конфессий), и заканчивалась вся эта панорама кварталами современного города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.